

Министерство науки и высшего образования РФ
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
Калужского государственного
университета имени К.Э. Циолковского

Серия
Гуманитарные науки

2026

Калуга – 2026

УДК 009

ББК 72

Н 34

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
КГУ им. К.Э. Циолковского

**Научные труды Калужского государственного университета
имени К.Э. Циолковского.** Серия: Гуманитарные науки. 2026. – Калуга:
Издательство КГУ имени К.Э. Циолковского, 2026. – 215 с.

ISBN 978-5-88725-858-4

В настоящее издание включены материалы докладов гуманитарных секций Восьмых Калужских университетских чтений.

Сборник предназначен для научных работников, специалистов, преподавателей и обучающихся, интересующихся актуальными вопросами гуманитарных наук.

Редакционная коллегия:

Исадченко С.О. (гл. редактор)

Хачикян Е.И.

Чиликина О.Н.

Похаленкова Е.И.

Казакова С.П.

Грушевицкая Т.Г.

Крутиков В.К.

Елистратов Е.А.

ISBN 978-5-88725-858-4

© КГУ им. К.Э. Циолковского, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

«Диалог культур в мировой литературе: от классики до постмодерна»..6

Е.И. Хачикян

Специфика формирования духовно-нравственных ценностей на уроке литературы..... 6

О.Е. Похаленков

Особенности перевода реалий в романе Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» 14

Ю.М. Садовникова

Синтез культур в романе Б. Ансворта «Рубин для танцовщицы»..... 17

Н.В. Уманцев

Роль филологических дисциплин в профессиональной подготовке юристов: системный анализ..... 22

А.А. Якушева

Интеграция национальных и мировых культурно-ценностных ориентиров в обучении и воспитании на уроках литературы 30

Н.У. Кумелашвили

От публицистического текста к художественному: роль журналистов и писателей во франкоязычных текстах искусствоведческой направленности 34

«Прикладные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков» 42

Т.И. Полищук

Передача национально-культурной специфики в переводе: анализ безэквивалентной лексики романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» 42

«Инновационные методы и технологии изучения аспектов английского языка и современные методики его преподавания» 51

Т.С. Василенко

Анализ культурно-специфической лексики в современной англоязычной прозе..... 51

С.Д. Концеева

Анализ сформированности социокультурной компетенции у школьников на ЕГЭ 58

Н.А. Ощепкова	
Интертекстуальность как аспект интерпретации художественного текста	65
Е.И. Похаленкова	
Применение аутентичных материалов на занятиях по практике речи в целях повышения мотивации у студентов языковых профилей подготовки	73
А.В. Разумкова	
Базовые и производные значения полисемантической лексемы с учётом работы глубоких функциональных уровней когнитивной системы человека	79
М.И. Реутов	
Принципы обучения, реализуемые в практике преподавания иностранных языков, как категория лингводидактики	87
И.М. Сазанец	
Роль заимствований из латинского и французского языков в развитии английского гибридизма	93
Е.А. Филатова	
Использование мобильных и онлайн платформ для организации эффективной самостоятельной работы учащихся средней школы (в русле цифровизации образования)	100
«Человек. Культура. Общество»	105
Т.Г. Грушевицкая	
Роботы: от фантастики к реальности и от реальности к фантастике	105
О.Г. Лукьянова	
Эффект сообщества: развитие надпрофессиональных навыков в проектной деятельности	111
М.А. Попова	
Концепция пассионарности Л.Н. Гумилева и современное неоевразийство	117
Д.А. Казаков	
Редукционизм и антиредукционизм в философии сознания	122
И.В. Федяй	
Философия науки в контексте суверенной эпистемы	131

О.З. Ахметгареев	
Перспективы развития детского театра в рамках провинциальной культуры	136
А.Н. Буланов	
Феномен «Малый народ» в контексте учения методологов	140
Жуков М.В.	
Архетип духовного воина в индуистской, христианской и русской традициях: единство и специфика.....	151
«Современные практики экономики и управления»	162
М.С. Ганков, М.В. Якунина	
Методы экономического обоснования инновационного совершенствования систем теплоэнергетики	162
В.К. Крутиков, В.А. Якунина	
Обоснование внедрения «Битрикс 24» в деятельность ИП Якунина В.А.	167
О.В. Натробина	
Статистический анализ уровня безработицы в Калужской области на современном этапе экономического развития	174
Н.Н. Чаусов	
Кадровое обеспечение сельского хозяйства региона как фактор устойчивого развития: вызовы и новые возможности	189
М.Ю. Чернышов, М.В. Якунина	
Финансовая деятельность промышленного предприятия как объект отраслевого экономического анализа в условиях цифровизации экономики	198
С.Н. Шишонков, М.В. Якунина	
Методика оценки эффективности благоустройства городской среды.....	206
М.В. Якунина, Ю.Г. Малахова	
Рынок банковских услуг в России в 2025 году	210

«Диалог культур в мировой литературе: от классики до постмодерна»

УДК 372.882

Е.И. Хачикян

Специфика формирования духовно-нравственных ценностей на уроке литературы

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Статья посвящена осмыслению влияния литературы на духовно-нравственное воспитание личности. Особое внимание уделено специфике литературы как учебного предмета, её широким возможностям для развития такого качества, как эмпатия, играющего значительную роль в становлении духовного мира человека. Подчёркивается, что задача изучения литературы заключается в формировании устойчивого мировоззрения и ценностных ориентаций личности.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, урок литературы, духовный мир, ценностные ориентации личности, художественная литература.

E.I. Khachikyan

The specifics of the formation of spiritual and moral values in the literature lesson

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article is devoted to understanding the influence of literature on the spiritual and moral education of a person. Special attention is paid to the specifics of literature as an educational subject, its wide possibilities for the development of such qualities as empathy, which plays a significant role in the formation of the spiritual world of man. It is emphasized that the task of studying literature is to form a stable worldview and value orientations of the individual.

Key words: spiritual and moral values, literature lesson, spiritual world, value orientations of personality, fiction.

В современном обществе, где личность признана высшей ценностью, а главная задача образовательной системы заключается во всестороннем развитии индивида, остро встаёт вопрос о необходимости глубокого изучения процесса формирования духовно-нравственных ценностей в рамках образовательной деятельности. Такой подход способствует развитию сознания, которое представляет собой комплексное объединение представлений, эмоциональных переживаний и накопленных знаний. В результате этого процесса формируются ключевые нравственные ориентиры, которые лежат в основе внутренних убеждений человека.

Актуальность духовно-нравственного становления учащихся с учётом воспитательного потенциала урока литературы, систематическое и целенаправленное применение его эстетических и образовательных возможностей для формирования стойких моральных ценностей молодёжи, является неотъемлемой и значимой частью современного образовательного процесса.

Глубокое воздействие художественного текста на характер индивида объясняется его непрерывным и многогранным влиянием на наши мышление и чувства. С самых ранних этапов осознанной жизни человек погружен в литературное пространство. По мере взросления, зачастую незаметно для самого себя, у него постепенно развивается эстетический вкус, который имеет существенное значение для последующего формирования его мировоззрения и системы ценностей. Искусство слова, воздействуя на самые тонкие струны души, способствует комплексному развитию личности. Оно не только обогащает внутренний мир, но и расширяет границы восприятия, позволяя глубже понимать себя и окружающую действительность.

Ориентация индивидуальности на положительные моральные установки служит ключевым механизмом, регулирующим её социальные действия. В сложившейся ситуации прочные культурные ориентиры, представленные в художественной литературе и формировавшиеся на протяжении веков благодаря опыту предшествующих поколений, способны выступить в качестве основополагающего фактора в процессе возрождения в социуме утраченных морально-этических норм.

Современное представление об уроке словесности всё чаще ориентируется на двустороннее взаимодействие с аудиторией. Накопленный педагогический опыт свидетельствует о том, что наиболее плодотворным является преподавание литературы, организованное на трёх уровнях диалогического подхода.

В наши дни урок словесности всё более активно рассматривается как форма диалога с аудиторией. Практика преподавания убедительно доказывает, что наиболее результативным методом ведения занятий по литературе представляется их организация на трёх уровнях, предполагающих активное диалогическое взаимодействие.

На начальном этапе обучения закладывается эстетический фундамент образовательного процесса, рассматривающий литературу как высшую форму владения словом. Вбирая в себя ценные наработки смежных видов искусства – будь то живопись, музыка, сценическое искусство или кинематограф, – литература, в свою очередь, делится собственным богатым опытом и достижениями. В динамичной среде взаимного обогащения эстетическая природа литературного мастерства оказывает максимальное воздействие на формирование личности.

Изучение литературы выходит на новый уровень, когда происходит укрепление жизненных мировоззренческих и этических принципов. Именно эти аспекты определяют гражданскую направленность творческих побуждений учащихся, их самоидентификацию в национальном смысле и формирование активной жизненной позиции. Во взаимодействии с мастером слова мы познаем мир, постигая его эстетическую, мировоззренческую и нравственную природу. Третий уровень урока литературы заключается в размышлении над моральными основами бытия, над тем «первообразом гармонии», который, по словам Л. Толстого, присущ человеку с рождения и поддаётся развитию посредством искусства.

Формирование нравственных представлений у обучающихся в рамках уроков литературы осуществляется последовательно на каждом из трёх предусмотренных уровней. Педагогу следует организовать учебную деятельность таким образом, чтобы элементы данной многоуровневой системы усваивались учащимися как целостный и взаимосвязанный комплекс.

Художественная литература способна выступать в качестве уникального навигатора в процессе нравственного становления индивида, давая ответы на множество жизненно важных вопросов о природе человека. Особенность влияния литературного произведения на внутренний мир читателя состоит в возможности сопоставления личных этических взглядов с авторитетной позицией автора и их последующей корректировки. Следовательно, ученики смогут познать себя, понимая точку зрения окружающих.

Художественное творчество, особенно литература, обладает существенным потенциалом для формирования эмпатии – важнейшего личностного качества, оказывающего особое влияние на развитие внутреннего мира личности.

В работах по методике литературного образования, принадлежащих таким исследователям, как Н.И. Кудряшев, Г.И. Беленький, М.Г. Качурин, В.А. Никольский и Л.С. Айзерман, последовательно подчёркивается мысль о центральной роли учащегося в процессе изучения художественной словесности. Акцент делается на уникальности внутреннего мира школьника, его личных позиций и читательских предпочтений. Согласно данной научной позиции, ключевой целью литературного образования выступает становление системы духовно-нравственных ориентиров и целостной картины мира у обучающихся.

Создание атмосферы сотрудничества, совместного творчества и эмоциональной поддержки на уроках литературы повышает эффективность обучения и способствует более глубокому усвоению материала. Активное чтение и практическое применение усвоенных знаний выступают ключевыми условиями для успешной самореализации личности. Как отмечал ещё Платон, молодёжь следует знакомить лишь с произведениями высокой нравственной ценности, поскольку, согласно его позиции, чтение недостойных текстов может привести к укоренению дурных начал вместо добродетели.

Особенность литературного творчества состоит в том, что индивидуальный и социальный опыт человека воплощается в уникальных художественных формах, при этом особое значение принадлежит морально-этической составляющей. Именно она служит основой для развития духовных и нравственных ориентиров личности. Поэтому все вопросы эстетики, философии и политики раскрываются через эту ценностную систему. Таким образом, универсальные ценности в литературном произведении в первую очередь проявляются через освоение его морально-этического содержания.

Существуют два способа раскрытия воспитательных возможностей художественной словесности. Один из них предполагает движение от конкретного учащегося к литературному тексту, а затем вновь к ученику. В рамках данного подхода педагог, учитывая индивидуальные интересы, склонности, а также возникающие трудности и проблемы школьников, открыто выражает своё отношение к различным жизненным ситуациям, внутренним переживаниям и поискам подростков. Нередко занятие

напрямую обращено к конкретному ученику, наиболее остро нуждающемуся в данный момент в педагогическом совете и моральной поддержке. Следовательно, рассматриваемый процесс представляет собой движение от внутренних, духовно-нравственных запросов индивида к созданию художественного текста.

Обратный вектор направлен от самого произведения к обучающемуся, при этом первостепенное внимание уделяется общечеловеческим вопросам, поднятым в тексте, что определяет существенный воспитательный потенциал произведения. Эффективность данной работы всецело определяется способностью педагога избрать корректную методику анализа литературного материала и стимулировать самостоятельный поиск решения проблемной ситуации.

В данном случае учитель фокусирует внимание учеников на значимых идеалах, способствуя выработке позитивной внутренней установки по отношению к ним. Учащиеся со своей стороны осуществляют собственный выбор среди этих идеалов, конструируя индивидуальную систему приоритетов. Однако этим процесс не ограничивается. Педагогу необходимо совместно с классом эмоционально осмыслить и практически пережить каждую из таких ценностей. Это достигается в процессе коллективной творческой деятельности, при планировании и реализации учебных занятий, а также в рамках предметной внеклассной работы.

На наш взгляд, требуется гармоничное соединение указанных подходов, поскольку следует установить связь между внутренними ценностями обучающихся и литературным текстом, одновременно выделяя универсальные темы, а также развивая у учеников навыки критического анализа и адекватной интерпретации художественного произведения.

В этой связи точка зрения В.Ю. Троицкого не вызывает сомнений: в системе дисциплин, формирующих эмоциональную сферу и образное восприятие, именно литературе принадлежит первостепенное значение в процессе духовно-нравственного становления личности, расширения кругозора и активизации творческих способностей. Будучи предметом синкретического влияния, она обеспечивает приобщение к практической мудрости, усвоение исторических знаний и воспитание подлинно человеческого, осмысленного взгляда на окружающий мир. Художественная словесность служит фундаментальной основой для обогащения речи обучающихся и выработки у них творческого подхода к языку; для развития образного восприятия, опирающегося на языковые средства, а также для

воспитания эстетического чувства, художественного вкуса, для укрепления устоев нравственности и гражданской позиции.

При планировании и проведении занятий по литературе обязательным требованием является сосредоточение на духовно значимых образах, созданных в художественном тексте.

Рассмотрение исторических и философских аспектов духовного наследия, осуществляемое на материале художественной литературы, открывает путь к достижению целей нравственного становления личности. В этом случае школьник обретает способность выстраивать свои жизненные ориентиры в соответствии с принципами Добра, Истины и Красоты. Решение данной задачи достигается через приобщение подрастающего поколения к многообразным формам духовной культуры и целенаправленное развитие у него способности к самостоятельному мышлению.

Не менее существенным представляется организация диалога, формулировка вопросов и упражнений, побуждающих учащихся мысленно примерить на себя обстоятельства персонажей, проанализировать собственные возможные эмоции и действия. Ключевая педагогическая задача заключается в формировании у подростка способности оценивать любую проблему или явление не только с индивидуальной точки зрения участников событий, но и через объективную систему непреходящих нравственных ориентиров.

Со временем учащиеся развивают способность к осознанному наблюдению за окружающей их действительностью. Они обращаются к литературным произведениям, рекомендованным педагогом или выбранным самостоятельно в соответствии с темой занятия, готовят доклады о прочитанном, учатся проводить сравнительный анализ и формулировать самостоятельные выводы.

Эффективной педагогической стратегией является применение заданий, основанных на конкретных ситуациях. Подобные случаи нередко возникают непосредственно в ходе учебного процесса.

Восприятие художественного текста представляет собой сложный психологический акт, поэтому усвоение учащимися глубины произведений, заложенного в них смысла, мировоззрения авторов не может ограничиваться рамками стандартных занятий.

Учебные пособия для старшей школы (10–11 классы) в настоящее время содержат приблизительно две сотни терминов и категорий, относящихся к области морали и нравственности.

Важная задача заключается в преобразовании данных теоретических положений в личные ценностные ориентиры каждого обучающегося, умении использовать их как инструмент формирования духовного мира. Это возможно только при условии работы высокопрофессионального педагога, обладающего глубокой и разносторонней подготовкой. Его цель – обеспечить, чтобы каждый ученик глубоко и эмоционально «пережил» каждую идею, позволил ей стать частью своего внутреннего опыта и повысил её субъективную значимость. Неукоснительным принципом педагогического взаимодействия должно стать формирование среды абсолютного доверия и взаимного понимания между учителем и учеником.

Организация заинтересованного диалога в учебном процессе представляет собой действенный метод повышения познавательной активности школьников, что особенно значимо для классов с низким уровнем подготовки. В тех случаях, когда обучающиеся испытывают затруднения или нерешительность в выражении собственных суждений, создание подобной коммуникативной среды само по себе становится формулировкой и реализацией педагогической задачи художественного характера, нацеленной на личностное развитие. Принципы педагогики сотрудничества способствуют психологической раскрепощенности учащихся, усиливая их уверенность в себе. Это позволяет минимизировать избыточное эмоциональное напряжение в коллективе.

Для успешного достижения художественно-педагогических целей ключевое значение имеет способность педагога и обучающихся выйти за рамки повседневного восприятия и погрузиться в состояние эстетического сопереживания. Когда взаимодействие на уроке приносит детям искреннюю радость, педагогу следует организовать коммуникативную ситуацию, основанную на изучаемом литературном произведении. Такая организация учебного процесса способствует усилению внутренней мотивации школьников, оставаясь в рамках психолого-педагогических принципов дидактики.

В современной образовательной парадигме особую актуальность обретает возвращение к созидательному началу, к формированию обновлённой картины мира и глубокому осмыслению непреходящих идеалов и всеобщей гармонии. В рамках преподавания литературы важную роль играют занятия, стимулирующие познавательную активность и способствующие выработке у учащихся навыков самостоятельного решения актуальных учебных проблем.

Таким образом, уроки литературы содержат в себе уникальный потенциал для раскрытия перед учениками неисчерпаемой сокровищницы духовного опыта поколений. Это даёт возможность обогатить их понимание человеческой природы, законов межличностного общения и причин возникновения конфликтов. Школьник, погружённый в чтение, неизменно становится личностью, способной к глубокому размышлению. Вот почему важно, чтобы учащиеся приступали к изучению литературного произведения на уроке, предварительно ознакомившись с его содержанием. Лишь при таком условии обучающийся сможет сформироваться как всесторонне развитая личность, обладающая значительным потенциалом для стимулирования духовного развития общества. Задача педагога состоит в воспитании честного и порядочного человека, являющегося настоящим патриотом своего Отечества. Обе эти неразрывно связанные задачи могут быть решены в рамках единого процесса — становления системы духовных и нравственных ценностей личности.

Список литературы:

1. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. – М.: Шк. пресса, 2020. – 416 с.
2. Троицкий В.Ю. Словесность в школе. – М.: Владос, 2023.
3. Зепалова Т.С., Мещерякова Н.Я. Урок литературы: Пособие для учителя / Сост. Т.С. Зепалова, Н.Я. Мещерякова.- М.: Просвещение, 2023. – 160 с.
4. Шмаков С.А. Ее величество игра. / С. А. Шмаков. – М.: МИП NB «Магистр», 2021. – 160 с.

О.Е. Похаленков
Особенности перевода реалий
в романе Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать»

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В представленном исследовании предлагается переводческий анализ страноведческих и бытовых реалий в романе Эриха Марии Ремарка «Время жить и время умирать» (нем. «Zeit zu leben und Zeit zu sterben», 1954 г.). Приводится сравнительный анализ текста оригинала и перевода поэтического текста, выполненного В.О. Станевич в 1957 г. Выделяются и анализируются основные образы, связанные с центральным образом текста – образом войны.

Ключевые слова: Э.М. Ремарк, образ, реалия, прозаический текст, интерпретация.

O.E. Pokhalenkov
Peculiarities of the translation of realities
in E.M. Remarque's novel «A Time to Live and a Time to Die»
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga

The presented study offers a translation analysis of regional and everyday realities in Erich Maria Remarque's novel «A Time to Live and a Time to Die» (German: «Zeit zu leben und Zeit zu sterben», 1954). A comparative analysis of the original text and the translation of the poetic text made by V.O. Stanevich in 1957 is given. The main images associated with the central image of the text, the image of war, are highlighted and analyzed.

Key words: E.M. Remarque, image, reality, prose text, interpretation.

Проблема перевода реалий занимает отдельное место в теории переводоведения. Каждая культура уникальна, и в связи с этим в каждой культуре имеется нечто особенное, чего нету в другой культуре. В таких случаях перед переводчиком встаёт зачастую непростая задача, заключающаяся в выборе наиболее адекватного и подходящего способа передачи реалий из исходного языка на язык перевода. Существует несколько способов их передачи из исходного языка в язык перевода, однако, если обобщить все способы, то получится две основные группы: транскрипция и перевод [1, с. 87]. Методом случайной выборки из романа Э. М. Ремарка «Время жить и время умирать», опубликованного в 1954 году,

были отобраны восемь примеров страноведческих реалий, которые в дальнейшем будут проанализированы с точки зрения их перевода на русский язык. В качестве русского перевода был выбран перевод Веры Оскаровны Станевич, выполненный в 1957 году и опубликованный в 2005 году.

Пример №1

<i>Unter dem Loch hockten vier Mann und spiel-ten Skat auf einem Kistenbrett [4, с. 38]</i>	<i>Как раз под пробойной четверо, кое-как примостившись вокруг ящика, играли в скат [2, с. 17]</i>
---	--

В данном случае переводчик применила приём транслитерации. Скат – карточная игра, распространённая преимущественно в Германии и США, и относительно малоизвестная в русской картине мира. Приём транслитерации носит здесь оправданный характер, и несмотря на то, что без краткой поясняющей сноски читателю может быть непонятна суть игры, здесь это не так важно, так как в конкретно взятой ситуации Ремарк не делал акцент непосредственно на процессе игры в карты, а просто использовал её для описания царившей атмосферы.

Пример №2

<i>Wichtige Nachrichten! In der Stunde der Nation bekanntgegeben. [4, с 40]</i>	<i>Важные новости! Передавали в «Часе нации». [2, с. 18]</i>
---	--

Здесь Вера Оскаровна Станевич применила приём дословного перевода. Речь в данной ситуации идёт об одной из радио-рубрик пропагандистского вещания Третьего Рейха. Перевод «Час нации» является благозвучным для языка перевода, следовательно, дословный перевод является здесь уместным.

Пример №3

<i>»Frühling. Und fünf Nächte lang penne ich nu schon in einer Bude mit zwölf Furzern von den Landesschützen — anstatt mit meiner Frau, die einen Arsch hat wie ein Brauereipferd!« [2, с 110 – 111]</i>	<i>Ведь весна! А я вот уж пять ночей торчу в этой конуре с десятком старых хрычей из тыловой охраны, вместо того, чтобы проводить их с моей женой, у которой зад, как печь! [4, с 53]</i>
---	--

Ввиду отсутствия в русском языке единой транскрипционной или дословной формы перевода данной немецкой реалии, переводчик воспользовалась приёмом семантического развития. В русском аналоге передана основная функция данных подразделений, а именно – тыловая охрана и, как следствие, защита и поддержание порядка на оккупированных территориях [3, S. 44]. Следовательно, перевод данной реалии можно назвать удачным.

В целом, из вышеприведенных примеров видно, что классификация перевода иностранных реалий Влахова и Флорина реализуется на практике: при переводе реалий Вера Оскаровна Станевич преимущественно использует приёмы транслитерации/транскрипции и дословного перевода. Также же встречается приём семантического развития. При выборе способа перевода можно исходить из благозвучия на языке перевода (если речь идёт о дословном переводе) или устоявшейся традиции в переводе (транскрипция/транслитерация). Если же в конкретно взятом случае никаких устоявшихся норм перевода нет, но перевод транслитерацией или транскрипцией был неблагозвучным в языке перевода, есть возможность воспользоваться приёмом семантического развития.

Список литературы:

1. Влахов С. Флорин С. Непереводимое в переводе. Москва, Международные отношения, 1980. 340 с.
2. Ремарк Э.М. Время жить и время умирать. Москва, Вагриус, 2005. 316 с.
3. Mai U. Kriegsgefangenen in Brandenburg, Stalag III A in Luckenwalde 1939-1945. Berlin, Metropol, 1999. 220 S.
4. Remarque E.M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1954. 450 S.

Ю.М. Садовникова

Синтез культур в романе Б. Ансворта «Рубин для танцовщицы»

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье предпринята попытка рассмотреть межкультурный диалог и конфликт в исторической прозе на примере романа Барри Ансворта. Исследуются механизмы взаимодействия христианской и мусульманской традиций в условиях средневековой Сицилии XII века, раскрываются противоречия и точки соприкосновения западной (христианской) и восточной (мусульманской) культур.

Ключевые слова: Ансворт, синтез культур, средневековая Сицилия, межкультурный диалог, историческая проза.

Y.M. Sadovnikova

Synthesis of cultures in B. Unsworth's novel «The Ruby in Her Navel»

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article attempts to examine intercultural dialogue and conflict in historical prose using the example of Barry Unsworth's novel. The mechanisms of interaction between Christian and Muslim traditions in the conditions of medieval Sicily of the 12th century are studied, the contradictions and points of contact between Western (Christian) and Eastern (Muslim) cultures are revealed.

Key words: Unsworth, synthesis of cultures, medieval Sicily, intercultural dialogue, historical prose.

Синтез культур – это процесс рождения нового из слияния нескольких традиций. Взаимодействие и объединение неизбежны, но этот путь часто лежит через сопротивление и столкновение цивилизаций. Именно различия стимулируют обмен, который приводит к синтезу. При этом уникальность каждой культуры не теряется: в диалоге она может обогатить другую. Стремление людей расширять свой кругозор и находить нечто ценное в других культурах лежит в основе этого процесса.

Начиная с середины XX в. идея диалога культур является проблемным полем, которое расширяется и поныне, отмечает А. А. Волкова [2, с. 109]. Диалогу, как элементу повествования, добавляли новые смыслы, меняли содержание и изначальную функцию обмена информацией. Изучением диалога культур занимались такие учёные как М. Бубер, М. М. Бахтин,

В. С. Библер, Ю. М. Лотман. Это привело к тому, что в философском знании появляется новое направление исследований – философия диалога.

Роман Барри Ансворта «Рубин для танцовщицы» («The Ruby in Her Navel») представляет собой яркий пример исторической прозы, в которой тема межкультурного взаимодействия выходит на первый план. Действие разворачивается в Сицилийском королевстве XI века – в эпоху крестовых походов, когда на острове сосуществовали христианская, мусульманская и иудейская общины. Цель данной статьи – показать, как в романе реализуется синтез культур и какие художественные средства использует автор для его воплощения.

Сицилия XII века в романе Ансворта – уникальный «перекрёсток цивилизаций». Король Рожер II сознательно выстраивает модель мультикультурного государства, опираясь на представителей разных народов: мусульмане управляют казной (Юсуф); византийцы создают мозаики для христианских храмов; норманны обеспечивают военную мощь королевства. Эта модель, хотя и хрупкая, демонстрирует возможность сосуществования разных традиций в рамках единого политического поля. Ансворт подчёркивает, что синтез культур здесь не абстрактная идея, а практическая необходимость для стабильности государства.

Конфликт романа Барри Ансворта историко-политический. Подлость, интриги, подкупы и предательство – это сквозные темы для многих литературных произведений и многих исторических событий. Эпоха крестовых походов создаёт дополнительный фон для конфликта. Несмотря на религиозный раскол и военные противостояния, в Сицилии происходит попытка сосуществования разных культур. Король пытается балансировать между разными группами, но его политика не может полностью устранить противоречия. Стремление объединить разные культуры под королевской властью сталкивается с инерцией предрассудков и амбиций отдельных фракций.

Тюрстан Бошан, мечтающий стать рыцарем, оказывается пешкой в сложной политической игре. Тип центрального героя – мелкий придворный, который обеспечивает развлечения короля. Его наивность мила в начале истории, когда он выражает восхищение работой короля по поддержанию мира между различными этническими группами на острове, уважение к своему арабскому хозяину и веру в верховенство закона: «Меня охватило давно знакомое чувство любви к Палермо, городу, где прошла большая часть моей жизни, к разнообразию, символом которого было смешение разных религий. К городу, где люди всех вероисповеданий жили

в тесной близости, вместе толкались на базарах и возводили дома. Хотя они и молились порознь и судились на своих языках, но все объединялись под властью нашего великого короля» [1, с. 20]. Лучший пример, который Тюрстан может дать нам о том, что может предложить город Палермо, – это описание Королевской часовни, ключевого – места действия романа, «где сарацины вырезали деревянные потолки, романцы делали мраморные фризy, греки выкладывали мозаику, и все работали вместе в церкви, в которой наш нормандский король должен был слушать мессу» [1, с. 33]. Автор демонстрирует, как взаимодействие разных традиций может приводить к созданию чего-то нового и ценного, а не только к конфликтам.

Отметим, что роман Ансворта, в котором происходит развенчание типичных рыцарских тем и образов, нашел отклик у читателей и критиков. Историк Алекс Баттерворт в обзоре для *The Guardian* говорит о несомненной актуальности романа, так как культурный обмен, представленный в «Рубине для танцовщицы», способствовал художественному и научному возрождению, но сарацинские и византийские ученые и художники, чьим мастерством восхищался христианский мир, были без промедления изгнаны, и их отъезд привел к уничтожению идеала толерантности. Баттерворт считает, что сильная сторона романа заключается в его способности вызывать эмоции, передавать идеи и вдохновлять людей. Размышляя об этом, критик утверждает, что данное свойство вечно. В мире, где подозрение разрушает даже узы любви и чести, кажется, что только искусство может выстоять, и надежда на искупление, которую предлагает роман, заключается в окончательном раскрытии истинного места Тюрстана в мире. От изысканных мозаик, которые остались незаконченными, когда их византийские создатели были изгнаны с Сицилии, до необычных двойных зеркал на королевском охотничьем острове, чей механизм – чудо арабской гидравлики, которые производят галлюцинаторный эффект в момент, когда Тюрстан наиболее жестоко обманут, – именно искусство лежит в основе самых ярких метафор романа [6].

Барри Ансворт на страницах романа рассуждает о том, что синтез культур требует диалога, а не простого сосуществования. Синтез культур не означает растворение идентичности – герои сохраняют свои корни. Синтез не просто фон, а движущая сила сюжета. Главный герой раздумывал о том, к кому прислушивается король Рожер – к норманнам или ломбардцам, к арабам, грекам и иудеям? Тюрстану кажется, что король понимает, что сила государства не в единообразии, а в гармонии и синтезе. Таким образом, Ансворт показывает, что столкновение культур – это не только внешний

конфликт, но и внутренний раскол, затрагивающий личные судьбы. Роман демонстрирует, как исторические, религиозные и этнические различия могут стать почвой для интриг, предательства и трагедии, но также и для попыток диалога и взаимопонимания.

Юсуф уважал веру других, поэтому в диване Юсуфа можно встретить разные культуры: арабы, греки, норманны, точно также, как и во владениях короля. Он осознавал, что сосуществование людей разных национальностей – единственный способ сохранить мир в королевстве. Антагонисты в романе – консерваторы, противники мультикультурной политики, радикальные церковнослужители, считающие терпимость короля ересью, завистливые придворные, которые не получили милостей от короля, они ненавидят Юсуфа

Через образ средневековой Сицилии автор демонстрирует: возможность сосуществования разных традиций при мудрой политике; роль личности в преодолении культурных барьеров; эстетическую и этическую ценность взаимодействия разных мировоззрений. Барри Ансворт не просто описывает столкновение культур, а демонстрирует его влияние на личные судьбы. Король отказывается от политики культурного синтеза в пользу религиозной однородности. Через переживания Тюрстана автор раскрывает сложность выбора в мире, где традиционные ценности сталкиваются с новыми идеями, а религиозные и этнические различия создают почву для конфликтов. Роман подчёркивает, что диалог между культурами возможен, но требует усилий и готовности к компромиссам. Роман актуален и сегодня, поскольку поднимает вопросы, важные для современного мультикультурного общества: как сохранить идентичность, не отвергая «чужого», и как найти общий язык в мире различий.

Список литературы:

1. Ансворт Б. Рубин для танцовщицы / Б. Ансворт; пер. с англ. М.Л. Кульневой. – М.: Мир книги, 2009. – 368 с.
2. Волкова А. А., Философское понимание диалога культур в концепциях Бахтина и Библера // Научные сообщения. 2019. №4. С. 108-117.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М., 1992. [Электронный ресурс] / – Ж. Ле Гофф https://royallib.com/book/le_goff_gak/tsivilizatsiya_srednevekovogo_zapada.html.
4. Лукач Г. Исторический роман / Г. Лукач. [Электронный ресурс] / Г. Лукач // Литературный критик. – 1937. – № 7, 9, 12; 1938. – № 3, 7, 8, 12. – https://royallib.com/read/lukach_georg/istoricheskiy_roman.html#0.

5. Норвич Дж. Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание. 1016 – 1130 – М., 2005 – 367 с.

6. The Guardian // <https://www.theguardian.com/books/2006/sep/10/fiction.features3>.

Н.В. Уманцев

Роль филологических дисциплин в профессиональной подготовке юристов: системный анализ

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье анализируется роль филологических дисциплин в формировании профессиональных компетенций будущих юристов и предлагаются пути совершенствования междисциплинарного взаимодействия между преподавателями в вузе. Автором сформулированы практические рекомендации по включению в учебные планы специального курса «Юридическая лингвистика», внедрению активных форм обучения и единых требований к оформлению отчетных работ студентов-юристов. В статье сделан вывод о системообразующем характере филологических дисциплин, обеспечивающем формирование универсальных и профессиональных компетенций юристов.

Ключевые слова: филологические дисциплины, профессиональная подготовка юристов, системный анализ, юридическая лингвистика, культура речи, риторика, междисциплинарность.

N.V. Umantsev

The role of philological disciplines in the professional training of future lawyers: a systematic analysis

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article analyzes the role of philological disciplines in the formation of professional competencies of future lawyers and suggests ways to improve interdisciplinary interaction between university teachers. The author has formulated practical recommendations for the inclusion of a special course "Legal Linguistics" in the curricula, the introduction of active forms of education and uniform requirements for the preparation of accounting papers for law students. The article concludes that the system-forming nature of philological disciplines ensures the formation of universal and professional competencies of lawyers.

Key words: philological disciplines, professional training of lawyers, system analysis, legal linguistics, culture of speech, rhetoric, interdisciplinarity.

В настоящее время перед юристом как специалистом высокой квалификации возникают новые требования и задачи. Современная система юридического образования в Российской Федерации переживает этап реформирования, связанный с переходом на федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС ВО) последних поколений, усилением практикоориентированности и требований к формированию универсальных и общепрофессиональных компетенций выпускников [9, с. 110]. В этих условиях особую значимость приобретает вопрос о месте филологических дисциплин (русский язык и культура речи, риторика, основы деловой коммуникации, юридическая лингвистика и др.) в структуре профессиональной подготовки юристов.

С одной стороны, владение языком, точное понимание юридических терминов, умение грамотно составлять процессуальные документы и выступать публично традиционно рассматриваются как неотъемлемые атрибуты профессии юриста. С другой стороны, в учебных планах многих вузов наблюдается тенденция к сокращению часов на дисциплины гуманитарного цикла, а сами они часто воспринимаются как второстепенные, не имеющие прямой связи с профильными предметами. Такое противоречие требует системного осмысления роли филологического компонента в формировании профессиональной компетентности юриста.

Стоит отметить, что в Калужском государственном университете им. К.Э. Циолковского (далее – КГУ) на протяжении многих лет студенты юридических направлений подготовки изучают основы публичных выступлений.

По мнению Л.И. Анохиной, «курс юридической подготовки существенно обогащается благодаря таким филологическим предметам, как речевая культура юриста, искусство убеждения (риторика и юридическая риторика), совершенствование владения русским языком (включая культуру речи и деловое общение), а также развитие навыков публичных выступлений и актёрского мастерства (ораторское искусство)» [3, с. 201]. Эти дисциплины, фокусируясь на языковых и коммуникативных навыках, на наш взгляд, вносят неоценимый вклад в формирование всесторонне развитого юриста.

Анализ педагогического процесса в юридических вузах России позволяет обозначить целый комплекс трудностей в работе со студентами – будущими специалистами в правовой сфере. К ним стоит отнести следующие проблемы: недостаточное понимание значений слов, правовых терминов, неумение вычленить из текста основную мысль, сформулировать фабулу дела, отсутствие умения правильно определить правовую позицию,

руководствуясь законом и грамотностью, а также отсутствие умений конспектирования и реферирования [10, с. 142].

Т.В. Анисимова утверждает, что, «работая над повышением эффективности профессиональной подготовки будущих юристов, следует основываться на усвоенных на семинарских занятиях по филологическим дисциплинам ситуациях речевого общения, служащих отправной точкой для модернизации коммуникативной компетенции студентов-юристов» [1, с. 120]. Перечисленные условия должны быть прообразом реальных жизненных ситуаций, задач, которые могут появляться в профессии юридического работника или во время прохождения обучающимся практики в образовательном учреждении.

И.А. Иванчук пишет: «Практика же основывается на мнении, что почти все навыки, соответствующие профессиональной стороне, нельзя приобрести без должной, качественной риторической подготовки, базирующейся на научно – теоретических положениях и практических сферах жизни» [7, с. 92]. К таким способностям, на наш взгляд, относится сбор необходимой информации по делу (допрос свидетелей, обвиняемых, очная ставка) и заканчивая организацией правового воспитания в сфере профессиональной деятельности и в общественных организациях, направленных на борьбу с правовым нигилизмом. Таким образом, риторическая подготовка служит основой для осуществления определённых следственных действий.

Т.В. Анисимова также подчёркивает необходимость изучения как юридического консультирования, так и особенностей речевого взаимодействия в условиях конфликта: «Необходимо взаимодействие всех направлений подготовки, так как такие речевые формы пользуются широким спросом в деятельности любого юриста» [2, с. 308].

Системный анализ предполагает рассмотрение любого явления как целостной совокупности взаимосвязанных элементов, обладающей интегративными свойствами, не сводимыми к сумме свойств отдельных частей. Применительно к профессиональной подготовке юристов это означает, что филологические дисциплины не должны существовать изолированно от профильных правовых курсов: их содержание, формы и методы преподавания необходимо выстраивать как органичную часть единой системы формирования профессиональных компетенций в вузе.

В педагогике высшей школы выделяют три уровня интеграции знаний: внутрипредметный, междисциплинарный и мировоззренческий. В контексте заявленной проблематики ключевым является междисциплинарный уровень

– согласованное взаимодействие филологических и юридических дисциплин, направленное на формирование целостного профессионального мышления.

Кроме того, системный анализ позволяет выделить структуру филологического компонента в подготовке юриста, включающую:

1. Содержательно-понятийный уровень характеризуется освоением терминологического аппарата юридической науки, пониманием семантики правовых норм, принципов языкового оформления нормативных актов.

2. Операционально-деятельностный уровень предполагает формирование навыков работы с текстом (анализ, интерпретация, составление), развитие устной и письменной профессиональной речи, овладение приёмами лингвистической экспертизы.

3. Ценностно-рефлексивный уровень предполагает осознание роли языка как инструмента профессиональной деятельности, ответственности за точность и ясность речи, развитие речевой культуры как элемента профессиональной этики.

Н.Н. Ивакина указывает: «Одним из важнейших атрибутов, которым должна обладать речь юриста, является ее ясность» [6, с. 127]. Это коммуникативное свойство речевого высказывания играет существенную роль в судебных заседаниях и предполагает, что речь должна быть понятной и легко воспринимаемой для аудитории.

Филологические дисциплины развивают навыки критического мышления, что особенно важно для юристов, работающих с текстами законов, нормативных актов и судебных решений. Способности анализировать и интерпретировать информацию, выявлять логику аргументации, а также оценивать доказательства являются ключевыми компонентами юридической практики. Исследования, проводимые в области филологии, могут помочь юристам понять контекст и намерения законодателей, что важно для правильного применения норм права. Например, изучение стилистики позволяет юристам осознать структуру аргументации и выявить в тексте скрытые предположения.

Кроме того, нельзя не упомянуть и о практической подготовке обучающихся юридических направлений. Так, студенты в образовательной деятельности выполняют специально разработанные семинарские задания, направленные на поиск речевых, грамматических, орфографических ошибок в предлагаемых на занятиях текстах. По мнению В.Ф. Головановой, «большое внимание со стороны педагогов уделяется правильному произношению юридических терминов, а также заимствованных, книжных слов» [5, с. 60]. Также обучающиеся знакомятся со стилями современного

русского языка. Студенты изучают фрагменты текста, выявляя его ключевые атрибуты: предмет обсуждения, главную идею и т.д.

Проведённое нами обобщение теоретического, эмпирического материала выявило следующие типичные проблемы, возникающие при преподавании филологических дисциплин юристам:

1. Недостаточная согласованность рабочих программ филологических и профильных дисциплин. Например, на занятиях по курсу «Теория государства и права» студенты изучают понятие нормы права, а на занятиях по дисциплине «Речевая культура юриста» – только общие нормы языка, без привязки к юридической терминологии.

2. Сокращение аудиторных часов на дисциплины гуманитарного цикла в пользу специализированных правовых курсов. В ряде вузов курс «Русский язык и культура речи» преподаётся только на первом курсе в объёме 2–3 зачётных единиц, что недостаточно для формирования устойчивых навыков у юристов.

3. Недооценка роли письменной речи. Основное внимание уделяется устным формам работы, тогда как практикующий юрист значительную часть времени тратит на составление документов. Отсутствие системного подхода к обучению письменной профессиональной речи ведёт к низкому качеству нормативных текстов [8, с. 167].

4. Фрагментарность использования интерактивных методов. В преподавании филологических дисциплин по-прежнему доминируют лекционные формы, тогда как эффективное освоение коммуникативных навыков требует тренингов, деловых игр, анализа кейсов, активных методов обучения.

В дополнение к сказанному следует отметить и другие филологические дисциплины, участвующие в правовой подготовке будущих юристов. Так, в КГУ им. К.Э. Циолковского преподаются соответствующие предметы филологической направленности для подготовки юристов, которые предусмотрены учебным планом для студентов юридического профиля. К ним следует отнести дисциплины «Русский язык и культура речи», а также «Ораторское искусство и актерское мастерство». Данные предметы предусмотрены в КГУ им. К.Э. Циолковского для юридических направлений подготовки, таких как: 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» и 40.03.01 «Юриспруденция» очной формы обучения.

Использование активных методов в рамках филологических дисциплин существенно влияет на успешное развитие профессиональной и этической культуры студентов. Суть активного обучения заключается

в принципе вовлеченности, требующем от преподавателя высшего учебного заведения превращения каждого обучающегося в деятельного участника образовательного процесса [11, с. 34]. Студент становится активным субъектом, самостоятельно ищущим подходы и методы для решения задач, изучаемых в рамках курса, а также для приобретения практических умений и навыков, необходимых в последующей деятельности. Интерактивное обучение воспроизводит профессиональную среду, с которой столкнутся выпускники, включая реальные проблемы, которые могут возникнуть в их будущей работе. Такой подход способствует развитию у обучающихся навыков, необходимых для решения практических задач, направленных на улучшение образовательной деятельности среди студентов юридических вузов.

Н.Г. Барина в своей работе пишет: «Активные методы реализуются в полной мере лишь тогда, когда проблемность сочетается с организацией коллективной деятельности студентов. Кроме того, применение данных методов обучения повышает как познавательную активность обучающихся юридических направлений, так и их интерес к нравственным проблемам, развивая профессионально-нравственную культуру» [4, с. 229].

На наш взгляд, все филологические дисциплины подчинены главной цели – научить студентов юридических вузов построить лексически, стилистически, грамматически, логически правильный текст, развить способности, сформировать умения и навыки рационального речевого поведения, в том числе в области профессионального общения.

Для повышения эффективности филологической подготовки юристов предлагается:

1. Включить в обязательную часть учебных планов дисциплину «Юридическая лингвистика» (или «Язык права») как междисциплинарный курс, читаемый совместно филологами и правоведами.

2. Разработать единые требования к речевому оформлению всех видов учебных работ студентов (докладов, рефератов, курсовых, выпускных квалификационных работ) с включением соответствующих критериев в оценочные материалы.

3. Внедрить в учебный процесс активные формы обучения, при которых студенты под руководством преподавателей составляют реальные юридические документы по материалам практики.

4. Проводить междисциплинарные научно-практические конференции, объединяющие филологов, юристов, практикующих адвокатов и судей, для обсуждения актуальных проблем языка права (юриспруденции).

Подводя итог, можно сделать вывод, что филологические дисциплины играют очень важную роль в профессиональной подготовке студентов юридических вузов. Они обогащают знания, развивают ключевые навыки и способствуют формированию критического мышления, что, в свою очередь, повышает профессиональную подготовленность студентов. Реализация грамотно интегрированных образовательных программ подготовки будущих юристов, включающих филологические дисциплины, станет основой для успешного профессионального становления будущего юриста в постоянно меняющейся правовой среде.

Проведённый системный анализ подтверждает, что филологические дисциплины не являются факультативным дополнением к юридическому образованию, а выступают его системообразующим элементом. Языковая, коммуникативная, интерпретационная и риторическая функции этих дисциплин обеспечивают формирование универсальных и профессиональных компетенций будущих юристов, без которых невозможно успешное выполнение задач правовой деятельности. Реализация изложенных рекомендаций будет способствовать повышению качества юридического образования и соответствия выпускников современным требованиям работодателей, для которых грамотная речь и умение работать с текстом остаются одними из ключевых критериев профессиональной компетентности юридических работников.

Список литературы:

1. Анисимова, Т.В. Роль юридической риторики в процессе формирования коммуникативной компетенции будущего юриста // Филологический аспект. Серия: Методика преподавания языка и литературы. – 2023. – № 4. – С. 118 – 122.
2. Анисимова, Т.В. Особенности обучения студентов юридических факультетов основам профессионально-ориентированной аргументации в рамках дисциплины «Риторика» // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2023. – № 3. – С. 305 – 313.
3. Анохина, Л.И. Роль филологических дисциплин в повышении эффективности профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Издательство: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2018. – С. 200 – 203.

4. Баринава, Н.Г. Роль дисциплины «русский язык и культура речи» в формировании профессиональной компетентности студентов юридического факультета // Педагогический журнал. – 2018. – № 3. – С. 229 – 235.
5. Голованова, В.Ф. Особенности риторики для юристов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 1. С. 58–61.
6. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учеб. пособие. – М.: Юристъ, 2006. – 426 с.
7. Иванчук, И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / И.А. Иванчук. – Санкт-Петербург, 2005. – 697 с.
8. Корсакова, Л.Е. Методика применения филологического анализа текста в обучении юридическому языку при профессиональной подготовке специалистов для судебной системы // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 6. – 164 – 168.
9. Уманцев, Н.В. Специфика формирования правовой культуры студентов в эпоху цифровизации образовательного процесса // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. 2025. – Калуга: Издательство КГУ имени К.Э. Циолковского, 2025. – С. 109 – 117.
10. Хачикян, Е.И., Уманцев, Н.В. Совершенствование правовой компетентности будущих юристов в предметном поле высшей школы // Вестник Калужского государственного университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. – 2025. – № 2. – С. 141 – 149.
11. Хачикян, Е.И. Заборина, М.А., Курлат, А.М., Конкина, А.О. Активные методы обучения в профессиональной подготовке будущих филологов // Инновации в отраслях народного хозяйства, как фактор решения социально-экономических проблем современности: сборник докладов и материалов X Международной научно – практической конференции. – М.: Издательство: «Институт непрерывного образования», 2020. – С. 31 – 36.
12. Шерехова, О.М. Особенности обучения студентов юридических специальностей основам публичной речи // Ярославский педагогический вестник. – 2024. – № 2. – С. 107–117.

А.А. Якушева

Интеграция национальных и мировых культурно-ценностных ориентиров в обучении и воспитании на уроках литературы

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье рассматривается проблема интеграции национальных и мировых культурно-ценностных ориентиров в процессе обучения и воспитания на уроках литературы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью гармоничного сочетания традиционных российских ценностей и общечеловеческих гуманистических идеалов в условиях глобализации, а также растущим общественным запросом на укрепление духовно-нравственных основ воспитания и гражданской идентичности молодого поколения.

Ключевые слова: культурно-ценностные ориентиры, обучение, воспитание, общечеловеческие ценности, урок литературы, интериоризация ценностей, национальные и мировые ценности, диалог культур.

A.A. Yakusheva

Integration of national and global cultural and value orientations in teaching and upbringing in literature lessons

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article examines the problem of integration of national and global cultural and value orientations in the process of teaching and upbringing in literature lessons. The relevance of the research is due to the need for a harmonious combination of traditional Russian values and universal humanistic ideals in the context of globalization, as well as the growing public demand for strengthening the spiritual and moral foundations of education and civic identity of the younger generation.

Key words: cultural and value orientations, education, universal human values, literature lesson, interiorization of values, national and world values, dialogue of cultures.

Современная система образования сталкивается с необходимостью гармоничного сочетания национальных традиций и общечеловеческих ценностей в процессе обучения и воспитания. Особую роль в решении этой задачи играет литература как ключевой гуманитарный предмет, обладающий

уникальным потенциалом: через художественные тексты учащиеся не только приобщаются к культурному наследию своего народа, но и осваивают универсальные гуманистические идеалы, учатся понимать и уважать ценности других культур. Литература становится пространством диалога между поколениями, эпохами и цивилизациями, формируя целостное мировоззрение личности и способствуя становлению гражданской позиции [1, с. 63].

Национальные ценностные ориентиры в преподавании литературы опираются на многовековые традиции русской культуры и педагогики. К ним относятся: патриотизм (любовь к Родине, знание её истории и культурных достижений), гражданственность (осознание своей ответственности за судьбу страны), духовность (обращение к нравственным исканиям, характерным для русской литературы), семейственность (уважение к семейным традициям и ценностям, которые воспеваются в произведениях художественной литературы), трудолюбие (понимание созидательного характера человеческой деятельности), коллективизм (осознание ценности взаимопомощи, солидарности и единства народа). Данные ценности ярко проявляются в русской классической литературе, которая служит надёжным ориентиром для молодого поколения. Например, в произведении А.С. Пушкина «Капитанская дочка» раскрывается тема чести и верности Отечеству, автор демонстрирует, как личные качества человека проявляются в сложных исторических обстоятельствах. В романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» раскрывается идея народного единства, писатель показывает, что истинное величие человека определяется его нравственными качествами, а не социальным положением. В произведении М.А. Шолохова «Тихий Дон» изображена трагедия раскола в обществе, при этом автор подчёркивает ценность семейных связей, которые помогают сохранить человечность в условиях гражданской войны.

Мировые культурно-ценностные ориентиры включают универсальные гуманистические ценности, признаваемые большинством культур и эпох. К ним относятся: достоинство личности и уважение к человеку независимо от его происхождения, вероисповедания или социального статуса; справедливость и равенство возможностей, которые лежат в основе демократического общества; свобода совести и самовыражения, позволяющая человеку реализовать свой потенциал; межкультурное взаимопонимание; стремление к истине и познанию, вдохновляющее на научные и творческие поиски; ответственность перед будущими

поколениями, проявляющаяся в заботе о мире; экологическое сознание и т.д. [3, с. 190].

Обсуждение вечных вопросов бытия – путь к освоению духовно-ценностных основ жизни и поиску себя в мире общечеловеческих идеалов: истины, добра, красоты, любви и счастья. Это одновременно способ познания окружающего мира и инструмент самоопределения личности. Согласно современным представлениям, осознанная жизнь подразумевает постоянное взаимодействие с другими людьми, т.е. умение слушать и задавать вопросы, соглашаться и сомневаться, удивляться и восхищаться, спорить и убеждать. Эту мысль подчёркивал М. Бахтин: «Истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину в процессе их диалогического общения» [2, с. 154].

Под влиянием идей Бахтина гуманитарное мышление стали воспринимать как диалог культур. Это равноправный обмен между разными культурами, художественными мирами и уровнями сознания, отражённый в текстах и осмысленный читателями. Метод бахтинского диалога открывает новые возможности для обучения и развития учащихся, делая эти процессы более продуктивными и ценностно ориентированными.

Как отмечал В. М. Видгоф, «искусство отражает не поток реальной жизни, а жизнь, взятую в её концентрированно-эстетическом проявлении или в эстетическом преломлении» [4, с. 93]. Это подчёркивает особую одухотворённость бытия в культуре – деятельное отношение ученика к миру, проявляющееся в потребности осмысления, эстетической оценки и творческого освоения действительности.

Таким образом, национальные и мировые культурно-ценностные ориентиры в обучении и воспитании на уроках литературы представляют собой многогранный инструмент формирования системы общечеловеческих ценностей личности. Они сочетают познавательный, эмоциональный и деятельностный аспекты, обогащают знания учащихся, развивают эмпатию и критическое мышление. В условиях глобализации такой подход становится не просто педагогическим методом, а необходимостью, так как он помогает воспитывать поколение, способное жить и сотрудничать в многонациональном мире, сохраняя при этом свою культурную идентичность и общечеловеческие ценности.

Список литературы:

1. Алексеева, В.Г. Ценностные ориентации и проблемы их формирования / В.Г. Алексеева // Советская педагогика. – 1981. – №8. – С.61-69.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – Москва: Советский писатель, 1963. – 359 с.
3. Валиева, Л.И. Ориентация учащихся общеобразовательной школы на нравственные ценности: На материале пед. класса лицея: Автореф. дисс. кандидата педагогических наук / Л.И. Валиева. – Петрозаводск: На правах рукописи, 1997. – 195 с.
4. Сухова, Е.И. Проблема ценностей и ценностных ориентаций как философская категория / Е.И. Сухова // Вопросы гуманитарных наук. – 2009. – № 6. – С. 91-95.

Н.У. Кумелашвили

**От публицистического текста к художественному:
роль журналистов и писателей во франкоязычных текстах
искусствоведческой направленности**

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье рассматривается совокупность публицистических и поэтических текстов, посвященных теме импрессионизма, в контексте разработки интегрированного модуля для преподавания культурологических и лингвистических дисциплин. Центральное место в исследовании занимает анализ критической статьи Луи Леруа «Выставка импрессионистов», опубликованной в сатирической газете «Шаривари» в 1874 году («L'Exposition des impressionnistes», Le Charivari). Особое внимание уделяется способу перевода и интеграции понятия «шаривари», которое отсылает к научному труду М.М. Бахтина о поэтике карнавализации (Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса). Наряду с критическим осмыслением импрессионизма в материале Луи Леруа, исследование также содержит пример художественной апологии нового течения, раскрываемый посредством анализа литературных приемов, использованных Шарлем Бодлером в стихотворении «К портрету Оноре Домье».

Ключевые слова: Импрессионизм, Луи Леруа, «Шаривари», интегрированный модуль, карнавализация, Шарль Бодлер, Оноре Домье, перевод.

N.U. Kumelashvili

**From journalistic text to artistic text: the role of journalists and writers in
French-language art criticism texts**

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

This article examines a collection of journalistic and poetic texts devoted to the topic of impressionism in the context of developing an integrated module for teaching cultural and linguistic disciplines. The study focuses on an analysis of Louis Leroy's critical article «The Impressionist Exhibition», published in the satirical newspaper Charivari. Particular attention is paid to the translation and integration of the concept of «charivari», which alludes to M.M. Bakhtin's scholarly work on the poetics of carnivalization. As an example of defending the

artist, literary devices used by Charles Baudelaire in his poem «Towards a Portrait of Honoré Daumier» are analyzed.

Key words: Impressionism, Louis Leroy, Charivari, integrated module, carnivalization (according to M.M. Bakhtin), Charles Baudelaire, Honoré Daumier, translation.

Литературное осмысление темы импрессионизма было включено в интегрированный модуль для студентов-лингвистов КГУ им. К.Э. Циолковского, изучающих французский язык. «Междисциплинарная подготовка требует от педагогов глубокого знания языка в сочетании со способностью органично связывать лингвистические понятия с историко-культурным контекстом» [9]. Целесообразность такого подхода подтверждается многочисленными исследованиями последних лет. В работах Г. А. Бaeвой, Н. П. Поморцевой, Е. Г. Соловьёвой, Л. П. Тарнаевой и других учёных подчёркивается, что формирование межкультурной компетенции невозможно без системной интеграции культурологического и лингвистического компонентов. Опираясь на исследования Г.А. Бaeвой и Л.П. Тарнаевой, можно определить межкультурную компетенцию как интегративное качество специалиста, включающее наряду с лингвистическими навыками способность к интерпретации явлений с учётом культурных различий. Авторы отмечают, что изучение материалов через взаимодействие «культурных кодов» позволяет расширять «горизонты мышления» и способствует развитию умений, необходимых для профессионально ориентированного межкультурного общения. [9]

Исследование посвящено тому, как французская литература может составить значимый сегмент в преподавании интегрированного модуля, объединяющего следующие дисциплины: «Язык искусства в мировой культуре», «История и культура страны изучаемого языка» и «Практический курс перевода». Для литературного погружения на первом занятии модуля были выбраны следующие произведения: статья журналиста Луи Леруа о первой выставке импрессионистов, опубликованная в сатирической газете «Шаривари» 25 апреля 1874 года и стихотворение «К портрету Оноре Домье», посвящённое художнику-карикатуристу, который считается предтечи импрессионистов. Сопоставление фрагментов публицистического и художественного произведения французских авторов, отражающих настроения конца XIX века, представляет значимый аспект исследования.

Теоретической основой работы по выбранным произведениям стали исследования С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, Т. К Якимович. В них были

проанализированы отдельные элементы карнавализации и смеховой культуры в контексте литературоведения, однако ранее не рассматривалась возможность использования феномена площадной культуры (включая обряд «шаривари») для синтеза литературоведческого анализа с дисциплинами страноведческого и переводческого блока.

Анализ результатов оценки исходного уровня знаний продемонстрировал отсутствие у студентов представлений об этимологии названия газеты «Шаривари». Во французском толковом словаре Лярусс (Larousse), к которому рекомендовано было обратиться слушателям, дается следующая трактовка этого понятия: Шаривари – грохот сковородок и кастрюль, сопровождаемый криками и насмешками, который устраивают перед домом тех, кто вызвал общественное осуждение. Общий шум, гам. «Charivari – bruit tumultueux de poeles, de chaudrons, accompagné de cris et de huées, que l'on fait devant la maison de ceux qui ont excité un discordante. Tapage en general». [11, с. 172]

В переводе названия газеты «Le Charivari» была использована транскрипция (передача звучания слова с учётом фонетических правил русского и французского языка). Цель такого вида перевода – чтобы русское слово звучало максимально близко к иностранному. Слово «Charivari» передаётся как «Шаривари», потому что так оно звучит по-французски. Русское «ш», например, соответствует французскому «ch», а «в» французскому «v». Примечательно, что в названии «Le Charivari» переводится только уникальная часть слова, то есть имя собственное, а артикль «le» как служебная часть речи опускается.

Хотя французские этимологические словари указывают на спорное происхождение слова «charivari», возводя его к старофранцузскому глаголу «harer» (exciter les chiens – натравливать собак), в контексте деятельности самой газеты и статьи Луи Леруа, [4] эта связь представляется весьма символичной. Агрессивный тон материала, направленный на травлю импрессионистов, коррелирует с русским фразеологизмом «спустить собак», который означает незаслуженно отругать или подвергнуть нападкам.

Толковый словарь Le Robert, приводит более раннее определение понятия Шаривари, датируемое 1690 годом: «Неразборчивый шум, издаваемый простыми людьми с кастрюлями, тазами и котлами, чтобы оскорбить кого-либо. Шаривари устраиваются, чтобы высмеять людей разного возраста, вступающих в брак». [3] Именно эта традиция публичного осмеяния и иронического снижения находит отражение в статье Луи Леруа. Критик использует страницы газеты «Шаривари» как инструмент

для символической травли нового течения. Он не просто не принимает живопись импрессионистов, но и высмеивает её, используя грубые бытовые сравнения. Ярким примером служит его реакция на пейзаж Камиля Писсарро «Поле капусты. Понтуаз»: «...по пути нам попалась «Капуста» господина Писсарро, и лицо моего друга из красного стало багровым.

– Это просто капуста, – обратился я к нему убедительно тихим голосом.

– Несчастливая капуста! За что такая карикатура? Клянусь, я больше в жизни не стану есть капусты!

– Но позвольте, разве капуста виновата в том, что художник...

– Молчите! Иначе я сделаю что-нибудь ужасное». [5]

Подобно тому как уличный шум был призван унижить жертву, статья Леруа стала жестом публичной дискредитации нового искусства. Смех журналиста носит отнюдь не положительную коннотацию.

Обратимся к исследованию, которое сближает имя газеты «Шаривари» с традицией едкой сатиры. В работе М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» во второй главе «Площадное слово в романе Рабле» обряд рассматривается как часть народно-площадной культуры. Бахтин связывает Шаривари с карнавальными и ярмарочными традициями, где он служит способом коллективного высмеивания и снижения пафоса – шумным выражением общественного мнения. Эта традиция могла принимать самые радикальные формы. Учёный, ссылаясь на средневековую поэму «Roman du Fauvel», указывает, что ритуал шаривари мог доходить до использования нечистот в качестве инструмента унижения. Как отмечает сам Бахтин, «все подобные жестикюляционные и словесные образы являются частью карнавального целого, проникнутого единой образной логикой. Это целое – смеховая драма одновременной смерти старого и рождения нового мира». [1]

Возможно, в статье Луи Леруа метафорическое «забрасывание» нового течения колкостями становится символическим жестом, передающим завершение прежней эпохи в искусстве и возникновение новой. Фрагмент статьи о картине «Впечатление. Восход солнца» Клода Моне наглядно показывает, как критика может участвовать в создании нового культурного мифа. Ярче всего это проявляется в игре журналиста со словом «впечатление» (impression), которое дало имя всему течению. В тексте Леруа иронично восклицает:

– «Впечатление. Восход солнца».

– Впечатление – так и думал. Я только что говорил сам себе, что раз я нахожусь под таким впечатлением, то должно же в ней быть заложено какое-то впечатление... а что за свобода, что за мягкость исполнения! Обои в первоначальной стадии обработки более закончены, чем этот морской пейзаж...» [7, с. 172]

В указанном примере переводчик сталкивается с проблемой выбора между сохранением фонетической формы прозвища и передачей его лексического значения. Поскольку дословный перевод уничижительного прозвища художников «впечатленцы» в качестве термина не закрепился, в историю вошёл его фонетический вариант – «импрессионисты», который стал полноценным искусствоведческим понятием.

Аналогичная проблема возникает и при переводе названия полотна Клода Моне «*Impression, soleil levant*». В разных источниках встречаются варианты «Впечатление. Восход солнца» и «Впечатление. Восходящее солнце». С точки зрения лингвистики, второй вариант точнее, потому что причастие «*levant*» (от глагола *lever*) подчёркивает процесс (действие), в то время как существительное «восход» (*lever du soleil*) называет явление. Стоит отметить, что лаконичное французское название представляет собой цельное предложение, тогда как русский перевод требует разделения на две синтагмы.

В тексте публицистического материала Луи Леруа едко обращается также к полотну Поля Сезанна «Современная Олимпия» («*La Moderne Olympia*», 1873 г.). В данном случае перевод названия через транскрипцию был бы неверным, поскольку это привело бы к потере смысловой связи с хрестоматийным полотном Эдуарда Мане «Олимпия». Название, данное Сезанном, является прямой отсылкой и переосмыслением через превращение в нарицательное понятие, и этот культурный диалог должен быть сохранен в переводе.

Схожий принцип применим и к топонимам. Традиционно они передаются транскрипцией, для полноценного понимания контекста необходим пояснительный перевод. Выставка импрессионистов проходила на бульваре Капуцинок (*Boulevard des Capucines*). Чтобы избежать распространённой в русском языке ошибки (по аналогии со знаменитым «Бульваром Капуцинов» из советского кинематографа), следует использовать корректную транскрипцию, этимологически отсылающую к названию женского монашеского ордена капуцинок, чей монастырь располагался на этой улице в прошлом.

Восприятие импрессионизма художественной средой не ограничивалось негативной оценкой. Наряду с язвительно критикой Луи Леруа существовали и голоса в защиту нового искусства. Одним из самых ярких его сторонников и предшественников был художник-карикатурист Оноре Домье. Символично, что Домье работал в той же газете «Шаривари», как и Луи Леруа. Однако характер его смеха был принципиально иным. Если Леруа транслировал снижающую, площадную насмешку, направленную на травлю, то смех Домье, по мнению его сторонников, служил очищению и познанию истины. Работая в области политической карикатуры, Домье интуитивно пришёл к тем же художественным открытиям, которые позже легли в основу импрессионизма: к обобщению формы и работе со светотенью. Его картина «Вагон третьего класса» считается прообразом импрессионизма, где свет из окна, падающий на фигуры пассажиров, работает как основной инструмент создания объёма, сближая технику художника с приёмами будущих импрессионистов.

Шарль Бодлер посвятил Домье стихотворение «К портрету Оноре Домье» (1865). В этом произведении поэт создает идеал художника-сатирика, противопоставляя его холодному, буквально демоническому смеху, который близок сатире Леруа. Стихотворение построено на антитезе. Смех Домье «лучист и светел», в отличие от смеха Мефистофеля и Мельмота, который «пуст, верней бесчеловечен». Используя метафоры «Бичует зло со всею кликой» и эпитеты «прозорливостью великой», Бодлер транслирует мысль о том, что истинная сатира рождается не из злобы, а из доброты сердца художника. [2, с. 281]

Перевод стихотворения в отличие от публицистической статьи ставит перед специалистом иные задачи. Здесь важна не столько фактическая точность, сколько эмоциональная достоверность и сохранение системы поэтических средств (тропов). Рассмотрим фрагмент русского перевода в сравнении с оригиналом:

«Художник мудрый пред тобой,
Сатир пронзительных создатель
Он учит каждого, читатель,
Смеяться над самим собой». [2, с. 281]
«Celui don't nous t'offrons l'image,
Et dont l'art, subtil entre tous,
Nous enseigne à rire
Celui-là, lecteur, est un sage». [6]

Изучение переводческих решений в представленном фрагменте демонстрирует, что повторяющееся указательное местоимение «Celui-là» (тот самый), заменено на более естественную для русского стихотворения конструкцию «Художник мудрый». Переводчик использовал приём синонимической замены и перестройки фразы, чтобы избежать тавтологии и сохранить ритмическую структуру. При работе с текстом Бодлера студенты наряду с задачей перевода лексического значения столкнулись и со сложной системой передачи тропов, сохраняя ритм и эмоциональный посыл оригинала.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что различие между дискредитирующей критикой Леруа и апологией Бодлера является определяющим фактором для выбора стратегии передачи текста. В то время как публицистический материал требует приоритета смысла и интонации, воссоздание поэтической формы подчинено задаче сохранения системы образов и ритма.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Электронный ресурс] / М.М. Бахтин. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/bah/tin/fra/nsu/ara/ble/index.htm>.
2. Бодлер Ш. Цветы зла / Шарль Бодлер ; [пер. с фр. Эллиса]. – М. : Эксмо-Пресс, 2000. – 416 с.
3. Le Robert [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/charivari#synonymes>.
4. CNRTL. (Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cnrtl.fr/etymologie/charivari>.
5. Леруа Л. Выставка импрессионистов / Луи Леруа ; пер. с фр. [Электронный ресурс]. – URL: https://artchive.ru/publications/1812~S_kartinkami_Razgromnaja_stat'ja_Lui_Leru_a_o_Pervoj_vystavke_impressionistov#39;ja_Lui_Lerua_o_Pervoj_vystavke_impressionistov.
6. Поэзия Франции. Шарль Бодлер. Стихотворение «Vers pour le portrait de M. Honoré Daumier» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.poesie-francaise.fr/charles-baudelaire/poeme-vers-pour-le-portrait-de-m-honore-daumier.php>.
7. Ревалд Д. История импрессионизма / Джон Ревалд ; пер. с англ. П.В. Мелковой. – М. : Республика, 1999. – 415 с.

8. Solovyova E. G., Pomortseva N. P. Realizing the axiological potential of linguistic and culture study disciplines in translators and interpreters' academic training // Natural Sciences. – 2015. – № 3 (39). – P. 140–147. – URL: <https://natural-sciences.ru/en/article/view?id=35635>.
9. Тарнаева Л. П., Баева Г. А. Предметно-языковая интеграция в системе лингвистического образования: pro et contra // Предметно-языковая интеграция в системе лингвистического образования: pro et contra. – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmetno-yazykovaya-integratsiya-v-sisteme-lingvisticheskogo-obrazovaniya-pro-et-contra>.
10. Якимович Т.К. Французский реалистический очерк, 1830-1848 гг. / Т.К. Якимович ; Издательство Академии наук СССР. – М., 1963 [Электронный ресурс] – URL: [tps://psujourn.narod.ru/lib/jac_frsI2.htm](https://psujourn.narod.ru/lib/jac_frsI2.htm).
11. Petit Larousse illustré. Nouveau dictionnaire encyclopédique (1909) / sous la dir. de Claude Auge. – Paris : Librairie Larousse, 17 rue Montparnasse ; Sucursalle : Rue des Écoles, 58 (Sroubonne), 1664 p.

«Прикладные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков»

УДК 811.1

Т.И. Полищук

Передача национально-культурной специфики в переводе: анализ безэквивалентной лексики романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Данная статья посвящена трудностям, с которыми сталкивается переводчик при интерпретации лексических единиц, не имеющих полных эквивалентов в других языках. Изучены сложности перевода данного класса слов, а также произведён анализ существующих методов и приёмов перевода безэквивалентных выражений в зависимости от типа лексики. Выводы, изложенные в статье, сделаны на основе проделанного исследования по материалу романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», в результате которого выявлены особенности применяемых приемов и их корреляция с другими характеристиками переводимого произведения.

Ключевые слова: реалии, безэквивалентная лексика, культура, перевод, стратегии перевода.

T.I. Polischuk

Conveying National Cultural Specificity in Translation: An Analysis of Non-Equivalent Lexicons in I.S. Turgenev's Novel "Fathers and Sons"

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

This article is devoted to the difficulties faced by the translator when interpreting lexical units that do not have full equivalents in other languages. The difficulties of translating this class of words were studied, and the existing methods and techniques of translating non-equivalent expressions depending on the type of vocabulary were analysed. The conclusions stated in the article are made on the basis of the research done on the material of I.S. Turgenev's novel – Fathers and Sons as a result of which the peculiarities of the applied techniques and their correlation with other characteristics of the translated work were revealed.

Key words: realia, non-equivalent vocabulary, culture, translation, translation strategies.

В современном языкознании взаимосвязь языка и культуры не вызывает сомнений. Язык не только отражает современную культуру, но и фиксирует ее предшествующие состояния и передаёт ценности от поколения к поколению. Отражение национальной специфики наиболее ярко проявляется в безэквивалентной лексике, т.е. в лексике, не имеющей в переводном языке соответствующего эквивалента. При этом «безэквивалентность» не следует понимать как полное отсутствие в переводном языке средств для передачи значения данной лексической единицы исходного языка. Такие средства, как правило, имеются. Под безэквивалентностью лексической единицы мы понимаем лишь то, что она не имеет аналога в лексической системе переводного языка, т.е. такого «готового» слова или устойчивого словосочетания, которые можно подставить вместо нее в контексте конкретного перевода [5, с. 128].

Несмотря на то, что понятие «безэквивалентная лексика» стало изучаться еще в 50-е годы XX в., в настоящее время его содержание продолжает уточняться и развиваться благодаря его методологической востребованности и результативной апробации на различном языковом материале (Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров [3], В.Н. Комиссаров [7], Л.С. Бархударов [2], В.С. Виноградов [4], Л.К. Латышев [8] и др.).

Так, «Новый словарь методических терминов и понятий» под редакцией Э.Г. Азимова и Н. Щукина дает безэквивалентной лексике следующее толкование – «лексические единицы иностранного языка, не имеющие равнозначных соответствий в родном языке» [1, с. 15]. Другим примером служит определение советского лингвиста Л.С. Бархударова: «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [2, с. 81]. А.Д. Швейцер отождествляет понятие безэквивалентной лексики с реалиями, определяя их как «лексические единицы, служащие для обозначения культурных реалий, не имеющих точных соответствий в другой культуре» [11, с. 48].

Среди зарубежных лингвистов наибольшее количество материалов, посвященных определению дефиниции данного понятия, посвятили С.И. Влахов и С.П. Флорин [5]. В монографии «Непереводимое в переводе» лингвисты провели подробный анализ лексических единиц и пришли к выводу, что к безэквивалентной лексике можно отнести слова, лишенные эквивалентов в том или ином языке, но лишь в плоскости данной пары языков. Точку зрения болгарских лингвистов разделяет и русский филолог

А.О. Иванов [6]. По его мнению, к безэквивалентной лексике относятся лексические единицы, не имеющие эквивалентов в словарном составе переводящего языка. Безэквивалентная лексика может существовать лишь в рамках языка оригинала и языка перевода, поскольку, например, в родственных языках, многие понятия будут схожи и могут иметь как минимум вариантное или эквивалентное соответствие.

Таким образом, безэквивалентную лексику составляют слова, отражающие индивидуальные особенности какой-либо культуры. Отличительной особенностью безэквивалентной лексики является невозможность однозначного выявления принадлежащих ей лексических единиц в рамках одного языка в виду того, что они могут являться как элементами культуры, так и обычными словами, употребляемыми участниками коммуникации. Такие группы без эквивалентной лексики как реалии распознать значительно легче, поскольку они имеют характерную черту – близость к культуре народа.

Самой подробной классификацией безэквивалентной лексики, на наш взгляд, можно назвать классификацию А.О. Иванова. Она во многом схожа с классификацией типов безэквивалентности М. Бейкер [12]. Филолог выделяет следующие группы безэквивалентной лексики [6, с. 24]:

1) Референциально-безэквивалентная лексика. Данная группа слов зачастую требует описательного перевода ввиду неспособности передачи смысла при помощи какого-либо соответствия в языке перевода. Она включает в себя фразеологизмы, авторские неологизмы, реалии.

2) Прагматически-безэквивалентная лексика, к которой относятся единицы, неспособные выразить субъективное отношение к чему-либо или вызвать необходимую реакцию при передаче на другой язык. Изменения в переводе приводят к смене стилистической или эмоциональной окраски лексики при сохранении ее референциального значения (ненормативная лексика (диалектизмы, архаизмы и т.д.); аббревиатуры, прагматическое значение которых не всегда совпадает с соответствием в языке перевода; междометия).

3) Альтернативно-безэквивалентная лексика, безэквивалентность которых зависит сугубо от выбранного способа перевода (онимы, некоторые реалии и фразеологизмы).

В классификации Л.С. Бархударова безэквивалентная лексика разделена на три группы: реалии (кокошник, bouillabaisse, изба); имена собственные (Акакий, Дуняша, Мосфильм); случайные лакуны (сутки, embarquer, chaperon) [2, с. 33].

При обращении к любой из классификаций не стоит забывать, что некоторые термины, ранее считавшимися безэквивалентными, в настоящее время имеют устоявшееся соответствие в том или ином языке перевода. Зачастую бывает сложно установить временные рамки перехода безэквивалентной лексики в повседневный словарь того или иного языка, тем не менее среди них присутствуют и довольно очевидные примеры. К таким словам чаще всего относят топонимы – имена собственные, обозначающие географические объекты, населенные пункты [9, с. 112].

На основе перечисленных выше классификаций было проведено исследование, цель которого – выявить, какой из способов перевода является наиболее распространенным, и какая из групп вызывает наибольшую трудность при переводе. В качестве объекта исследования были использованы единицы референциальной и альтернативной безэквивалентной лексики романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» [10].

Самой малочисленной, но встречающейся на протяжении всего произведения группой являются имена собственные. С первых строк произведения читателя встречает типичный пример аналогового перевода: «Что, Пьер, не видать еще?» - «*Eh bien! Pierre, rien ne vient encore?*»...

Действительно, имена главных персонажей были переведены посредством транспозиции – последующей замены имен на более привычные французскому читателю аналоги, приближенные к оригиналу. Например, имя супруги Кирсанова — Агафьи (Агафоклеи) Кирсановой — превратилось в *Agatokleïa* (Агатоклея). Имя древнегреческого происхождения и имеет двойственное написание даже в русском языке, что объясняло бы замену. Тем не менее, французское написание имени также несколько иное: так, одноименную историческую личность называют *Agathocléïa*. В то время как причина смены написания неизвестна, причина транспозиции довольно ясна – еще в оригинальной версии произведения к барышне также обращались как *Agathe*, пользуясь аналогом из другого языка. Похожие изменения коснулись и других действующих лиц: *Николай Петрович Кирсанов* – *Nicolas Pétrovitch Kirsanov*, *Аркадий Николаевич Кирсанов* — *Arcade Nikolaïevitch Kirsanov*.

Значительную часть произведения занимают общественно-политические реалии. Примечательным в произведении является перевод административно-территориальных единиц, объединяющих как названия географических реалий, так и имена собственные, их обозначающие. Русскому читателю, знакомому с видами деревенских и городских поселений XIX в., каждое из наименований покажется знакомым и понятным.

Французский же читатель будет воспринимать содержимое через призму интерпретаций переводчика, воспользовавшегося самыми разными методами перевода: *«Это и было Марьино, Новая слободка, или по крестьянскому наименованию, Бобылий Хутор»*. – *«C'était Marino, autrement dit la «Nouvelle Ferme» ou encore la «Maison des Orphelins» comme l'appelaient les paysans»*.

Способ перевода, выбранный для передачи крестьянского прозвища административной единицы – *la «Maison des Orphelins»*, несет в себе двоякий смысл, сочетая в переводе генерализацию и конкретизацию. Действительно, в произведении данное название имело смысл, поскольку «бобылий» переводится как «одинокый, холостяцкий» – самое подходящее слово для описания быта братьев Кирсановых до прибытия в имение сына одного из них и некоторых других событий. Во французской версии произведения значение названия населенного пункта немного изменилось: употребление слова «дом» еще больше указывает на стиль жизни героев, однако «des Orphelins» (сирот) здесь указывает как на одиночество, так и на тот факт, что поместье досталось братьям в наследство от почившего отца. В произведении присутствуют и другие названия административных единиц, однако они переведены посредством аналогового перевода (*губернский город* – *une ville de province*, *уезд* – *un district*).

Продолжая группу общественно-политических реалий, рассмотрим названия органов власти и иных должностей в сфере политики. Данная группа слов заставляет задуматься и прибегнуть к комментариям автора или иным историческим ресурсам даже исконно русского читателя. Рассмотрим пару примеров: *«Самому драться невозможно, посылать за становым – не позволяют принципы, а без страха наказания ничего не поделаешь!»* – *«Impossible de corriger ces gens-là moi-même, et mes principes ne me permettent pas de recourir à la police»*. В Российской империи *становым* называли возглавляющего стан чиновника уездной полиции. При переводе была произведена генерализация, название должностного лица заменено на название силового ведомства, что несколько не повлияло на смысл, но способствовало соблюдению норм французского языка.

Способы перевода названий государственных органов отличаются разнообразием. Например, *казённая палата* переведена при помощи подбора аналога: *le bureau des Finances* – название учреждения, осуществляющего похожие функции во Франции в XVIII в. Другие же учреждения сохранили исконное название, переданное посредством калькирования: *министерство уделов* – *le ministère des domaines*, *опекунский совет* – *la chambre des tutelles*.

Названия сословий и некоторых должностей претерпели значительные изменения. Так, *мещане* – название сословия, характерного лишь для реалий Российской империи, было заменено на буржуазию (*bourgeois*) — название слоя населения, занимающегося торговлей. *Дворовые* были переданы при помощи транскрибирования с применением конверсии – *des dvarovi*.

Следует отметить, что при переводе классов рабочих Л. Виардо сумел сохранить содержащиеся в лексических единицах эмоциональные коннотации. В произведении употребляется слово *тапер*, образованное от французского глагола «*taper*» - бить. Тапером называли пианистов, исполняющих композиции на танцевальных вечерах за некоторую плату. В романе подобная профессия упоминается с неким презрением, что отчетливо видно в описательном переводе французского автора — *le misérable joueur de polkas et de valse*. Прилагательное «*misérable*» подчеркивает скудный доход людей данной профессии, в то время как уточнение рода композиций словно указывает на то, что индивид на большее не способен.

В произведении также встречаются такие реалии меры, как: верста («*В нашей же губернии, верст восемьдесят отсюда*» - «*Il demeure dans notre gouvernement, à quatre-vingt verstes d'ici environ*»); десятина («*ему пришлось отвести под новую усадьбу десятины четыре совершенно ровного и голого поля*». - «*il dut se résigner à prendre pour son nouvel établissement quatre déciatines d'un sol plat et aride là...*»). Каждая из единиц измерения была переведена посредством транскрибирования. Для удобства читателей на странице присутствует сноска. Так, переводчик указал, что под «десятиной» автор подразумевает «чуть более 1га» [13, с. 47].

Для передачи реалий меры и реалий экономической сферы Л. Виардо прибегнул к аналоговому переводу (*оброк* – *des redevances*), транскрибированию (*копейка* – *un kopek*) и описательному переводу (*недоимка* – *des redevances en retard*).

Среди реалий быта можно выделить реалии, связанные с одеждой, национальной кухней Российской империи и другими элементами русской культуры. Среди блюд можно встретить знакомые каждому щи, борщ и квас — *le chtchi, le borstch, le kvass*. Как и большинство реалий данной группы, названия национальных блюд в романе были переведены посредством транскрипции.

Перевод названий одежды представлял наибольшую сложность для переводчика. Можно заметить, что, столкнувшись с элементами костюмов чиновников и лиц других сословий, прибегнул к двум основным

способам перевода: транскрипции и описательному переводу. Единственным элементом верхней одежды, отличающимся способом перевода, является чуйка – длинный суконный кафтан. В глазах французских читателей он изображен в виде куртки – *une veste*. Если ознакомиться с внешним видом изделия, то оно действительно является одним из видов мужской верхней одежды своего времени, так что замену можно считать вполне оправданной.

Таким образом, более трети слов (43%), относящихся к безэквивалентной лексике, были частично или полностью переведены посредством транскрипции. К данной безэквивалентной лексике относятся как имена собственные, так и слова, обозначающие элементы быта и иные категории реалий. Главным фактором выбора подобного способа перевода является возможность добавить сноску в печатном издании. Тем не менее, перевод не вызывает затруднений у читателя: все благодаря стараниям Л. Виардо и И.С. Тургенева. Как в русской версии, так и во французском переводе присутствуют сноски, в которых в мельчайших деталях объясняется не только смысл слова, но и причина употребления того или иного крылатого выражения, что позволяет французским читателям ближе познакомиться с культурой русского народа. Примечательно, что данный способ в большинстве случаев применяется при переводе реалий быта (одежды и национальной кухни) – к этой группе относится 46% переведенных транскрибированием слов. Второе место занимают имена собственные, которые составляют 30% переведенных слов. Другим распространенным способом является перевод посредством подбора функционального аналога (25%), в основном применяемый для перевода безэквивалентной лексики относящейся к общественно-политическим реалиям, что характерно для произведений классики.

Каждый из использованных переводов был применен уместно и не исказил смысл произведения. Л. Виардо мастерски удалось сохранить национальный колорит произведения, не перегружая читателя незнакомыми терминами, никак не влияющими на ход произведения.

Таким образом, выбор способа перевода зависит от таких характеристик, как:

- 1) жанр произведения (при переводе художественной литературы, особенно произведений русских классиков, реже прибегают к изменениям элементов быта и имен, поскольку именно эти особенности и задают неповторимую атмосферу книги);

- 2) способ повествования (наличие примечаний, содержащих дефиницию слов, переданных посредством транскрибирования

и/или транслитерации, что дает большую свободу действий в процессе перевода);

3) целевая аудитория (классическая литература, рассчитанная на зрелого читателя, будет содержать много пояснений как в оригинале, так и в переводе);

4) тип безэквивалентной лексики (элементы быта чаще всего передаются транскрибированием, в то время как политические реалии передаются по возможности подбором аналога либо при помощи калькирования).

Безэквивалентная лексика – не препятствие, а вызов для переводчика, поскольку требует от переводчика не только лингвистических знаний, но и культурной эрудиции и гибкости мышления. Грамотный перевод безэквивалентной лексики не только сохраняет культурный и смысловой потенциал оригинала, но и помогает развивать язык перевода.

Список литературы:

- 1) Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – Москва: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
- 2) Бархударов, Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – Москва: URSS, 2023. – 240 с.
- 3) Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Москва: Русский язык, 1990. - 247 с.
- 4) Виноградов, В. С. Перевод: общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. – Москва: Книжный дом, 2006 – 240 с.
- 5) Влахов, С.И., Флорин, С.П. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин // Монография. – Москва: Р.Валент, 2009. – 360 с.
- 6) Иванов, А. О. Безэквивалентное и непереводимое в переводе в свете современной лингвистической теории: Автореф. дисс. ... кандидата филологических наук / А.О. Иванов. – Л.: ЛГУ, 1984. – 20 с.
- 7) Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – Москва: Прогресс, 2000 – 253 с.
- 8) Латышев, Л.К. Технология перевода / Л.К. Латышев. - Москва: Издательский центр «Академия», 2005. – 317с
- 9) Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – Москва: URSS, 2023. – 366 с.
- 10) Тургенев, И.С. Отцы и дети / И.С. Тургенев. – Санкт-Петербург: Лениздат, 2014. – 255 с.

- 11) Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – Москва: URSS, 2018. – 176 с.
- 12) Baker, M. In other words: a coursebook on translation / M. Baker. – London: Routledge, 1992. – 353 p.
- 13) Tourgeniev, I. Pères et fils (trad. Ivan Tourgueniev et Louis Viardot) / I. Tourgeniev. – Paris : Charpentier, 1863. – 295 p.

«Инновационные методы и технологии изучения аспектов английского языка и современные методики его преподавания»

УДК 821.111

Т.С. Василенко

Анализ культурно-специфической лексики в современной англоязычной прозе

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Предметом исследования статьи является специфика лексических единиц современного англоязычного романа, а именно особенности применения стилистических средств и слов и словосочетаний, которые называют реалии. В первой части статьи представлен краткий обзор творчества современной английской писательницы Берил Бейнбридж и суть одного из ее романов – «Мастер Джорджи». Далее рассматриваются культурно-специфическая лексика и стилистические средства, используемые автором, и делается вывод о том, что данный художественный текст является богатым материалом для изучения как с точки зрения стилистики, так и с точки зрения истории и культуры страны.

Ключевые слова: роман, историческая проза, стилистические средства, культурно-специфическая лексика, метафора.

T.S. Vasilenko

The analysis of culture-specific vocabulary in modern English prose

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga

The subject of the article's research is the specifics of the lexical units of the modern English novel, namely, the use of stylistic devices, words and phrases that name real things, which are culture specific. The first part of the article provides a brief overview of the work of the modern English writer Beryl Bainbridge and the essence of one of her novels, Master Georgie. Next, the authors consider the culture-specific vocabulary and stylistic devices used by the author, and conclude that this literary text is a rich material for study both from the point of view of stylistics and from the point of view of the history and culture of the country.

Key words: novel, historical prose, stylistic devices, culture-specific vocabulary, metaphor.

В ходе изучения как родного, так и иностранного языка трудно переоценить значимость художественной литературы. Именно она обеспечивает необходимое погружение в культурно-исторический контекст народа, язык которого изучается [2].

Одной из знаковых фигур в британской литературе является Берил Маргарет Бейнбридж, начавшая свой творческий путь в 1950–60-х годах. Изначально писательство для неё было способом заполнить досуг, и она писала преимущественно развлекательные романы. С 1990-х годов Бейнбридж обращается к жанру исторической прозы и создает четыре произведения, которые сегодня считаются определяющими для развития этого жанра в современной литературе Великобритании: «Именинники» («The Birthday Boys», 1991), «Каждый за себя» («Every Man for Himself», 1996, «Мастер Джорджи» («Master Georgie», 1998) и «Согласно Куини» («According to Queeney», 2001).

Роман «Мастер Джорджи», завершённый в 1998 году, в год своего выхода был удостоен одной из старейших британских литературных премий — James Tait Black Memorial Prize. Композиционно роман разделён на шесть глав, первые из которых разворачиваются в Ливерпуле (1846 и 1850 гг.), а последующие описывают путешествие героев через Константинополь и Варну в направлении, где разворачиваются основные события Крымской войны. Именно в условиях войны герои раскрываются наиболее полно и драматично.

Рассматривая, современную британскую прозу, нельзя не отметить, «Мастер Джорджи» Бейнбридж занимает в ней особое место, так как представляет собой один из ключевых ориентиров развития исторического романа на рубеже XX–XXI веков. Можно с уверенностью утверждать, что именно историческая проза Берил Бейнбридж стала концептуальной основой для формирования жанра в его обновлённой форме.

Произведение получило широкий отклик в профессиональной среде, что подтверждается рядом престижных наград, включая James Tait Black Memorial Prize, Commonwealth Writers' Prize и литературную премию W.H. Smith (1999). Кроме того, роман вошёл в шорт-лист Букеровской премии, став уже пятой номинацией писательницы на эту авторитетную награду.

Всего Б. Бейнбридж номинировалась на Букеровскую премию шесть раз — за такие произведения, как *The Dressmaker*, *The Bottle Factory Outing*, *An Awfully Big Adventure*, *Every Man for Himself*, *Master Georgie* и *According to Queeney*. В 2011 году, спустя год после её смерти, Роман «Мастер Джорджи» был признан лучшей книгой среди названных, по итогам специального голосования — таким образом, Бейнбридж посмертно была удостоена Букеровской премии.

Роман «Мастер Джорджи» отличается особым жанровым, тематическим и композиционным строем, что и определяет его художественную значимость. Жанровая специфика произведения тесно связана с эпохой постмодернизма, ставшей ключевым вектором развития британской литературы 1990-х годов. Для авторов этого периода характерен тяготеющий к реализму подход, который становится основным выразительным средством в исторической прозе.

Уникальность романа Б. Бейнбридж проявляется в смещении фокуса на внутренний мир отдельного человека, его бытовые тревоги и эмоциональные переживания. Произведение характеризуется тонким психологизмом и субъективным типом повествования. Таким образом, в романе «Мастер Джорджи» находят свое изображение не только исторические события Крымской войны, но и индивидуальная судьба персонажа, которая оказывается вписанной в исторический контекст [3].

Роман «Мастер Джорджи» охватывает период жизни героев с 1846 по 1854 гг. Роман разделен на 6 глав, при этом повествование в каждой главе ведется от лица одного из трех героев, тем или иным образом связанных с главным героем романа Джорджем Харди: Миртл, Доктора Поттера и Помпи Джонса. Как отмечает Т.А. Полуэктова, эти шесть частей — своеобразные «главы-пластинки, на которых запечатлены основные вехи в жизни героев».

С нашей точки зрения, роман представляет собой богатый источник для изучения истории и культуры Великобритании, так как содержит множество культурно-специфической лексики. Вслед за С. И. Влаховым и С. П. Флориным мы понимаем культурно-специфическую лексику как лексические единицы, которыми называют объекты и явления, характерные для культуры, жизни, социально-исторического развития, конкретно взятого этнолингвосоциума [1]. Также, роман представляет большой интерес с точки зрения анализа стилистических средств, используемых автором. Далее считаем целесообразным подтвердить наше мнение примерами из текста романа [3].

Роман "Мастер Джорджи" охватывает период жизни героев с 1846 по 1854 гг. Как отмечалось выше, роман разделен на 6 глав, при этом повествование в каждой главе ведется от лица одного из трех героев, тем или иным образом связанных с главным героем романа Джорджем Харди: Миртл, Доктора Поттера и Помпи Джонса. Как отмечает Т.А. Полуэктова, эти шесть частей – своеобразные «главы-пластинки, на которых запечатлены основные вехи в жизни героев». С нашей точки зрения, роман представляет большой интерес с точки зрения художественного анализа.

Во-первых, большая часть романа связана с событиями Крымской войны, и, следует отметить, Б. Бейнбридж довольно достоверно, опираясь на исторические источники, описывает происходящие события. Крымская война 1853 – 1856 гг. – глобальный военный конфликт между Российской империей с одной стороны и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства с другой. Реальность описываемых в романе событий подчеркивается упоминанием автором реально существующих мест. Так, мы находим большое количество географических топонимов: Константинополь (*Constantinople*), Севастополь (*Sebastopol*), Великая гавань (*Valletta harbor*), Галлиполи (*Gallipoli*), Босфор (*the Bosphorus*), Золотой Рог (*Golden Horn*), Скутари (*Scutari*), Стамбул (*Stamboul*), Пера (*Pera*), Левант (*the Levant*) и т.д. Благодаря названиям мы можем отследить движение героев из Ливерпуля к театру военных действий, где разворачиваются главные события романа.

Помимо географических топонимов, на протяжении романа мы встречаем множество реалий того времени, так, например, неоднократно упоминается Легкая Бригада (*Light Brigade*) - Британская легкая кавалерия, состоявшая из легких, быстрых лошадей без доспехов, солдаты которой были вооружены саблями и копьями. Б. Бейнбридж подчеркивает, что нести службу в Легкой бригаде было почетно, используя эпитет "*dazzling*", при ироническом описании воображаемого жениха Миртл: "*... for who could compete with a peacock of the dazzling Light Brigade ... ?*" Помимо Легкой кавалерии, упоминается Гвардия и Стрелковая бригада ("*... their arrival to be greeted by a turn-out of the Guards and Rifle Brigade ...*").

Также заслуживает внимания упоминание в романе красных и синих мундиров (*red-coats*, *blue-coats*) – униформы Британской и Французской армии. "*... the numerous red-coats who staggered out of the wine shops ...*". "*... supported on either side by blue-coats ...*". В данных примерах автор

использует прием метонимии для обозначения солдат британской и французской армий, которые выделялись цветом своих мундиров.

Достоверность происходящих событий подчеркивается также использованием имен политических деятелей и полководцев. Так, в диалоге между Нотоном и Доктором Поттером упоминается ряд видных деятелей того времени: *“Uneducated?” he protested. “Lord Aberdeen, the Duke of Newcastle, Lord Russel, Lord Raglan ...”*. В одном из эпизодов мы находим упоминание Лорда Кардигана (*Lord Cardigan*), британского военачальника, начальника Легкой бригады, разгром которой во время Балаклавского сражения запечатлел с воем известном стихотворении «Атака легкой бригады» А. Теннисон (*“... a young man brilliantly attired in the uniform of Lord Cardigan’s 11th Hussars”*).

Говоря о реалиях, нельзя не упомянуть фотографию как своеобразный символ романа. Фотография была изобретена в 1839 году и на момент описываемых в романе событий уже активно использовалась. Ряд ключевых событий романа связано с фотографией, это своего рода стоп-кадры, на которых запечатлены основные моменты жизни героев. Так, Джордж фотографирует Миртл и умершего отца, Помпи Джонс фотографирует погибших и раненых, и наконец, роман завершается общей фотографией выживших после сражения солдат, среди которых по злой иронии оказывается уже мертвый Джордж Харди. При этом обращает на себя внимание тот факт, что первое фото (Миртл и мистер Харди) делает Джордж, а на последнем фото он сам попадает на снимок. Обращает на себя внимание ироническое отношение автора к активному использованию фотографии во время военных действий. Б. Бейнбридж подчеркивает полное несоответствие того, что было отображено на фото, тому, что происходило в реальной жизни. *“George helped with the photographs The results would be sent back to England, so that the public would be aware of the good times the troops were enjoying. ... it was likely those captured by the camera would shortly be dead.”*

Достоверными представляются и описания различных мест, в которых оказываются герои, и их культурных особенностей. Описание города Балаклавы начинается так: *“The town of Balaclava is situated on an inlet running deep into the land...”*. А вот часть описания Варны: *“The town was in a state of considerable disorder due to its swollen population. ... There were rats openly burrowing among the mounds of refuse ...”*.

Помимо богатого исторического и культурного фона, роман представляет интерес с точки зрения используемых стилистических средств.

Особое место в романе занимает метафора при описании природы. Хотя описаниям природы отведено не большое место в романе, каждый отрывок в той или иной степени тонко отражает состояние героя или происходящие события. Так, в первой части описывается любимое место Миртл: “... *the grey river met the grey sky, and a low white sun, sliced by the masts of ships, sailed through a splash of scarlet petals*”. Когда мёртвого мистера Харди принесли домой, состояние природы отражало чувства Миртл: “*The hidden sun was beginning to set now, staining the scudding clouds with crimson, and I took its bloody aspect for an omen*”. В описании длинного утомительного морского путешествия автор также прибегает к метафоре: “... *the monotonous vista of sea and sky*”.

Метафора активно используется автором для описания героев и их состояния. Так, автор называет Миртл “*a woman with fairy dust in her eyes*”, ссылаясь на ее слепую преданность Джорджу Харди. Описывая состояние Джорджа и его нежелание возвращаться домой из-за ссоры родителей, автор снова прибегает к метафоре: “... *he was lost in thought, either that or putting time between himself and home*”. Радость Миртл, что она может быть рядом с Джорджем и быть полезной ему во время военной кампании, отражена метафорой: “*Myrthle, previously lurking in mist, had now emerged into the light*”. Смерть от пули автор сравнивает с поцелуем свинца: “*a swift kiss of lead*”, а солдат, каждый день рисковавших жизнью, “*on nodding terms with death*”.

Помимо метафоры важную роль в художественном плане играют многочисленные сравнения и эпитеты: “*grey hair lank as seaweed, lips purple as plumps in the orchard*” (описание Мистера Харди после смерти); “*straight as a ramrod*” (описание Джорджа Харди); “... *I sank into a blackness as impenetrable as the tomb*” (Миртл едет в фургоне с телом мистера Харди); “*composed and quite as the grave*” (Миссис Харди после смерти мужа); “... *the tents of the 3rd division, small as butterfly wings* ...” (описание стоянки военного лагеря в Галате); “*like a bird above a robbed nest*” (Миртл после гибели Джорджа) “*odious and obsequious individual*” (описание Нотона, влюбленного и Миртл спекулянта из Ливерпуля); “*nauseating display of patriotic fervor*” (первые дни после официального объявления войны глазами доктора Поттера).

Особое место в романе занимает аллюзия, отсылки к историческим событиям, мифологическим и библейским сюжетам. Так, доктор Поттер сравнивает их веселое времяпрепровождение перед объявлением войны с последними днями Римской империи: “... *the hectic gaiety which must have*

prevailed during the last days of Rome". Описывая марш военных к Севастополю, Поттер сравнивает его с маршем персидского полководца Мардония через долину Платея: "*Nothing, I foolishly thought, not even Mardonius's advance across the plain of Plataea, could be compared to the brutality of that march*". Битва при Платеях произошла в 479 г. до н.э. и была одним из ключевых сражений греко-персидских войн.

Помимо вышеупомянутых стилистических средств, которые занимают наиболее важное место в романе, можно отметить использование зевгмы (*owing to headaches and differences of opinion; my bearings had gone astray with my trousers; hadn't he with him the only two things that mattered, a stout heart and his weaponry!*), эвфемизмов (*to perish* (to die), *to leave one's mind* (to go mad)), литоты (*I wasn't being insincere; it wouldn't be incorrect to say*), параллельных конструкций (*How strange it was to be encamped in a foreign land! How portentous the message, how wrapped in sentiment the cheapness of life!*), а также ряда идиоматических выражений, которые могут быть полезны для лингвистического анализа (*walls have ears, my lips are sealed, to see how the land lay, be under black clouds, to bite one's head off*).

Таким образом, проведённый анализ показал, что оригинальный художественный текст является богатейшим источником знаний, как с точки зрения изучения истории, культуры, менталитета страны изучаемого языка, так и с точки зрения функционирования стилистических средств.

Список литературы:

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе. / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Высшая школа, 1986. – 186с.
2. Жакова, Т.Е. Перевод культурно- и тематически-маркированных лексических единиц в художественном тексте (на Примере Романа Пэт Баркер «Возрождение») / Т.Е. Жакова, О.Е. Похаленков // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты. Сборник материалов IX международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2021. – С. 146-149.
3. Полуэктова, Т.А. Жанровые формы романов Берил Бейнбридж: «Мастер Джорджи», «Согласно Куини»: дис. ... к. филол. наук: 10.01.03/ Полуэктова Татьяна Анатольевна. – Красноярск, 2011. – 223 с.
4. Bainbridge B. Master Georgie. / Bainbridge B. - London, 2020. – 212p.

С.Д. Концевова

**Анализ сформированности социокультурной компетенции
у школьников на ЕГЭ**

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Развитие социокультурной компетенции является одной из приоритетных задач обучения иностранным языкам в средней школе. Социокультурная компетенция предполагает обширные знания культурных особенностей страны изучаемого языка и умения пользоваться языковым инструментарием сообразно ситуации общения с представителем иноязычного сообщества. Анализ результатов сдачи Единого государственного экзамена показывает недостаточно высокий уровень сформированности социокультурной компетенции у школьников, что приводит к снижению общего балла на экзамене. В последние годы наблюдается большое внимание, уделяемое русской культуре, в содержании экзаменационных материалов.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, диалог культур, без эквивалентная лексика.

S.D. Kontsevova

**Analysis of the development of sociocultural competence of school children at the
State Russian Exam**

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

Development of sociocultural competence is one of the priorities of foreign language teaching at secondary school. Sociocultural competence suggests ample knowledge of cultural peculiarities of the target country and automatized skills of using language instrumentarium in accordance with the communicative situation with a representative of another language community. The analysis of the results of the State Russian Exam shows rather a low level of the development of schoolers' sociocultural competence, which leads to lowering their examination scores. Recently a lot of attention has been paid to Russian culture in the contents of the examination papers.

Key words: sociocultural competence, dialogue of cultures, realia

На современном этапе развития образования и методики обучения иностранным языкам в частности большое внимание уделяется формированию у обучающихся социокультурной компетенции, которая предполагает способность

осуществлять выбор языковых форм, использовать их и преобразовывать в соответствии с контекстом, т.е. в соответствии с конкретной ситуацией общения, в которую вовлечены как представители одной культуры (родной), так и двух разных (родной и иностранной). Последнее предполагает диалог культур, который требует глубоких знаний как своей собственной культуры, так и культуры изучаемого языка. При этом знание культуры подразумевает овладение информацией о веках сложившемся национальном менталитете, традициях, ритуалах, привычкам, религии, искусстве, научных открытиях, повлиявших на формирование национальной целостности и гордости и т.п. Здесь важны знания о географии, климате, природных ископаемых и типичной погоде на территории проживания данного языкового сообщества, т.к. эти особенности также могут повлиять на тип мышления и языковые особенности конкретного языкового сообщества. Можно привести хрестоматийный пример с многочисленными синонимами слова «белый» в языке эскимосов, обозначающими разные виды и состояние снега, а также отдельные слова для слова «верблюд» в арабском языке для обозначения разного состояния этого животного коммуникация [5]. Данные примеры ярко показывают, что особенности образа жизни людей, например на Крайнем Севере или в пустыне, сильно влияют на способ отражения действительности через национальный язык, находя выражение в первую очередь лексическом запасе. Не менее важно изучение истории страны изучаемого языка, которая как правило тесно связана с историческим развитием данного языка. Поэтому обучаемые должны быть в курсе основных вех развития английского языка, таких как, например, битва при Гастингсе 14 октября 1066, сражение, в котором последний англосаксонский король Гарольд Годвинсон проиграл нормандскому герцогу Вильгельму, впоследствии ставшему Вильгельмом Завоевателем, основавшим первую династию франкоговорящих королей в Англии и повернувшим развитие английского языка с его германскими корнями в романское русло.

Подобные знания безусловно помогают выстроить правильно общение на иностранном языке с представителями «чужой» культуры, грамотно вести диалог в любой ситуации общения, видеть различия и сходства своей и другой культуры, толерантно относиться к различным проявлениям культуры, не всегда совпадающими с родной и вызывающими иногда отторжение и неприятие, уметь проявлять внимание и чуткость, а также эмпатию при общении с представителями других культур, выстроить дружеские отношения, понять взаимосвязность и целостность окружающего мира и успешно коммуницировать как его неотъемлемая часть. Как отмечает Соловова, «социокультурная

компетенция является инструментом воспитания международно-ориентированной личности, осознающей взаимозависимость и целостность мира, необходимость межкультурного сотрудничества в решении глобальных проблем человечества» [3]

Согласно Г.В. Елизаровой, социокультурная компетенция — это способность использовать вербальные и невербальные коммуникативные стратегии для компенсации пробелов в знаниях лингвистического кода и срывов, возникающих по другим причинам» [2, с. 255]. То есть проще говоря, необходимо знание тонких оттенков значения слов и выражений, позволяющих точно выразить свою мысль посредством чужого языкового кода и при этом не задеть чувства и национальную гордость носителей другого языка и культуры.

Большое внимание, которое сейчас уделяется формированию социокультурной компетенции у школьников, наблюдается в требованиях, которые предъявляются на финальном этапе обучения иностранному языку за курс средней школы. Это требования Единого государственного экзамена, который является итоговой аттестацией, призванной определить уровень освоения школьной программы учащимися, в том числе и в области иностранных языков. Одним из важнейших концептуальных подходов в данной области является культуросообразный подход, предполагающий «соизучение языка и культуры, диалог культур» [4] (спецификация контрольно-измерительных материалов для проведения в 2024г. Единого государственного экзамена по иностранным языкам). Соответственно, социокультурные знания и умения включают:

- «Овладение социокультурными знаниями и умениями: знать/понимать речевые различия в ситуациях официального и неофициального общения в рамках тематического содержания речи и использовать лексико-грамматические средства с учётом этих различий; знать/понимать и использовать в устной и письменной речи наиболее употребительную тематическую фоновую лексику и реалии страны/ стран изучаемого языка (например, система образования, страницы истории, основные праздники, этикетные особенности общения); иметь базовые знания о социокультурном портрете и культурном наследии родной страны и страны/стран изучаемого языка; представлять родную страну и её культуру на иностранном языке; проявлять уважение к иной культуре; соблюдать нормы вежливости в межкультурном общении.

- Владение знаниями о социокультурной специфике страны/стран изучаемого языка и умение строить свое речевое и неречевое поведение

адекватно этой специфике; умение выделять общее и различное в культуре родной страны и страны/стран изучаемого языка» (здесь же).

Как показывает анализ ситуации со сдачей ЕГЭ в течение последних нескольких лет, социокультурных знаний и умений у школьников явно недостаточно, и зачастую это приводит к недостаточным высоким баллам при выполнении заданий письменной и устной части ЕГЭ. Безусловно, в заданиях Письменной части ЕГЭ (чтении, аудировании) содержится большое количество текстов с социокультурным контентом о культурных традициях других стран, например в заданиях 10 и 12-18. В задании 11 часто встречаются тексты о родной культуре участников экзамена, например Kizhi Island, Buryatia Region, Kazan, etc. [1], способствующие расширению культурного кругозора учащихся, но при этом и создающих возможные трудности в понимании текстов и правильном выполнении задания.

Но наибольшую трудность в плане социокультурной компетенции представляют собой задания ЕГЭ в разделе «Письменная речь» и «Устная речь». Так, задания на Письменную речь включают написание электронного письма личного характера (37) и письменное высказывание с элементами рассуждения на основе таблицы или диаграммы (38). Эти задания предполагают продуцирование собственного высказывания различной степени протяжённости (140 и 250 слов соответственно) на иностранном языке. В данных заданиях хорошо просматривается социокультурная составляющая коммуникативной компетенции школьников, когда от детей требуется в первую очередь социокультурные знания общего характера. Например, в заданиях 37 школьникам предлагается ответить на вопросы в рубрике письма, полученного от друга по переписке из другой страны:

- What sport activities are popular in Russia? Do they differ region from region?

- Is chocolate a popular gift in Russia?

- What types of toys or games are popular among teenagers in Russia?

- What types of toys or games are popular among teenagers in Russia?

What do you think the most interesting period in Russian history is? If there were time machine, what country and what era would you like to visit?

- What traditional Russian dishes do you like?

Do you often see illustrations of famous pictures on everyday products in Russia? Who is the most famous Russian artist? In your opinion? What art museums in Russia would you recommend visiting and why?

Ответы на эти вопросы требуют наличия фоновых знаний о своей собственной стране, широкий кругозор и некоторый жизненный опыт

проживания в каком-либо сообществе. Отвечая на вопрос о любимом блюде русской кухни, дети упоминают безэквивалентную лексику *chi* или *borch* (орфография ученика), делая ошибку в написании (правила транслитерации), либо транслитерируют русское название на английском *pelmeni*, забывая о том, что англичанин скорее всего не поймет, что это за блюдо, т.к. в его культуре оно отсутствует и будет воспринято как нечто экзотическое и таинственное. А ответы на последний вопрос выявили отсутствие знаний о русских художниках и их наиболее известных картинах, типа «Утро в сосновом лесу» И. Шишкина (1889г.)

Еще сложнее обстоит дело с вопросами, отсылающими школьников к проблемам своего региона, т.е. места проживания:

- Have you ever taken a charity project? Do you find charity events useful? Who do students help most often in your region?

- Which period in your town's or region's history are you most interested in learning about?

- Are music festivals popular with Russian teenagers? What music events are held in your region?

- What is the most difficult subject for you at school? What facilities are there in your school for science and other subjects?

- What environmental problems exist in your region? What does your school do to improve the environment?

- What do you think are the most horrible natural disasters? Which of them are typical in the place where you live? What can people do to protect themselves from them?

- Could you tell me what measures young people can take to save the environment? What kind of support do you get from your local community and family? Is there any Green Party/ Movement where you live?

Дети плохо осведомлены о том, что происходит в их регионе, не знают, какие проходят фестивали и концерты, какое оборудование в школьных кабинетах физики или химии, плохо владеют информацией о благотворительных проектах, волонтерском движении, об экологических проблемах региона и способах их решения, не знакомы с местной историей. Все это зачастую приводит к снижению балла по решению коммуникативной задачи, отсутствию или искажению фактической информации, как в случае с упоминанием *Tornado* и *eruptions of volcanoes* в ответе на вопрос о типичных природных катастрофах в месте, где ты живешь.

Следует отметить, что в последнее время разработчики материалов ЕГЭ все больше и больше включают задания, связанные со знанием родной культуры, музыки, литературы, искусства и истории. Например:

Наиболее частым ответом на вопрос *What kind of books did you read when you were a kid? What is your favourite book?* был *“Kolobok”*, т.е. дети или детям не читали никаких других произведений детских писателей, типа «Волшебник изумрудного города» А. Волкова или «Незнайка» Н. Носова.

Вызвал затруднения вопрос письма *«Who is your favourite Russian playwright?»*. Один из ответов *My favorite Russian playwright is Ivan Zaginsky* оценивается на «0» баллов, т.к. такого писателя просто не существует, это выдуманный персонаж.

Другим ответом был *«My favourite Russian playwright is Chaikovskiy because he wrote “Swan lake”*. Т.е. ребенок не понял значения слова playwright и не знает, что Чайковский был композитором и никак не мог написать (write) балет «Лебединое озеро».

Вопрос *What book by a Russian writer would you advise me to read?* также вызвал неадекватные ответы, типа *Pyshkin, “War and piece” by Dostoevsky, Alexander Esenin*, где сдающие экзамен за курс средней школы показывают низкий уровень сформированности социокультурной компетенции, причем в области родной культуры.

Анализ выполнения заданий устной части экзамена из раздела «Устная речь» также помогает выявить недостаточно высокий уровень сформированности социокультурной компетенции школьников. Прежде всего, это задание 3 устной части (условный диалог-интервью), где учащимся предлагается ответить (в течении 40 секунд на каждый ответ) на вопросы, которые предъявляются устно и однократно. Это задание высокого уровня, требующее наличия автоматизированного владения фонетикой лексикой и грамматикой английского языка, умений спонтанной речи и обширных фоновых знаний. Здесь можно отметить большое количество заданий, основанных на знаниях реалий родной культуры обучаемых и социокультурных знаний в целом.

К таким вопросам можно отнести следующие примеры:

- What do you think should be done to solve the problem of homeless animals?
- What should be done to increase students' honesty?
- What are the popular ways to protect nature in your region? How can school develop the green habits of their students? What would you change in your lifestyle to care more about our planet?
- If you could meet any famous singer or musician, who would it be?

- What period in the history of Russia would you like to see with your own eyes?
 - Have you ever volunteered? What volunteer experience would you like to get in the future?
 - What attractions of your region would you recommend a foreigner to visit?
- Etc.

Устные ответы на вопросы, к сожалению, не всегда соответствуют высокому уровню задания. И причиной этого является не только низкий уровень языковых умений и навыков, но и недостаточно высокий уровень сформированности социокультурной компетенции, когда школьник знает «как» сказать, но не знает «что» сказать на уровне интенции.

Список литературы:

1. ЕГЭ. Английский язык: типовые экзаменационные варианты: 20 вариантов, под. ред. М.В. Вербицкой. – М.: Национальное образование, 2025. – 368 с.
2. Елизарова, Г.В. , Культура и обучение иностранным языкам/ Г.В. Елизарова. – СПб.: КАРО, С.-Петербург, 2005. – 352 с.
3. Соловов, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс: пособие для студентов педагогических вузов и учителей / Е.Н. Соловова. – М.: АСТ, Астрель, 2008. – 233 с.
4. Спецификация контрольно-измерительных материалов для проведения в 2024 г. Единого государственного экзамена по иностранным языкам [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fipi.ru/ge/demoversii-specifikacii-kodifikatory>.
5. Тер-Минасова, С.Г., Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова. - М.: Слово/ Slovo, 2000. – 624 с.

Н.А. Ощепкова

Интертекстуальность как аспект интерпретации художественного текста

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, г. Калуга

В статье рассматривается интертекстуальность как ключевой механизм интерпретации художественного текста на примере романа Дж. Фаулза «Волхв». Анализируются основные типы интертекстуальных включений (мифологические, литературные, философские аллюзии) и их роль в формировании смысловой многослойности произведения. Особое внимание уделяется интерпретационной функции интертекста, позволяющей читателю соотносить текст романа с культурной традицией и актуализировать различные уровни смысла.

Ключевые слова: интертекстуальность, интерпретация, художественный текст, аллюзия, миф, постмодернизм

N.A. Oshchepkova

Intertextuality as an aspect of interpretation of a literary text

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga

The article examines intertextuality as a key mechanism for interpreting a literary text using the example of J. Fowles' novel *The Magus*. The main types of intertextual inclusions (mythological, literary, philosophical allusions) and their role in the formation of the semantic complexity of the work are analyzed. Special attention is paid to the interpretative function of the intertext, which allows the reader to correlate the text of the novel with the cultural tradition and actualize various levels of meaning.

Key words: intertextuality, interpretation, artistic text, allusion, myth, postmodernism

Современное литературоведение рассматривает художественный текст как открытую систему, включённую в широкий культурный контекст. Одним из важнейших механизмов этой открытости является интертекстуальность — категория, отражающая взаимодействие текста с другими текстами культуры.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого осмысления интерпретационного потенциала интертекста, особенно в произведениях постмодернистской литературы, к числу которых относится роман Дж. Фаулза «Волхв».

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить особенности функционирования интертекстуальных элементов в романе «Волхв» и показать их роль в процессе интерпретации художественного текста.

Понятие интертекстуальности было введено в научный оборот Ю. Кристевой в 1966 году как «перекресток текстов». Кристева рассматривала любой текст как «мозаику цитат» [3]. Сегодня это понятие трансформировалось из литературной теории в универсальный культурный феномен. Современные исследования подчеркивают, что любой текст представляет собой «сеть цитат», в которой прошлое не умирает, а активно воспроизводится в новом контекст. Там, где стираются границы между эпохами и культурами, интертекстуальность становится не просто приемом, а структурой восприятия.

Согласно М. М. Бахтину, текст всегда диалогичен, поскольку в нём присутствуют «чужие слова» и культурные голоса [2]. Р. Барт, в свою очередь, подчеркивал, что текст представляет собой «ткань цитат», происходящих из множества культурных источников [1].

Таким образом, интертекстуальность можно определить как совокупность связей между текстами, реализующихся через цитаты, аллюзии, реминисценции и другие формы включения чужого слова.

Интертекст выполняет не только структурную, но и интерпретационную функцию. Он задаёт определённые «ключи» к прочтению произведения, направляя читателя к культурным кодам и смыслам.

Как отмечает Н. А. Фатеева, интертекстуальность выступает «механизмом порождения смысла», активизируя читательское восприятие [4]. «Интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного авторского «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов». Читатель, распознавая интертекстуальные элементы, соотносит их с уже известными текстами, тем самым расширяя смысловое поле произведения.

Следовательно, интерпретация художественного текста во многом зависит от способности читателя выявлять и осмыслять интертекстуальные связи.

Роман Дж. Фаулза «Волхв» представляет собой яркий пример интертекстуально насыщенного произведения. Его структура основана на множестве культурных отсылок, которые формируют сложную систему смыслов.

В своей работе над анализом перевода интертекстуальных включений мы будем опираться на классификацию трансформаций, предложенную В. Н. Комиссаровым. Ключевыми методами передачи таких включений являются адаптация, экспликация, опущение и переводческий комментарий. Адаптация позволяет сохранить главную функцию интертекстуального элемента в переведенном тексте. Комментарий переводчика, в свою очередь, предотвращает потерю смысла, предоставляя необходимые пояснения, которые по каким-либо причинам не могут быть включены непосредственно в текст перевода. При работе с аллюзиями, особенно на имена собственные, названия изданий, музыкальных произведений и книг, переводчик зачастую использует такие приемы, как прямое включение, транслитерацию, транскрипцию или калькирование.

Также в работе рассматриваются цитаты, которые разделяются на атрибутированные и неатрибутированные. Атрибутированные цитаты – цитаты, в которых четко указан источник информации. Это значит, что читатель знает, кто именно произнес или написал эти слова. Атрибутированные цитаты используются в большинстве академических работ, журналистике, научно-популярной литературе и других случаях, где важна точность и проверка фактов. В неатрибутированных же цитатах источник не указан. Они могут использоваться в художественной литературе, в некоторых случаях в публицистике (например, при использовании известных пословиц и поговорок).

Одним из ключевых интертекстуальных пластов романа являются мифологические аллюзии.

Особое значение имеет обращение к древнегреческой мифологии. Остров Фракос, где разворачивается действие романа, символически соотносится с пространством мифа — местом испытаний и инициации героя.

Фаулз начал писать роман под впечатлением от жизни в Греции. В 1951–1952 годах он преподавал английский на острове Спецес, и этот опыт сильно повлиял на роман. Остров в книге называется Фракос. Он такой же уединённый и дикий, как Спецес. Его пейзажи и атмосфера одиночества стали не просто фоном, а важной частью сюжета. Главный герой, Николас Эрфе, так же, как и сам Фаулз, чувствует себя оторванным от привычного мира и пытается разобраться в себе.

Персонаж Кончис выступает в роли демиурга, организующего «игру» с главным героем, что перекликается с архетипом божественного режиссёра. Эти мифологические аллюзии задают интерпретацию романа как философской притчи о познании и иллюзии.

Греческая мифология усиливает символическую глубину романа. Образы Аполлона и Диониса, Орфея и Эвридики появляются в тексте как архетипы, отражающие внутренние конфликты персонажей.

Например, сцена, где Кончис играет на клавесине, а Лилия предстает в образе богини, отсылает к мифу об Орфее: «She stood there as if she were a statue, a goddess». Это подчеркивает театральность и магическую атмосферу повествования.

- None of the books I had read explained this sinister-fascinating, this *Circe-like quality of Greece*; the quality that makes it unique. - В книгах об этом недобром, Цирцеином свойстве, отличающем Грецию от других стран, не пишут.

Цирцея, древнегреческая волшебница из «Одиссеи» Гомера, известная своим умением очаровывать и превращать людей в животных. Сочетание красоты и недоброй, почти сверхъестественной силы, которую невозможно объяснить книжными знаниями, а можно только прочувствовать, погрузившись в её ландшафт и свет. Аллюзия осуществляет поэтическую функцию.

- To begin with, there was something pleasantly absurd about teaching in a boarding school (run on supposedly Eton-Harrow lines) only a look north from where *Clytemnestra killed Agamemnon*. - Прежде всего в самом этом занятии – преподавать в пансионе с программой, составленной по образцу Итона и Харроу, чуть севернее места, где Клитемнестра убила Агамемнона, – было нечто неистребимо абсурдное.

Данный пример аллюзия на известный миф из трагедий драматурга Эсхила об убийстве Агамемнона его женой Клитемнестрой. Подчеркивается резонанс в жизни главного героя. Имена мифологических персонажей, известные нам из «Одиссеи» и «Илиады», переведены на русский язык с помощью транслитерации. Аллюзия осуществляет метатекстовую функцию.

- So I ended like *Sciron*, a mid-air man. - Подобно Скирону, я обитал между небом и землей.

Sciron – живший на скале мифологический разбойник, который сбрасывал путников в море. Как и большинство мифологических героев, имя данного персонажа имеет устойчивый характер в переводе. В этом случае используется транслитерация. Борис Кузьминский после текста дает комментарий: Персонаж цикла мифов о Тесее, разбойник, живущий на краю высокой прибрежной скалы.

В тексте романа обнаруживаются многочисленные отсылки к произведениям мировой литературы. Среди них — аллюзии на творчество Шекспира, Достоевского, Камю.

- The world around me took wing, and I was stuck to the ground; a *Catullus* without talent forced to inhabit a land that was Lesbia without mercy. - Весь мир поднялся на крыло, а я был придавлен к земле; бесталанный Катулл, пленник безжалостной Лесбии — Греции.

Catullus — римский поэт Гай Валерий Катулл. В романе Николас постоянно думает, что чувствует к Алисон, как и римский поэт по отношению к Лесбии. Имя Катулл знакомо почти каждому человеку, у него есть устоявшийся перевод, выраженный через транскрипцию.

- I was «good» at English, I had poems printed pseudonymously in the school magazine, I thought D. H. Lawrence the greatest human being of the century; my parents had certainly never read Lawrence and had probably never heard of him except in connection with Lady Chatterley's Lover. - Я делал успехи в английском, публиковал в школьном журнале стихи под псевдонимом, считал Д. Г. Лоуренса самой выдающейся личностью нашей эпохи; родители же Лоуренса, конечно, не открывали, а если и слышали о нем, то лишь в связи с «Любовником леди Чаттерлей».

Lady Chatterley's Lover — известный скандальный роман английского писателя Дэвида Герберта Лоуренса, который был запрещён в Великобритании до 1960 года. В этом случае переводчик сталкивается с названием произведения, которое уже имеет устойчивый перевод на русский язык. Этот роман был признан классикой, используется дословный перевод с элементами замены формы слова.

- It was a Mercutio death I was looking for, not a real one. - Я хотел не просто погибнуть, но погибнуть, как Меркуцио.

A Mercutio death — смерть персонажа Меркуцио из романа Шекспира «Ромео и Джульетта».

Здесь аллюзия связана со сценичной, но одновременно эффектной смертью Меркуцио. В романе Николас, постоянно требующий зрелищности и внимания, хочет придать значение даже своему печальному концу. При переводе автор использует дословный перевод, так как реципиенту и так понятно, о чем идёт речь. Также Борис Кузьминский в конце произведения дает комментарий о Меркуцио: Персонаж трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта».

- I was a snob, a prig, a twopenny-halfpenny Don Juan — and so on. - Пижон, свинья, гнусный юбочник и все в таком роде.

Don Juan – персонаж многих произведений мировой литературы и искусства. Данный герой уже давно вошел в историю как герой-любовник, став именем нарицательным, поэтому его имя принято переводить, используя единичное соответствие – Дон Жуан. Но в данном случае переводчик опускает его имя, оставляя лишь его атрибутивы и характеристики.

Произведение Фаулза связано с шекспировской «Бурей». Морис Кончис явно перекликается с Просперо – магом и демиургом, который управляет островом и судьбами его обитателей. Как и Просперо, Кончис использует искусство и иллюзии, чтобы влиять на окружающих, а его вилла Бурбани становится аналогом шекспировского острова – местом, где законы реальности подчинены воле «хозяина». Николас, подобно Фердинанду, проходит испытания, организованные Кончисом, чтобы достичь нового понимания себя.

Однако Фаулз переосмысливает шекспировский сюжет в духе модернизма. Если в «Буре» Просперо в финале отказывается от магии и восстанавливает порядок, произнося знаменитые слова «I'll drown my book» [Shakespeare: 47], то Кончис оставляет Николаса в состоянии неопределенности, подчеркивая экзистенциальную открытость. Эта неопределенность становится центральной темой романа, отличая его от классической гармонии Шекспира.

Аллюзии на «Бурю» подкреплены конкретными примерами. Кончис называет свои постановки «*masques*» – термином, отсылающим к театральным представлениям эпохи Шекспира. В одной из сцен он цитирует строки, близкие к знаменитому монологу Просперо: «We are such stuff as dreams are made on» [Shakespeare: 42], говоря: «All this is a dream, Nicholas. And dreams are nothing».

Другие персонажи также находят параллели с «Бурей». Лилия и Роуз напоминают Миранду и Ариэля: Лилия – земная и невинная, Роуз – мнимая и загадочная. Однако Фаулз усложняет эти образы: обе девушки оказываются частью обмана Кончиса, что разрушает шекспировскую гармонию и подчеркивает модернистский подход автора.

Фаулз активно использует философские идеи, включая экзистенциализм и постмодернистскую концепцию относительности истины.

Интертекстуальные отсылки к философии Сартра и Камю проявляются в проблематике свободы, выбора и ответственности. Однако автор не предлагает однозначных ответов, а, напротив, усложняет интерпретацию, создавая пространство для множества смыслов.

- We formed a small club called Les Hommes Révoltés, drank very dry sherry, and (as a protest against those shabby dufflecoated last years of the forties) wore dark gray suits and black ties for our meetings; we argued about essence and existence and called a certain kind of inconsequential behavior existentialist. - Мы организовали небольшой клуб под названием Les Hommes Revoltes, пили очень сухой херес и (в пик шерстяным лохмотьям конца сороковых) нацепляли темно-серые костюмы и черные галстуки. Собираясь, толковали про бытие и ничто, а свой изощренно-бессмысленный образ жизни называли экзистенциалистским.

«Les Hommes Révoltés» – клуб является прямой отсылкой к книге Альбера Камю «Бунтующий человек». В своем эссе Камю исследует тему бунта против социальных норм и традиционных ценностей. При переводе Борис Кузьминский дает прямое включение, а также после текста приводит переводческий комментарий: «Бунтующие люди» (фр.). Аллюзия на эссе Альбера Камю «Человек бунтующий». Этот пример осуществляет метатекстовую функцию.

- In some places there were nagging clouds of black flies, so that I climbed through the trees like new Orestes, cursing and slapping. - Кое-где меж деревьями висели тучи назойливых черных мух, и я спасался от них, подобно Оресту, чертыхаясь и хлопая себя по лбу.

Orestes – миф об Оресте в пьесе Жан-Поля Сартра «Мухи», где мухи символизируют вину. В романе Николас, окруженный мухами в лесу, ощущает себя преследуемым, что связано с его внутренними конфликтами и чувством вины за прошлое. На русский язык имя Орест передано посредством транскрипции. Борис Кузьминский дает комментарий: В классическом произведении французской экзистенциалистской литературы, пьесе Ж. П. Сартра «Мухи» (на сюжет античного мифа об Оресте) засилье этих насекомых символизирует «недолжный» образ жизни. Аллюзия выполняет экспрессивную функцию.

Таким образом, философский интертекст усиливает неопределённость текста и делает его открытым для различных прочтений.

Заключение

Интертекстуальность является важнейшим аспектом интерпретации художественного текста. На материале романа Дж. Фаулза «Волхв» было показано, что интертекстуальные элементы (мифологические, литературные, философские) формируют сложную систему смыслов и определяют особенности читательского восприятия.

Роман Фаулза демонстрирует, что интерпретация текста невозможна без учёта его интертекстуальной природы. Именно через взаимодействие с культурной традицией раскрывается глубинный смысл произведения.

Интерпретационный потенциал интертекста

Интертекстуальность в романе «Волхв» выполняет функцию смыслообразования, интертекстуальность:

- формирует многослойную структуру текста;
- активизирует читательское восприятие;
- задаёт различные интерпретационные стратегии;
- размывает границы между реальностью и вымыслом.

Читатель становится соучастником процесса создания смысла, поскольку интерпретация зависит от его культурного опыта и способности распознавать интертекстуальные связи.

Таким образом, интертекстуальность превращает роман в открытое произведение, допускающее множество интерпретаций.

Список литературы:

1. Барт, Р., От произведения к тексту // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С.413-42.
2. Бахтин, М. М., Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
3. Кристева, Ю., Бахтин, слово, диалог и роман / Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. / Ю. Кристева. – М: Прогресс, 2000. – С. 427–475.
4. Фатеева, Н. А., Интертекстуальность и её функции в художественном тексте / Н. А. Фатеева. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.
5. Фаулз, Дж., Волхв / Дж. Фаулз. Пер. Б. Кузьминский. – М.: Иностранка, 2003. – С. 286

Е.И. Похаленкова

**Применение аутентичных материалов на занятиях по практике речи
в целях повышения мотивации у студентов языковых
профилей подготовки**

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Статья посвящена актуальной проблеме мотивации студентов языковых профилей подготовки и её повышения в процессе изучения иностранного языка посредством аутентичных текстов на занятиях по практическому курсу. Автор рассматривает понятие аутентичных материалов и их роль в обучении английскому языку студентов; описывает возможности их практического применения на занятиях по практическому курсу и основные этапы работы с аутентичными материалами; выявляет преимущества применения аутентичных материалов. Также автор характеризует мотивацию как основной элемент процесса обучения иностранным языкам; подчеркивает факт влияния аутентичных материалов на мотивацию студентов; приводит примеры заданий с применением аутентичных материалов с целью повышения мотивации студентов, описывает практический опыт применения и его результаты.

Ключевые слова: мотивация, иностранные языки, аутентичные материалы, языковой профиль, практика речи.

E.I. Pokhalenkova

**The use of authentic materials in speech practice classes in order to increase
motivation among students of language training profiles**

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga

The article is devoted to the urgent problem of motivating students of language training profiles and improving it in the process of learning a foreign language through authentic texts in practical course classes. The author examines the concept of authentic materials and their role in teaching English to students; describes the possibilities of their practical application in practical course classes and the main stages of working with authentic materials; identifies the advantages of using authentic materials. The author also characterizes motivation as the main element of the learning process of foreign languages; highlights the influence of authentic materials on students' motivation; provides examples of tasks using

authentic materials to increase students' motivation, describes practical application experience and its results.

Keywords: motivation, foreign languages, authentic materials, language department, speech practice.

На занятиях по практике речи от студентов языковых профилей подготовки (будущих учителей иностранного языка, переводчиков) требуется не только владение фонетикой, грамматикой и лексикой иностранного языка, но и способность уверенно применять язык в реальном общении. Применение аутентичных материалов способствует развитию коммуникативных навыков и позволяет сделать процесс обучения более интересным, эффективным и приближенным к реальной жизни.

Большинство исследований по проблеме применения аутентичных материалов на занятиях по практике речи на языковом факультете для увеличения уровня мотивации у студентов носят исключительно теоретический характер, без апробации в реальных условиях. Актуальность данного вопроса обусловлена возрастающей потребностью в повышении мотивации к изучению английского языка и к применению его в речевой практике посредством аутентичных материалов.

Аутентичные материалы, созданные носителями языка, приближают учебный процесс к реальной коммуникации, развивая ключевые навыки учащихся. Они не только знакомят с культурой страны изучаемого языка, но и мотивируют учащихся к дальнейшему, более длительному изучению, в частности самостоятельному. Также аутентичные тексты (аудио, видео, печатные) не только способствуют совершенствованию языковых навыков и речевых умений (аудирование, чтение, говорение, письмо), но и развивают ключевые компетенции – иноязычную коммуникативную, социокультурную, межкультурную – через погружение в естественную языковую среду [5, 7, 8].

Работа с аутентичными материалами на занятиях по практике речи на иностранном языке основывается на трех этапах: преддемонстрационном, демонстрационном и последедемонстрационном [1].

На преддемонстрационном этапе формируется опора для последующего понимания материала. Его задача — минимизация языковых и культурных барьеров, а также создание установочной мотивации. На данном этапе используются разнообразные методические приёмы: от тематических дискуссий и мозговых штурмов до работы с ключевыми словами и визуальными элементами, предполагающими демонстрацию содержания основного материала. Примеры включения

преддемонстрационного этапа в учебную практику варьируются в зависимости от формата используемого материала. Так, при работе с видеоматериалом эффективным приёмом является постановка вводных вопросов, обсуждение предшествующего опыта студентов, а также формулирование гипотез о содержании видеоматериала.

Демонстрационный этап ориентирован на реализацию трех типов заданий: рецептивных, интерактивных и продуктивных, каждое из которых направлено на развитие конкретных компонентов языковой компетенции учащихся [2]. Основная цель данного этапа — погружение обучающихся в естественную языковую среду, воссоздаваемую посредством аутентичных материалов, что способствует развитию навыков смыслового восприятия, анализа и использования иноязычной информации. Рецептивные задания направлены на тренировку навыков извлечения информации из текста или аудиовизуального контента. Интерактивные задания выполняют функцию речевой актуализации. Они инициируют устную коммуникацию между участниками и формируют навыки аргументированного выражения мнения. Задания репродуктивного характера требуют от студентов активного использования языка для высказываний. Например, преподаватель может предложить пересказать содержание текста или видео, включив в рассказ не менее трех новых слов или выражений. Такие задания обеспечивают использование новых языковых структур, развивают умение структурировать информацию и выражать мысли логично и последовательно. При подготовке таких заданий необходимо соблюдать уровень владения языком. Например, для продвинутых групп можно предложить задания с элементами анализа или сравнения.

На последедемонстрационном этапе реализуется интеграция языкового материала в продуктивную деятельность, направленную на его осмысленное применение в новых контекстах. Цели данного этапа выходят за рамки языковой тренировки и охватывают развитие навыков критического мышления, самостоятельного анализа и коллективного взаимодействия. Согласно общепринятой педагогической практике, акцент здесь делается на творческих и исследовательских формах работы. Примером является создание туристического буклета, в котором обучающиеся, обобщая пройденный материал, составляют тексты, оформляют визуальные элементы и структурируют информацию. Такое задание требует использования не только языковых знаний, но и умений планирования, редактирования и презентативной деятельности.

Систематическое применение аутентичных материалов на занятиях по практике речи не только значительно повышает эффективность обучения, развивает коммуникативные навыки, но и создает устойчивую мотивацию, связывая учебный процесс с реальными жизненными ситуациями.

Мотивация, как известно, является основным элементом процесса обучения иностранным языкам деятельности. Мы определяем мотивацию как совокупность различных факторов, включая чувство ответственности, познавательный интерес, целеполагание и внутренние установки, которые в комплексе формируют направленность студента на учебный процесс. Влияние аутентичных материалов на мотивацию учащихся велико, так как аутентичные материалы не только развивают языковые навыки и речевые умения, но и обогащают культурные знания студентов, стимулируя их эмоциональную вовлеченность [4, 6].

Тестирование среди студентов 1 курса Института лингвистики и мировых языков Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, направленное на проверку уровня мотивации студентов к изучению иностранного языка, показывает, что уровень мотивации у многих студентов довольно низкий несмотря на то, что эти студенты сделали осознанный выбор изучать иностранный язык на профессиональном уровне [3].

В связи с этим нами были разработаны и апробированы комплексы заданий с применением аутентичных материалов с целью повышения мотивации студентов. Далее подробнее остановимся на этапах занятия.

Первый этап – ознакомительный (преддемонстрационный и демонстрационный), включает в себя следующие шаги: просмотр аутентичного видео и определение его темы; обсуждение вопросов после полного просмотра видео; повторный просмотр и выполнение заданий (заполнить пропуски, осуществить перевод исходя из контекста и др); проверка правильности выполнения заданий совместно с преподавателем.

Следующий этап – последемонстрационный, во время которого студентам предлагается обсудить тему сходства и различий проведения свободного времени в англоговорящих странах и России в формате дискуссии. После обсуждения, студенты совместно с преподавателем делают общие выводы, которые фиксируются в письменном виде и в дальнейшем служат материалом для составления тематического высказывания.

После проведения опытного обучения, которое предполагала систематическое использование аутентичных материалов на занятиях по практике речи в течение второго семестра обучения, мы провели

повторное тестирование, результаты которого показывают, что количество студентов с повышенным уровнем мотивации увеличилось.

Подобное опытное обучение показывает, что аутентичные материалы существенно повышают мотивацию студентов первого курса обучения к изучению иностранного языка и формированию иноязычной коммуникативной компетенции и являются мощным инструментом в формировании социокультурной знаний и умений.

Подводя итог нашему исследованию, считаем целесообразным отметить, что внедрение аутентичных материалов и их систематическое и все более частое применение на занятиях по практике речи с самого начала обучения в университете, позволяет будущим учителям и переводчикам погружаться в живую коммуникативную среду, осваивать естественные речевые обороты, стилистические особенности и культурные нюансы, что значительно повышает их мотивацию, а, следовательно, и эффективность обучения.

Список литературы:

1. Воронина, Г. И. Организация работы с аутентичными текстами молодежной прессы в старших классах школ с углубленным изучением немецкого языка / Г. И. Воронина // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 2. – С. 56–60.
2. Громова, О. В. Культурологические аспекты использования аутентичных материалов на уроках английского языка / О. В. Громова // Педагогика и методика. — 2017. — № 5. — С. 35–42.
3. Дубовицкая, Т. Д. Психологические основы обучения: учеб.-метод. материал для студентов 3–5 курсов высш. пед. учеб. заведений / Т. Д. Дубовицкая. — Sterlitaмак: Sterlitaмак. пед. ин-т, 2016. — 160 с.
4. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2002. – 512 с.
5. Кричевская, К. С. Аутентичные материалы как средство формирования коммуникативной компетенции / К.С. Кричевская// Вопросы современной методики преподавания. — Москва, 2018. — С. 45–52.
6. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
7. Носонович, Е. В. Методика применения аутентичных материалов в образовательном процессе / Е. В. Носонович, Р. П. Мильруд // Вестник лингвистики. — 2015. — № 3. — С. 15–25.

8. Томашук, Н. В. Роль аутентичных материалов в обучении иностранному языку/ Н. В. Томашук // Евразийский научный журнал. – 2016.– № 10. – С. 13 – 18.

А.В. Разумкова

Базовые и производные значения полисемантической лексемы с учётом работы глубоких функциональных уровней когнитивной системы человека

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В данной статье предпринята попытка исследовать особенности структурной организации компонентов многозначной лексемы с учетом работы глубоких функциональных уровней когнитивной системы студентов 1-3 курсов Института лингвистики и мировых языков. Автором статьи были сделаны выводы в отношении центрального и периферического компонентов в полисемической структуре исследуемой лексемы. Теоретическая значимость работы заключается в обосновании использования методики воспроизведения значений многозначных слов, что делает возможным дальнейшую разработку вопроса полисемии с учетом вербальных механизмов речевосприятия и речепроизводства.

Ключевые слова: полисемия, внутренний лексикон человека, ментальные категории, метод воспроизведения значения, перевод.

A.V. Razumkova

Basic and derived meanings of a polysemous lexeme in the context of deep functional levels of the human cognitive system

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

This article attempts to explore the structural organization of the components of the polysemous lexeme in light of the operation of deep functional levels of the cognitive system among 1st–3rd year students of the Institute of linguistics and world languages. The author makes conclusions regarding the central and peripheral components within the polysemous structure of the lexeme under investigation. The theoretical significance of the work lies in substantiating the methodology for reproducing the meanings of polysemous words, which opens up possibilities for further research into polysemy, taking into account the verbal mechanisms of speech perception and production.

Key words: polysemy, human internal lexicon, mental categories, meaning reproduction method, translation.

Введение

Одной из актуальных проблем, рассматриваемых в современной психолингвистике, является структура и организация внутреннего лексикона человека, а так же роль индивидуального лексикона в процессе речевой деятельности. Значительное количество работ посвящено изучению того, что стоит за словом, каким образом слова организуются и хранятся в человеческой памяти, как они функционируют в речевом акте (А.А. Залевская [5; 6; 7; 8], Ю. Н. Караулов [10; 11; 12], Е.С. Кубрякова [13], Попова З.Д., И.А. Стернин [14], Е. Ф. Тарасов [16; 17], Н.В. Уфимцева [18; 19], Т.В. Черниговская [22] и др.).

Одним из существенных результатов в исследовании внутреннего лексикона человека является обнаружение универсальных операций, которые связаны с обработкой вербального материала. Одной из таких операций является операция обобщения. По мнению Т.Н. Ушаковой, операция обобщения лежит в основе явления полисемии. «При таком видении полисемические образования могут рассматриваться как обобщенные структуры вербальной системы, стоящие в одном ряду с другими формами обобщенных структур внутреннего лексикона» [20, с. 18].

Тема многозначности слов освещается в работах многих лингвистов [4], В.В. Зализняк [9], А.Д. Кошелев [12], А.А. Реформацкий [15]). Ученые подчеркивают универсальность лексической многозначности, которая является продуктом когнитивного развития человека. «Ни один язык не был в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Язык вынужден разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий...» [3, с.18].

Подобные исследования занимаются описанием формальных языковых показателей, без привлечения глубоких процессов, которые происходят при функционировании языка и речи. Как справедливо отмечает В.Г. Арутюнян, «когда ученые исследуют лексему, данную в словаре, по сути, они имеют дело с искусственным конструктом, вырванным из общего пространства мышления, памяти и интеллекта носителя языка. Соответственно, слово, представленное в словаре, не является действительным отражением его функционирования; такое слово — фактически муляж, искусственный продукт» [1, с. 40].

Анализ многообразных подходов к рассмотрению феномена полисемии в рамках когнитивной лингвистики и психолингвистики, позволяет сделать следующие выводы: 1) все языковые единицы

многозначны; 2) инвариантного значения для многозначной языковой единицы не существует; 3) значение языкового выражения может быть представлено в виде образа-схемы, трансформация, которой способствует связи центрального элемента с другими элементами радиальной структуры; 4) производные значения мотивированы центральным значением, но не выводимы из него. Нецентральные значения так же мотивированы метафорическими переносами и трансформациями образ-схемы [2].

Под полисемой Т.Н. Ушакова понимает «слово, относящееся к различным объектам и формирующее полисемическое поле. Каждый элемент поля имеет собственные семантические отличия и оттенки, но обнаруживается своего рода общая идея, ядерное семантическое содержание, в той или иной мере присущее каждому элементу внутри полисемантического поля» [20, с. 17]. Изучение структуры полисемичного слова позволяет изучить модель функционирования семантических процессов, которая зафиксирована в словаре в статической форме, с учетом общих принципов оперирования семантикой в когнитивной сфере человека. Возможно, подобный подход поможет ответить на один из сложных вопросов в теории полисемии, а именно, какое значение является базовым в полисемическом поле. Задача нашего исследования состоит в обнаружении особенностей структурированности компонентов в полисемическом поле лексемы “draft” с учетом работы глубоких функциональных уровней когнитивной системы человека.

Опираясь на работы о ментальных категориях когнитивной сферы человека (Дж. Лакофф, Э. Рош), Т.Н. Ушакова приходит к выводу о действии прототипического принципа в организации полисемического поля: в зависимости от степени близости к прототипу, категории могут быть схожими с прототипом, а значит, становятся типичными или центральными; категории, которые отличаются от прототипа, относятся к периферии. Отмечается так же нечеткость границ категорий [21, с. 186].

Материал исследования

Задача нашего исследования состоит в обнаружении особенностей структурированности компонентов в полисемическом поле лексемы “draft” с учетом работы глубоких функциональных уровней когнитивной системы человека. При изучении ментальных категорий одним из результативных методов считается метод последовательного воспроизведения членов категорий в том порядке, в котором они приходят на ум. Экспериментальный подход данного исследования основывается на последовательном переводе изучаемой полисемы, в том порядке, в котором перевод возникает в сознании

испытуемых, что способствует раскрытию некоторых особенностей в организации ментальных категорий. Полученные данные сопоставляются с данными печатного словаря Macmillan [1, с. 445], и электронного словаря Collins Online Dictionary [2] для выявления ядерных и периферийных зон полисемантического поля слова “draft”. Выбор английского слова обусловлен несколькими причинами. Во-первых, английский язык богат многозначными словами. Во-вторых, перевод многозначного слова на родной язык относится к концептуальному пласту полисемии. В-третьих, работа со студенческой аудиторией разных курсов позволяет сравнить содержание прототипической модели полисемии в сознании людей с разным уровнем владения языком. Всего в исследовании участие приняли 60 студентов 1-3 курсов Института лингвистики и мировых языков КГУ им. К. Э. Циолковского: 20 студентов 1 курса, 20 студент 2 курса и 20 студентов 3 курса. Частота ответов ранжировалась по курсам. Полученные переводы многозначного слова сопоставлялись со значениями из словарей. Проанализируем полученные результаты.

Значения слова draft развивались параллельно разными путями, хотя они взаимосвязаны общим понятием – идея первоначального формирования, которая предшествует окончательному принятию решения. Тип полисемии – радиальная. Draft, как существительное, имеет следующие значения: 1) smth such as a plan, letter, or drawing that may have changes made to it before it is finished; 2) a bank draft – money order, bill of exchanges (банковский чек – to be paid in cash or by draft) (mainly British); 3) the draft (mainly American) – conscription into the armed forces. 4) (formal) – an amount of liquid that you swallow at one time [1, с. 445; 2]. В качестве глагола ‘draft’ имеет следующие значения: 1) to write smth such as a legal document, speech, or letter that may have changes made to it before it is finished; 2) (often passive, mainly American) to conscript smb into the armed forces; 3) to draft in (phrasal verb, usually passive) – to bring smb into a group or team of people in order to help them do smth + to draft smb into smth.

Проанализируем переводы студентов. Из 20 студентов 1 курса 10 студентов не написали перевод для предложенного слова, что говорит об отсутствии представления о значении полисемии в сознании испытуемых. Самый популярный ответ среди студентов 1 курса был «черновик» (3), на втором месте «призыв» (1). Остальные варианты перевода были неверными или неточными. Двое студентов перепутали полисему draft с омофоном drought (засуха), один студент перевел лексему как «ничья» ошибочно полагая, что draw схоже с draft. Неточный перевод – дрифт –

так же, вероятно, обусловлен фонетическим сходством слов. Таким образом, с учетом большого количества отказов, а так же значительного количества ошибок в переводе, связанных с фонетическим сходством исходного слова с другими словами, можно сделать вывод, что прототипическая модель полисемы draft не сформирована в ментальном лексиконе студентов первого курса. Из 20 ответов, только 4 ответа (20%) можно считать верными, из которых номинативное значение «черновик», является доминирующим. Глагольная категория прототипической модели представлена в сознании испытуемых 1 курса в виде единичного перевода «выпячивать», что является неверным по значению, поскольку данный вариант перевода не зафиксирован в словаре.

Проанализируем ответы студентов 2 курса. Из 20 анкет зафиксировано 5 отказов (25%), что значительно меньше по сравнению с числом пустых анкет студентов 1 курса. Студенты 2 курса предлагают разнообразные переводы полисемы draft как существительного: «черновик» (10), «проект» (3), «набросок» (4), «эскиз» (1), «заметка» (1). Глагольный компонент полисемы выражен в меньшей степени и представлен такими вариантами перевода, как «забирать в армию» (1), «выбирать» (1), «объединять» (1), «собирать» (1), «сделать набросок» (1). Отметим, что неточные варианты перевода, а так же ошибки в переводе в ответах респондентов 2 курса отсутствуют. Количественный и качественный анализ ответов респондентов 2 курса позволяют сделать вывод о сформированной прототипической модели полисемы draft, центральной категорией которой является значение существительного «черновик» (50%), глагольное значение находится на периферии полисемного поля.

Перейдем к анализу ответов респондентов 3 курса. Среди 20 анкет зафиксировано 5 отказов (25%). Глагольный компонент полисемы выражен единичным вариантом перевода – «призывать к военной службе». Номинативный компонент представлен в значительной мере в ответах испытуемых: «черновик» (7), «проект» (4), «работа» (1), «эскиз» (2), «набросок» (3), «зарисовка» (1), «чертеж» (1), при этом очевидно, что студенты 3 курса приводят большее количество вариантов перевода по сравнению со студентами 2 курса. Однако, не смотря на сформированную прототипическую модель полисемы в сознаниях респондентов 3 курса, мы можем наблюдать значительное количество неточностей в переводе. Например, так же как и студенты 1 курса, респонденты 3 курса переводят Draft как «ничья» и «драфт», опираясь на фонетическое сходство слов. Такие неверные переводы, как «рукоделье» и «выбор», «в хоккее» возможно,

обусловлены индивидуальным опытом респондентов и пережитыми ими ассоциациями. В этой связи представляется интересной точка зрения А. Д. Кошелева о том, что периферические компоненты полисемических структур складываются динамично в процессе речевого общения под влиянием текущих впечатлений [12, с. 732]. Стоит отметить, что двое респондентов перевели draft как «сквозняк», что является верным, поскольку draft является американским вариантом написания слова draught – сквозняк. Обратим внимание, что значение исследуемой лексемы – «банковский чек», а так же значение «глотов» (с пометой форм.) не отмечены в ответах респондентов трех курсов.

Выводы

1) Использование методики воспроизведения испытуемыми значений многозначных слов позволяет описать строение прототипической модели полисемантического поля лексемы, которое зафиксировано в ментальном лексиконе искусственных билингвов. Центральной категорией полисемного поля лексемы “draft” является номинативный компонент выраженный словом «черновик» и синонимами «эскиз», «набросок», «чертеж». Глагольный компонент выражен незначительно в виде единичных переводов «забирать в армию» (2 курс), «призывать к военной службе» (3 курс), «сделать набросок» (2 курс). Такие значения, как «банковский чек», «глотов» не зафиксированы в ответах студентов трех курсов, что говорит о низкой частотности их использования в учебной литературе.

2) Согласно сопоставительному анализу в ответах респондентов 2 и 3 курсов номинативное и глагольное значения лексемы представлены в одинаковой степени, что говорит об их относительной стабильности и легкой воспроизводимости. Для студентов 1 курса отсутствие знаний о лексеме является фактором ограничения размера полисемического поля. Таким образом, уровень владения языком оказывает влияние на полноту, точность и содержательность ответов респондентов.

3) Наличие омонимов и омофонов приводит к ошибочному расширению содержания полисемического поля исследуемой лексемы в ментальном лексиконе искусственных билингвов.

Перспективой исследования является изучение особенностей структурирования других полисемичных лексем с целью определения наполнения центральных и периферийных зон прототипической модели с учетом работы глубоких функциональных уровней когнитивной системы человека.

Список литературы:

1. Арутюнян, В.Г. Живое слово в структуре ментального лексикона: теоретические проблемы и методы их решения / В.Г. Арутюнян // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – № 3. – С. 39-45.
2. Боярская, Е.Л. Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности [Электронный ресурс] / Е.Л. Боярская. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-kognitivnoy-teorii-mnogoznachnosti/viewer>.
3. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. / В.В. Виноградов. Изд. 2. – М.: «Высшая школа», 1972. – 616 с.
4. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов. Избр. труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162-189.
5. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику: Учебник / А.А. Залевская. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 561 с.
6. Залевская, А.А. Вопросы теории двуязычия / А.А. Залевская. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 147 с.
7. Залевская, А.А. «Живое слово» и интерфейсная теория значения / А.А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». – 2013. – № 24. Вып. 5. – С. 54-61.
8. Залевская, А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования / А.А. Залевская. – Тверь: ТГУ, 1992. – 135 с.
9. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
10. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности [Электронный ресурс] / Ю.Н. Караулов. – URL: <https://gigabaza.ru/doc/124506-pall.html>.
11. Караулов, Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю.Н. Караулов. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
12. Кошелев, А.Д. Почему полисемия является языковой универсалией? / А.Д. Кошелев // Слово и язык. Сборник статей к 80-летию академика Ю.Д. Апресяна. – М.: ЯСК, 2011. – С. 696-735.
13. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.
14. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: «Восток-Запад, АСТ», 2007. – 314 с.

15. Реформацкий, А.А. Введение в языкознание: Учебник для вызов / А.А. Реформацкий; под ред. В.А. Виноградова. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 536 с.
16. Тарасов, Е.Ф. Введение / Е.Ф. Тарасов // Язык и сознание: Парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 6-15.
17. Тарасов, Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. ст. / Отв. ред. Уфимцева Н.В. – М., 1996. – С. 7-22.
18. Уфимцева, Н.В. Ассоциативный тезаурус русского языка как модель языкового сознания русских / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание: Теорет. и прикладные аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. Уфимцевой Н.В. – М.: Барнаул, 2004. – С. 188-202.
19. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание и образ мира славян / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Уфимцева Н.В. – М., 2000. – С. 207-219.
20. Ушакова, Т.Н., Сметанина, Т.В. Репрезентация полисемических структур в вербальной системе человека / Т.Н. Ушакова, Т.В. Сметанина // Вопросы психолингвистики. – № 14. – 2011. – С. 16-27.
21. Ушакова, Т.Н., Григорьев, А.А., Гаврилова, Е.В., Голышева, Е.А. Функциональная организация полисемических структур / Т.Н. Ушакова, А.А. Григорьев, Е.В. Гаврилов, Е.А. Голышева // Вопросы психолингвистики. – №16 – 2012. – С. 184-190.
22. Черниговская, Т.В. Человеческое в человеке: сознание и нейронная сеть / Т.В. Черниговская // Проблема сознания в философии и науке. – М.: Канон+, 2009. – С. 325-360.
23. Macmillan English Dictionary for advanced learners. 2d ed. – 2009. – 1749 p.
24. Collins Online Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/draft>.

М.И. Реутов

**Принципы обучения, реализуемые в практике преподавания
иностраннных языков, как категория лингводидактики**

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Статья посвящена проблеме смешения терминов при определении принципов обучения иностранным языкам. Автор видит ее основную причину в не завершившемся до конца переходе лингводидактики из области лингвистики в сферу методической науки. В статье описываются и сравниваются понятия общедидактических, методических и лингводидактических принципов, а также содержатся аргументы в пользу пересмотра существующих классификаций принципов обучения иностранным языкам и создания новой классификации лингводидактических принципов на основе их признания категорией лингводидактики.

Ключевые слова: лингводидактика, лингводидактический принцип, общедидактический принцип, методический принцип, методика обучения иностранным языкам.

M.I. Reutov

**Principles of teaching implemented in the practice of teaching foreign
languages as a category of linguodidactics**

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga

The article is devoted to the problem of terminology confusion when defining foreign language teaching principles. The author sees this as primarily due to the incomplete transition of linguodidactics from the field of linguistics to the field of methodological science. The article describes and compares the concepts of general didactic, methodological, and linguodidactic principles, and presents arguments in favor of revising existing classifications of foreign language teaching principles and creating a new classification of linguodidactic principles based on their recognition as a category of linguodidactics.

Keywords: linguodidactics, linguodidactic principle, general didactic principle, methodological principle, methods of teaching foreign languages.

Традиционно принципы обучения считаются базисной категорией методики обучения иностранным языкам. Тем не менее, возникновение на рубеже XX и XXI столетий методической науки, включающей в себя

как методику, так и лингводидактику, привело к появлению понятия «лингводидактический принцип» и смешению его с такими понятиями, как «общедидактический принцип» и «методический принцип». Поскольку лингводидактика рассматривается большинством ученых как общая теория обучения языку, в ее сферу постепенно стала переходить функция генерирования принципов обучения в рамках языкового образования. В результате в научной литературе можно встретить использование термина «лингводидактический принцип» в отношении не только новых принципов обучения языку, возникших непосредственно в период развития лингводидактики как научной дисциплины, но и при описании использования традиционных общедидактических и методических принципов.

Вообще анализ публикаций по данной теме показывает, что на данном этапе развития лингводидактики существует три основных подхода к описанию принципов обучения языку. Есть авторы, которые по-прежнему выделяют лишь общедидактические и методические принципы, игнорируя появление нового термина «лингводидактический принцип». Они также выделяют особые принципы для каждого подхода к обучению иностранным языкам (например, коммуникативно-деятельностного, межкультурного и т.п.) [1, с. 83]. Другие исследователи рассматривают методические и лингводидактические принципы как синонимичные понятия на том основании, что любые принципы обучения языку изначально имели и имеют лингводидактическую природу, поскольку лингводидактика создает общую теоретическую основу для методических предписаний, реализующихся в виде принципов [3, с. 1043]. Согласно третьему подходу, принципы обучения языку, имеющие различное происхождение, объединяют в определенные группы на основе специфических особенностей каждого новаторского направления в лингводидактике. В результате общеизвестные принципы получают новое осмысление и объединяются в группы наряду с новаторскими лингводидактическими принципами. основополагающие принципы (например, комплексного формирования профессиональной иноязычной компетентности, двойной детерминации содержания подготовки и т.п.) изначально позиционируются как чисто лингводидактические, поскольку они отражают закономерности процесса профессионально-ориентированного языкового обучения. Такие принципы, как учет возрастных особенностей учащихся, проблемность обучения, сочетание демократического и авторитарного подходов к организации учебного процесса и т.п. относят к вспомогательным лингводидактическим принципам

несмотря на то, что ранее их относили к общедидактическим, психологическим или общеметодическим [2, с. 287].

Следствием подобной полифонии мнений стало возникновение проблемы целесообразности введения в научный обиход термина «лингводидактический принцип». Смешение старых и новых понятий, очевидно, является неизбежным результатом того, что общедидактические и методические принципы были сформированы задолго до появления лингводидактики, которая значительно моложе методики обучения иностранным языкам. Именно методика, рассматривавшаяся как частная дидактика, определила в свое время специфику реализации общедидактических принципов в языковом образовании, а теоретическое обобщение результатов методических исследований дало возможность сформулировать общеизвестные принципы общей и частных методик.

В конце XX столетия вопрос о статусе методики обучения иностранным языкам как науки не был окончательно решен. В это время методические и чисто лингводидактические подходы к решению задач организации процесса изучения языка были слиты воедино. Формулировка и реализация принципов обучения языку все еще рассматривались как исключительная прерогатива методики. Таким образом, лингводидактическое обоснование принципов обучения уже существовало в зачаточном состоянии в рамках методических исследований до рассмотрения лингводидактики как составной части методической науки.

Нам представляется целесообразным решение рассматриваемой проблемы на основе делегирования лингводидактике задач определения лингвометодической специфики ранее существовавших и новаторских принципов обучения, научного обоснования старых и новых общеметодических принципов, а также создания новейших лингводидактических принципов, отражающих специфику современных отраслей лингводидактики. В свете подобного подхода создание методических предписаний, содержащихся в принципах обучения языку, невозможно рассматривать в отрыве от анализа закономерностей его овладения. Проще говоря, процессы обоснования и создания принципов обучения языку неотделимы друг от друга, что дает основание для полного отождествления понятий «методический принцип» и «лингводидактический принцип».

Доминировавшее в конце XX века представление о лингводидактике как отрасли лингвистической науки, занимающейся описанием языка в учебных целях, ограничивает область лингводидактических исследований

рамками сравнительно-сопоставительного, системно-структурного и коммуникативно-прагматического направлений, что не дает возможности определения принципов обучения иностранным языкам в свете современных антропоцентрической и социоцентрической лингводидактических парадигм [4, с. 47]. Кроме того, само понимание понятия «принцип обучения» как исходного дидактического положения, отражающего протекание объективных законов и закономерностей обучения и определяющих его направленность на развитие личности [5, с. 169], указывает на то, что лингводидактическое генерирование принципов обучения предполагает непосредственную ориентацию не столько на сам иностранный язык, сколько на обучение ему.

Таким образом, признание лингводидактики составной частью методической науки, а не прикладной лингвистической дисциплиной на современном этапе ее развития требует создания новых классификаций принципов обучения иностранным языкам. На основе вышеизложенного мы предлагаем выделять три основные группы принципов обучения иностранным языкам:

- *общедидактические принципы* (традиционные и новые дидактические принципы педагогики, трансформированные с учетом специфики обучения иностранным языкам);

- *лингводидактические принципы общей методики* (возникшие на разных стадиях развития методической науки и появляющиеся в настоящее время в результате развития общей теории лингводидактики общие и частные принципы дидактики иностранного языка);

- *основополагающие принципы отраслей лингводидактики* (возникающие в рамках отдельных новаторских лингводидактических концепций и отражающие специфику поставленной общей цели и исследуемых условий обучения иностранным языкам).

Общедидактические принципы нельзя назвать собственно лингводидактическими, т.к. они возникли в недрах педагогики, а лингводидактика лишь «адаптирует» их применительно к специфике обучения иностранным языкам. В свою очередь компромиссное соединение лингводидактики и общей методики в процессе формирования принципов обучения языку дает возможность говорить о лингводидактических принципах общей методики, в состав которых входят традиционно выделяемые методические, лингвистические и психологические принципы, на том основании, что как общие, так и частные принципы общей методики имеют лингвистическую и психологическую составляющие. Вторая группа

принципов обучения языку также включает в себя принципы, возникающие на стыке лингводидактики с лингвокультурологией, психолингвистикой, социолингвистикой, теорией межкультурной коммуникации и т.д., а также современные межотраслевые лингводидактические принципы. Третья группа принципов по своей сути также является лингводидактической, т.к. они сформировались в рамках лингводидактики непосредственно в процессе ее развития как научной дисциплины.

Если говорить о сущности так называемых вспомогательных принципов, то следует заметить, что они представляют собой интерпретацию принципов первых двух групп с учетом задач инновационных направлений педагогических исследований в области обучения иностранным языкам.

В результате проведенного теоретического исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Формирование лингводидактических принципов обучения языку началось до возникновения лингводидактики как научной дисциплины.

2. Смещение терминов «методический принцип» и «лингводидактический принцип», а также отождествление общедидактических принципов с лингводидактическими обусловлены нестабильностью и противоречивостью процесса становления лингводидактики и ее переходом из лингвистики в методическую науку.

3. Отсутствие самостоятельного статуса лингводидактики по отношению к методике обучения иностранным языкам, а методической науки по отношению к педагогике приводит к интеграции общедидактических принципов, общеметодических принципов, а также основополагающих принципов новых отраслей лингводидактики в единую систему взаимосвязанных элементов.

4. Введение понятия «лингводидактический принцип» в научный обиход требует создания новых критериев построения классификации принципов обучения языку, не допускающей смешения терминов.

Список литературы:

1. Гальскова, Н.Д. Основы методики обучения иностранным языкам: учебное пособие / Н.Д. Гальскова, А.П. Василевич, Н.Ф.Коряковцева, Н.В. Акимова. – М.: КНОРУС, 2017. – 390 с.
2. Голованева, М.А. Дуализм принципа аппроксимации в лингводидактике / М.А. Голованева // Вестник КемГУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 4 (4). – С. 287-296.

3. Каракальчева, А.С. Лингводидактические принципы в контексте общеевропейских требований владения иностранным языком / А.С. Каракальчева // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 12 (68). – С. 1043–1046.
4. Крупченко, А.К. Основы профессиональной лингводидактики: монография / А.К. Крупченко, А.Н. Кузнецов. – М.: АПКППРО, 2015. – 232 с.
5. Слостёнин, В.А. Педагогика: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений / В.А. Слостёнин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 576 с.

И.М. Сазанец

**Роль заимствований из латинского и французского языков в развитии
английского гибридизма**

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Статья посвящена изучению исторических предпосылок развития явления гибридизма в английском языке, в частности влиянию латинского и французского языков на обогащение английского языка широкоупотребительной лексикой, ассимиляция которой приводила к появлению гибридных производных и гибридных сложных слов, и заимствование словообразовательных аффиксов, которые принимали участие в образовании гибридов от основ разной этимологии.

Ключевые слова: гибридизм, заимствования, лексическая ассимиляция, гибридные производные, гибридные сложные слова.

I.M. Sazanets

**The role of borrowings from Latin and French in the development of English
hybridism**

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga

The article is devoted to the study of the historical background of the development of the phenomenon of hybridism in the English language, in particular the influence of Latin and French on the enrichment of the English language with widely used vocabulary, the assimilation of which led to the emergence of hybrid derivatives and hybrid compound words, and the borrowing of word-formation affixes that took part in the formation of hybrids from the roots of different etymology.

Key words: hybridism, borrowings, lexical assimilation, hybrid derivatives, hybrid compounds.

Словарный состав современного английского языка характеризуется большой неоднородностью. Помимо слоя исконно английской лексики в нем содержится большое количество слов, заимствованных из различных языков мира, а также гибридных образований – слов, состоящих из словообразовательных элементов разной этимологии. Такое разнообразие этимологических слоев лексики обусловлено непростой историей английского языка и самого английского народа.

Начиная с середины 5 века, времени англо-саксонского завоевания Британских островов, которое исследователи определяют, как начало истории английского языка, он постоянно подвергался иноязычному влиянию. Это в первую очередь отражалось на его лексической системе - в словарный состав английского языка постоянно вливались заимствования из других языков: в древнеанглийский период из латинского и в меньшей степени из кельтского языков, в среднеанглийский период из скандинавского, французского и латинского языков, в новоанглийский период состав английского языка пополнился корнями латинского, французского, итальянского, испанского, немецкого, русского происхождения, а также заимствованиями из многих других языков мира. По подсчетам историков уже в 17 веке английский язык насчитывал не менее пятидесяти источников заимствований [2, с. 311].

Наибольшее влияние на английский вокабуляр оказали языки романской группы, и особенно латинский и французский языки. По имеющимся данным в английском языке содержится более 60% слов романского происхождения. Кроме того, эти языки обогатили английский язык новыми словообразовательными элементами – префиксами и суффиксами.

Языки романской группы вносили в свой вклад в формирование словарного состава английского языка на протяжении всей его истории. Когда германцы вторглись на территорию Британии в середине 5 века, в их словаре имелось уже около 50 латинских слов. Некоторые элементы римской культуры и языка германцы переняли от романизированных кельтов. Римляне представляли собой более культурно развитую нацию, поэтому германские племена заимствовали из латинского языка многие слова, обозначавшие новые предметы и понятия, которые германские племена узнавали от римлян – слова, связанные с торговлей, сельским хозяйством, строительством, войной и бытом: *cattle*, *cup*, *pepper*, *cherry*, *cheese*, *street*, *mill*, *port*, *wall*, *chalk*.

Христианизация германских племен в 6 веке, распространение монастырских школ привнесли в английский язык новую волну заимствований из латинского языка, обозначавших понятия, связанные с религией, образованием, наукой и литературой: *priest*, *clerk*, *school*, *master*, *chronicle*, *verse*, *grammar*, *paper*, *term*. В среднеанглийский период английский язык продолжал заимствовать термины, относящиеся к юриспруденции, медицине, теологии, науке и литературе: *allegory*, *genius*, *history*, *intellect*, *legal*, *nervous*, *private*, *solar*, *substitute*, *testify* и другие. Большое количество

латинских заимствований пополнило английский язык в эпоху Возрождения. В основном они относятся к абстрактным понятиям, научным терминам: *conception, expectation, idea, memory, supposition, apparatus, energy, formula, virus*.

Завоевание Англии норманнами в 1066 году стало причиной огромного числа слов французского происхождения в английском языке. По подсчетам А. Бо, общее количество французских слов, заимствованных во время господства норманнов в Англии, превышает 10000 [4, с. 215]. Однако французские заимствования продолжали проникать в английский язык и после того, как он приобрел статус государственного языка Англии. Большое количество французских слов, было заимствованно ко второй половине 17 - начале 18 века, когда французский язык являлся интернациональным языком дипломатии, документов, корреспонденции для всех европейских стран. С 11 по 19 век в английский язык вошли многочисленные французские заимствования из области военного дела, торговли и ремесла, из области науки и искусства, кулинарии, медицины, названия одежды, зданий, мебели, тканей, животных и растений, экономические термины, дипломатические и общественно-политические слова, слова, связанные со светской жизнью и развлечениями: *government, justice, prison, army, religion, art, music, pain, pleasure, journey, painter, lesson, chair, plate, fashion, dress, sugar, beef*.

Многие романские заимствования древне- и среднеанглийского периода обозначали предметы и понятия, без которых трудно обойтись в повседневной жизни. Они относились к лексике широко употребительной в обиходе и благодаря этому быстро ассимилировались английским языком. Важным показателем лексической ассимиляции романских заимствований являлась их способность к словообразованию с помощью продуктивных способов словообразования английского языка: словосложения и аффиксации.

Уже в древнеанглийский период английский язык использовал заимствованные латинские корни для образования новых производных с помощью исконных аффиксов. Это было одним из способов пополнения словарного состава древнеанглийского языка. Ранние латинские заимствования быстро ассимилировались в английском языке и вовлекались в процессы словообразования. В результате от латинских основ были созданы гибриды – существительные и прилагательные с английскими суффиксами *-had, -dom, -ung, -ere, -isc*: *preosthad* (priesthood), *cristendom*

(Christendom), *biscopung* (confirmation), *grammaticere* (grammarian), *mechanics* (mechanical).

О. Есперсен и Т. Пайлз приводят примеры гибридных композитов, созданных с помощью словосложения: *biscopsetl* (Episcopal see), *scriftscir* (Lat. scribere + OE scir), *sealmscop* (Lat. psalma + OE scop) [5, с. 39-40; 7, с. 318]. Многие из гибридов, появившихся в древнеанглийский период, не сохранились до настоящего времени, однако, использование заимствованных латинских основ для словообразования по английским моделям положило начало развитию гибридизма в английском языке.

В средне- и новоанглийский периоды гибридное словообразование продолжает успешно развиваться и становится отличительной чертой английской лексики. В английском языке образуются тысячи гибридов сложных слов и гибридов производных, образованных от заимствованных основ с помощью английских аффиксов. Основным источником для гибридных образований по моделям «иноязычная основа + английский аффикс» (Stem (For.) + Aff. (Eng.)) и «иноязычная основа + английская основа» (Stem (For.) + Stem (Eng.)) служат французские и латинские заимствования.

Уже в среднеанглийский период многие французские слова стали сочетаться с английскими аффиксами *be-*, *over-*, *mis-*, *under-*, *-dom*, *-ful*, *-hood*, *-ish*, *-less*, *-ness*, *-ship*, *-some*, образуя первые францужско-английские гибриды: *because*, *overturn*, *misplace*, *dukedom*, *forceful*, *falsehood*, *feverish*, *poorness*, *debonairship*. Как замечает А. Бо, английские суффиксы, видимо, добавлялись к французским словам также свободно, как и к английским. Например, прилагательное *gentle*, заимствованное в 1225 году, уже в 1230 образовало гибриды *gentlewoman*, и позднее *gentleman* (1275), *gentleness* (1300), *gently* (1330). Слово *faith*, заимствованное в конце 13 века, уже в начале 14 века дало производные с английскими суффиксами: *faithless*, *faithful* (1300), *faithfully* (1362), *faithfulness* (1388). Наречия с суффиксом *-ly* образовывались от французских основ, как только в английском языке появлялись соответствующие прилагательные: *commonly*, *eagerly*, *justly*, *feebly*, *fiercely* [4, с. 178].

По мнению М. Сарджентсон, в английском языке наречия на *-ly*, прилагательные на *-full*, *-less*, абстрактные существительные на *-ness*, *-ship* встречаются с французскими основами почти также часто, как и с исконно английскими [8, с. 7].

Заимствованные французские слова образовали много сложных слов - гибридов в сочетании с исконными элементами: *window-pane*, *table-cloth*,

faint-hearted, simple-minded, Saturday, birth-place, candle-stick, cocktail, fire-place и многие другие [6, с. 161].

Многие латинские заимствования среднеанглийского периода, эпохи Возрождения и современные латинские заимствования также участвуют в словообразовании и, соединяясь с английскими аффиксами, образуют гибриды, например, *intimately, elaborately, dictatorship, partnership, adulthood*.

Помимо того, что латинский и французский языки существенно обогатили словарный состав английского языка, они оказали большое влияние на его словообразовательную систему. Условия заимствования в английском языке были иными, чем в других европейских языках. Как отмечает В. Н. Ярцева, заимствования проникали в него «не как отдельные, изолированные единицы, но входили большими, целостными системами семантическими или структурными» [3, с. 55]. Благодаря тому, что из латинского и французского языков английский язык заимствовал большое количество однокоренных слов и слов, оформленных одними и теми же аффиксами, стало возможным вычленение в их составе словообразовательных элементов – префиксов и суффиксов, которые стали использоваться в английском словообразовании наряду с исконно английскими аффиксами, присоединяясь к основам различной этимологии. Использование в деривации романских аффиксов стало источником появления гибридов другого типа, образованных по модели «английская основа + иноязычный аффикс» (Stem (Eng.) + Aff. (For.)).

Первые производные, созданные по этой модели, появляются уже в 14 веке, но большинство заимствованных аффиксов становятся продуктивными только в новоанглийский период.

По данным Э. Ф. Володарской, 61% суффиксов в словообразовательном инвентаре современного английского языка являются романскими по происхождению: 35% французскими и 26,3% - латинскими, исконно английские суффиксы составляют 30%. Большинство префиксов английского языка (61%) также романского происхождения: 45% префиксов - латинского происхождения, 16% - французского и лишь 11,7% - англо-саксонского [1, с. 17-18].

Многие романские аффиксы, например, суффиксы *-able, -ize*, префиксы *co-, de-, non-, pre-, super-* являются более продуктивными в современном английском языке, чем исконно английские. Большинство из них, однако, тяготеет к заимствованным основам, но некоторые остаются весьма продуктивным и постоянным источником гибридов. В числе романских аффиксов, свободно присоединяющихся к английским основам,

можно назвать французский префикс *re-*, суффиксы *-able*, *-an* (*-ian*). Эти аффиксы участвуют в образовании многочисленных гибридов, входящих в основной словарный фонд, например, *re-birth*, *re-play*, *re-live*, *re-found*; *readable*, *lovable*, *drinkable*, *breakable*; *Nelsonian*, *Miltonian*, *Arizonian*. Довольно большое количество гибридов образует французский префикс *en-* (*em-*): *embody*, *embed*, *endark*, *endear*, *enliven*, *enhearten* и т. д.; суффиксы *-age*, *-al*, *-ance*, *-ery* (*-ry*), *-ment*, *-let*: *upheaval*, *beheadal*, *bridal*, *withdrawal*, *utterance*, *hindrance*, *bearance*, *knavery*, *bakery*, *fishery*, *poundage*, *acreage*, *leakage*, *endearment*, *oddment*, *merriment*, *cloudlet*, *streamlet*, *booklet*, *leaflet* и другие.

Латинские аффиксы не столь продуктивны в образовании гибридов от английских основ – большинство латинских префиксов стилистически маркировано, используется главным образом в научном стиле и сочетается в основном с заимствованными романскими основами. Однако их распространение в английском языке привело к тому, что они стали присоединяться также к общеупотребительным словам исконно английского происхождения, образуя гибриды, например, *ex-king*, *anteroom*, *biweekly*, *circumwalk*, *extra-red*, *preboil*, *semi-dry*. Такие гибриды немногочисленны, так же как и гибриды, образованные от английских основ с помощью латинских суффиксов: *starvation*, *botheration*, *fishify*, *speechify*.

Помимо исконно английских основ французские и латинские аффиксы и основы присоединяются и к словам, заимствованным в английский язык из других языков. Так, в английском языке появляются, например, арабско-латинские гибриды (*alkalize*), французско-испанские (*air guitar*), французско-скандинавские гибриды (*embank*, *leglet*), греко-латинские (*allegoric*), испано-латинские (*alligator pear*).

Несмотря на то, что основная часть романских заимствований влилась в английский словарный состав уже много веков назад, английский язык и по сей день продолжает использовать романские элементы для образования гибридов. Среди неологизмов можно встретить как гибриды, полученные от романских основ, так и гибриды с романскими аффиксами: *developer*, *actioner*, *refusenik*, *cost-effectiveness*, *up-frontness*, *cook-chill*, *skip park*, *countertrade*, *exput*, *ex-British*, *sleeperette* и другие.

Таким образом, языки романской группы, а в особенности латинский и французский языки, обусловили появление явления гибридизма в английском языке, внесли свой вклад в образование гибридов – сложных слов и гибридов дериватов. И можно сказать, что латинский и французский языки оказали решающее влияние на развитие английского гибридизма.

Список литературы:

1. Володарская, Э.Ф. Заимствование как универсальное лингвистическое явление / Э. Ф. Володарская // Вопросы филологии. – 2001. – №1. – С.11-27.
2. Расторгуева Т.А. История английского языка / Т.А. Расторгуева. – 2-е изд., стер. – М.: Астрель: Аст, 2003. – 348 с.
3. Ярцева, В.Н. Развитие национального литературного английского языка / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1969. – 285 с.
4. Baugh, Albert C. A History of the English Language / Baugh, Albert C., Cable Thomas. – 3 ed., reprint. – London: New York: Routledge, 1990. – 438 p.
5. Jespersen, O. Growth and Structure of the English Language / O. Jespersen. – Chicago: The University of Chicago Press, 1982. – 244 p.
6. McKnight, George H. Ph. D. English words and their background / McKnight, George H., Ph. D. – New York: London, 1923. – 456 p.
7. Pyles, Thomas. The Origins and Development of the English Language / Thomas Pyles. – New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1971. – 413 p.
8. Serjeantson M. M. A History of Foreign Words in English / M. M. Serjeantson. – London, 1985. – 262 p.

Е.А. Филатова

Использование мобильных и онлайн платформ для организации эффективной самостоятельной работы учащихся средней школы (в русле цифровизации образования)

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье рассматриваются вопросы использования интерактивных методик и онлайн-платформ для обучения различным аспектам речевой деятельности при обучении иностранному языку в условиях цифровизации иноязычного образования. На материале конкретных компьютерных программ приводится анализ эффективности данных методик, а также их сравнительный анализ с традиционными методами обучения. Делается вывод о пропорциональной зависимости уровня увеличения мотивации и процентом правильно выполненных учащимися при работе с данными программами.

Ключевые слова: цифровизация иноязычного образования, мотивационные педагогические технологии, интерактивные методы обучения, цифровые технологии, речевая деятельность.

E.A. Filatova

Using mobile technologies and online platforms for organization of individual work of students (in conditions of digitalization of education)

Kaluga State University named after K.F. Tsiolkovski, Kaluga

The article provides an analysis of using interactive methods of teaching foreign languages for the formation of communicative skills on various linguistic levels in conditions of digitalization of education. On the material of concrete computer programs the analysis of the efficiency of such methods is provided in comparison with traditional methods of teaching. The conclusion about the interdependence of the level of motivation and the percentage of the correctly carried out tasks and the linguistic level of the task is being made.

Key words: digitalization of education, motivational pedagogical technologies, interactive methods of teaching, speech communication.

Современная реальность характеризуется постоянным развитием и эволюцией в различных сферах, в том числе и в образовательной деятельности. Суть изменений в образовательном процессе состоит в том,

что современные методики все в большей степени учитывают сильные стороны поколения Z, современных студентов и школьников, а именно их стремление к получению новых знаний, практичность, способность работать с большим объемом информации, креативность. Вместе с тем, слабой стороной современных учащихся, как отмечают психологи, является неспособность удерживать в долговременной памяти весь полученный объем информации, снижение концентрации и навыков «живого», а не виртуального коммуникативного взаимодействия. Кроме того, привычка к постоянной онлайн визуализации и использованию мобильных устройств для поиска информации делают общедидактический принцип наглядности ведущим в современном образовательном процессе. Современные компьютерные образовательные платформы в свою очередь как раз учитывают принцип наглядности, индивидуализацию и цифровизацию учебного процесса, их неоспоримыми плюсами являются следующие [1, с.78]:

1. Индивидуализация обучения и адаптация к потребностям учащихся. Одним из главных преимуществ цифровизации образования является возможность индивидуализировать обучение. С помощью онлайн-платформ и адаптивных образовательных программ можно создавать персонализированные учебные планы, учитывая уровень знаний, интересы и образовательные потребности обучающихся.

2. Интерактивные методы обучения и использование образовательных игр. Цифровые технологии представляют уникальные возможности для создания интерактивных учебных материалов и образовательных игр.

3. Анализ данных для улучшения образовательного опыта.

Цифровизация образования предоставляет обширные данные о процессе обучения. Анализ этих данных позволяет выявлять тренды, понимать прогресс обучающихся и оптимизировать рабочие программы.

4. Возможность практики всех видов речевой деятельности: аудирования, чтения, говорения и письма, а также создание условий, приближенных к естественной среде общения.

Цифровизация образования понимается в современной методике и педагогике как адаптация новых технологий в образовательный процесс с целью увеличения уровня *мотивации* и уровня полученных знаний умений и навыков, переосмысление педагогических стратегий, методов обучения и взаимодействия между преподавателями и обучающимися. Цифровизация образования может быть реализована на различных этапах обучения [2]:

- способы предоставления образовательных материалов;

- разработка и предоставление конкретных заданий;
- контроль и оценка знаний.

Как любое новое явление, цифровизация в иноязычном образовании имеет ряд своих преимуществ и недостатков.

К очевидным достоинствам можно отнести индивидуализацию образования и адаптацию к потребностям учащихся, расширение границ учебного пространства, интерактивные методы обучения и использование образовательных игр. Однако очевидными вызовами цифровизации являются, в первую очередь, изменение роли и функции преподавателя (от роли источника знаний к роли организатора), качество образовательного контента, не всегда соответствующее целям образовательного процесса и требующего фильтрации, а также проблемы кибербезопасности и конфиденциальности данных.

Характеристики современных онлайн платформ таковы, что они соответствуют потребностям современного учащегося как на уровне сознания, так и на уровне восприятия и мышления. Современный учащийся, принадлежащий к поколению Z или Альфа, обладает рядом психо-когнитивных особенностей.

- Когнитивный компонент:

высокая скорость мыслительных процессов, многозадачность, умение переключаться с одной задачи на другую, навыки одновременного выполнения нескольких задач, слабая рефлексия и отсутствие критического мышления. Быстро усваивают информацию, не долго удерживают ее в памяти.

- Коммуникативный компонент:

интроверсия, некоммуникабельность в реальном «живом» общении, активность в виртуальном общении в соцсетях.

- Личностный компонент:

тревожность, слабая стрессоустойчивость, мотивация к успеху и быстрому достижению целей, высокая адаптивность в ситуации неопределенности, низкая ответственность в решении личных вопросов, высокий уровень притязаний.

Остановимся на формах индивидуального контроля с использованием онлайн платформ и игровых технологий и их эффективности в сравнении с традиционными формами контроля. Как известно, традиционные формы контроля могут подразумевать индивидуальный опрос, групповая и фронтальная проверка и использование тестов различных видов. Индивидуальный опрос как форма контроля достаточно затратен по времени,

хотя наиболее эффективен с точки зрения точности полноты контроля, поскольку предусматривает личностный подход к каждому студенту/ученику с учетом его индивидуально-личностных характеристик, фоновых знаний, психофизических особенностей и так далее. Групповая и фронтальная формы проверки менее эффективны в этом отношении, но и менее затратны по времени и требуют меньшей подготовки со стороны преподавателя.

К несомненным преимуществам тестовых форм относятся следующие [3]:

- соответствие психофизиологической форме проверяемого умения;
- объективность результатов;
- экономичность во времени;
- одновременный охват проверкой всех учащихся;
- создание одинаковых условий контроля для всех учащихся.

Вместе с тем, основной их недостаток состоит в том, что при реализации оценочной функции контроля существует нехватка стимулирующей и обучающей функций, которой обладают интерактивные формы контроля на онлайн платформах таких, например, как Duolingo, My Quiz, Coggle.

Приведем ряд примеров подобных интерактивных заданий, представленных в игровой форме.

-«ALIEN INVASION».

Работа предполагает четкую деятельность. Один ученик говорит другому изучаемое предложение по тематике. Например, для темы «Adventures» ученик может сказать другому: Нам нужно взять с собой походную плиту и перочинный нож, и не забыть про веревку. Другой ученик представляет, что он пришелец, только начинающий изучать язык, и много слов ему еще неизвестно и он не понимает таких слов. Он должен спросить: «What is a rope? Why do we need a penknife? Shall we take a real oven with us?». -«ETERNAL MINGO».

Интерактивное упражнение, которое вовлекает в диалогическое взаимодействие весь класс. Шаг 1: Учитель раздает учащимся бумажки со словом, выражением, началом вопроса, понятием, темой или грамматической конструкцией. Шаг 2: Учащиеся пишут на нем вопрос/предложение с этими элементами. Шаг 3. Учащиеся образуют пары – один ученик задает свой вопрос другому тот отвечает, потом второй ученик задает первому свои вопросы, и тот отвечает.

Как видно из приведенных примеров, подобные интерактивные методы отработки и контроля лексико-грамматических навыков

предполагают спонтанную монологическую и диалогическую речь, то есть достаточно высокий уровень владения иностранным языком. Вместе с тем, подобные задания не являются формой контроля в чистом виде, а предусматривают отработку и закрепление уже имеющихся навыков.

В условиях аудиторного билингвизма и в сочетании с традиционными методами контроля (лексико-грамматическими тестами) интерактивные компьютерные методики могут быть применены с учетом следующих принципов:

- мотивирование учащихся к выполнению задачи, то есть построение его таким образом, чтобы у учащихся появился интерес к его исполнению;
- четкая формулировка, лаконичность и понятность задачи;
- учет изменения ритма работы и ритма выполнения упражнений;
- постановка задач, связанных с поиском, оценкой и анализом конкретной ситуации;
- реализация элемента новизны благодаря материалам, которые не прорабатывались учениками ранее и содержащими информацию о событиях реальной жизни, которые являются актуальными;
- познавательная направленность, то есть развитие кругозора учащихся;
- построение задач, четко отвечающих тематике учебной программы и проверяющих знания лексики и грамматики.

Анализ современных интерактивных методик и компьютерных программ показал, что они значительно повышают мотивацию учащихся и увеличивают процесс усвоения материала. Но поскольку интерактивность предполагает различные формы взаимодействия (учитель-ученик, учитель-ученики, ученик-ученик, группа учеников-группа учеников), интерактивные формы контроля не существуют в изолированном виде, а могут быть использованы для отработки уже полученных лексико-грамматических навыков.

Список литературы:

1. Герасимова, Е.К. Цифровизация образования: от теории к практики. Учебное пособие / Е.К. Герасимова. – М.: Знание, 2022. – 155 с.
2. Гуслова, М.Н. Инновационные педагогические технологии / М.Н. Гуслова. – М.: Академия, 2023. – 317 с.
3. Коротаева, Е.В. Педагогическое взаимодействие и технологии / Е.В. Коротаева. – М.: Академия, 2007. – 255 с.

«Человек. Культура. Общество»

УДК 008:001.14

Т.Г. Грушевицкая

Роботы: от фантастики к реальности и от реальности к фантастике

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье прослеживается эволюция темы роботов в научной фантастике, анализируются философские и этические проблемы, связанные с отношениями творца (человека) и его творения (робота). Показано, как параллельно в реальном мире развитие науки и техники шло от конвейера к современным промышленным и человекоподобным роботам.

Ключевые слова: научная фантастика, сциентизм, антисциентизм, роботы, научно-технический прогресс, три закона робототехники, десять заповедей.

T.G. Grushevitskaya

Robots: from fiction to reality and from reality to fiction

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article traces the evolution of the topic of robots in science fiction, analyzes philosophical and ethical issues related to the relationship between the creator (man) and his creation (robot). It shows how, in parallel, in the real world, the development of science and technology went from the assembly line to modern industrial and humanoid robots.

Keywords: science fiction, scientism, anti-scientism, robots, scientific and technological progress, The Three Laws of robotics, the Ten Commandments

Роботов придумал Карел Чапек. Точнее, он придумал имя для механических слуг человека. И впервые прозвучало оно в 1920 году, в сатирической пьесе «Р.У.Р. Россумовские Универсальные Роботы» [7], поставленной на сцене годом позже.

Безусловно, у Чапека были предшественники, ведь идея создания послушных искусственных слуг, лишённых человеческих недостатков, возникла гораздо раньше. Так, ещё в 1818 году Мэри Шелли придумала своего Франкенштейна [8]. Творение учёного не было машиной, оно было создано из частей живых организмов и имело человеческий мозг. А затем творение восстало против своего творца. В 1915 году австриец Густав

Майринк [5] талантливо пересказал средневековую легенду о глиняном истукане – Големе, будто бы созданном в XV веке для защиты еврейской общины, но в итоге уничтожившим своего создателя. Были и другие, менее талантливые и известные авторы и произведения, но именно Шелли, Майринк и Чапек задали тренд, господствовавший в НФ литературе до 1940 годов и поднимавший серьёзнейшие философские и мировоззренческие проблемы.

Как далеко зайдёт научно-технический прогресс? Какой будет цена этого прогресса? Насколько далеко в своём стремлении Творить зайдёт человек? Сможет ли он стать равным Богу, создав искусственное разумное существо? Сможет ли это человеческое творение, в свою очередь, стать равным своему творцу, человеку? Не взбунтуется ли творение против своего творца? И сумеет ли человек победить своё творение?

Шелли была ярким представителем романтизма, который во многом возник как реакция на начавшийся промышленный переворот, в ходе которого создавалась современная техническая цивилизация. Но происходило все это в эпоху первоначального накопления капитала, когда капитализм ещё не скрывал своей звериной сущности, не был ограничен никакими появившимися позднее, в результате долгой борьбы трудящихся за свои права, законами о труде. Капитал безжалостно эксплуатировал рабочих и членов их семей, платя за каторжный труд (а работать были вынуждены даже маленькие дети) жалкие гроши, позволявшие лишь не умереть с голода.

Именно протест против этой грубой унылой действительности сформировал эскапистские настроения романтиков, заставляя их искать убежище в идеализированном прошлом (как в исторических романах В. Скотта), в далёких почти сказочных землях (как в приключенческих романах Майн Рида или Фенимора Купера) или же в вымышленных мирах других планет или далёкого будущего (как в родившейся в недрах романтизма научной фантастике).

Но страх перед формирующимся страшным миром проникал и в произведения романтиков. Франкенштейн Шелли стал олицетворением этого страха перед будущим миром победившей науки и техники. Поэтому Шелли можно назвать одной из первых представителей будущего антисциентизма, притом, что господствующим мировоззрением того времени был сциентизм.

Майринк романтиком не был. Уже год шла Великая война (как её назовут на Западе позже), в которой, казалось, воплощались все самые

страшные фантазии писателей-фантастов. Танки, самолёты, пушки, пулемёты, отравляющие газы на суше, бронированные дредноуты и крейсера, подводные лодки, охотящиеся на них и на транспорты на море... Экспрессионисты, к которым относился Майринк, транслировали в своих произведениях боль и страх перед миром, в котором миллионы людей погибали в такой войне. Но пока война шла всего год, и подлинное осознание всех её ужасов было ещё впереди.

Чапек свою пьесу написал уже после окончания этой войны, когда военных действий уже не велось, но последствия – революции во многих странах, рухнувшая экономика, голод – во весь рост ставили вопрос о цене прогресса. Об изломанных войной судьбах людей чуть позже напишут писатели «потерянного поколения» - Ремарк, Олди, Хемингуэй. А Чапек одним из первых попытался задуматься о том, к чему может привести безудержное развитие науки и техники, одним из первых написал о восстании машин. Если Шелли и Майринк рассматривали отношения творца и творения через призму единичного события (и творение Франкенштейна, и Голем были единственными экземплярами), то Чапек осознаёт эту проблему как глобальную. И в его пьесе роботы, механические люди, созданные служить человеку, производство которых было поставлено на поток, вначале были использованы политиками в войне против других людей, а затем сами подняли восстание и уничтожили остатки человечества. Так что роботы-терминаторы из знаменитой серии фильмов Джеймса Кэмерона лишь визуализировали давние страхи человечества на уровне технических возможностей кинопроизводства 1980 годов.

Тема безумного учёного и созданного им робота-злодея стала господствующей в фантастике до середины XX века. Произведения с роботами-помощниками, в основном написанные малоизвестными авторами, были редкими исключениями.

При этом в реальном мире речи о создании роботов (тем более роботов-андроидов) даже не шло. Вершина технических возможностей того времени – конвейер, где в роли его механических придатков были люди, всю свою рабочую смену выполнявшие одну и ту же операцию.

В фантастике ситуация изменилась, когда свои рассказы, объединённые в 1950 году в сборник «Я, робот», начал писать Айзек Азимов [2]. К этому времени в реальности уже появились достаточно сложные технические системы, оборудованные «защитой от дурака», имеющие системы контроля, останавливающие работу машины, если её действия становятся угрожающими. Именно так рождаются его знаменитые законы

робот(о)техники, содержание которых сегодня известно любому любителю фантастики. Причём, сам Азимов прекрасно понимал, что его законы представляют собой сокращённый вариант Десяти библейских заповедей – заботиться о самосохранении (Третий закон), подчиняться приказам и предписаниям, действующим в обществе, если это не противоречит Первому закону (Второй закон), спасать других людей даже ценой собственной жизни (Первый закон). Но проблема в том, что этические требования не являются безусловными, всегда есть возможность их обойти, иначе Заповеди не нарушались бы людьми и государствами с завидным постоянством. Вот и рассказы Азимова строятся на тех коллизиях, которые возникали из слепого следования Трем законам, а робототехникам, прежде всего, Сьюзен Келвин, приходилось их распутывать с присущей людям моральной гибкостью.

К теме роботов Азимов возвращался и позже, в своём знаменитом цикле «Академия», в котором одними из главных героев становятся два робота – Дэниэль Оливо и Жискар. И если в первых книгах они лишь упоминаются или появляются эпизодически, то в завершающих книгах серии [1] они фактически берут на себя роль опекунов человечества, становясь настоящими «богами из машины». Это стало возможным, потому что Жискар смог сам придумать Нулевой закон, в котором благо человечества объявлялось выше интересов отдельных людей. Именно так Азимов объяснил расселение людей по Галактике и забвение ими своей прародины – Земли, которая была покинута из-за начавшегося в результате теракта её радиоактивного разогрева, сделавшего с течением времени невозможной жизнь на планете. И позволил этому случиться именно робот Жискар, разрушившийся из-за невозможности решить коллизию Законов робототехники, после чего робот Даниэль в течение десятков тысяч лет по своему разумению направлял развитие человечества.

После появления Трёх законов тема роботов в фантастике претерпела существенные изменения. Роботы-злодеи уступили место роботам-помощникам, которые могли быть практически кем угодно – хирургами, музыкантами, актёрами, судьями, нянями для детей, учителями, бабушками, даже Папой Римским. То есть они могли быть не только слугами, но и пользоваться всеми правами людей. Более того, в последних рассказах Азимова роботы искренне считают себя настоящими людьми, логически убедив себя в этом. При этом роботы-бунтари, восстающие против власти человека, все реже появляются в произведениях писателей-фантастов.

В реальном мире второй половины XX века наука и техника на месте не стоят, и начинают появляться и работать автоматизированные поточные линии, станки с числовым программным управлением, а также первые промышленные роботизированные манипуляторы (их в 1960 годах стала использовать компания «Дженерал Моторс»). Чуть позже у промышленных роботов стали появляться сенсоры и датчики, способные реагировать на внешние воздействия. Но о роботах-андроидах по-прежнему речи не шло, ведь создать машину, обладающую таким же количеством степеней свободы, как человеческая рука (не говоря уже обо всем теле), невозможно до сих пор.

Очевидно, это несоответствие мечты и реальности стало одной из причин, почему золотой век темы роботов в фантастике завершался. Да и что нового можно было сказать после книг Азимова, доброго рассказа Р. Брэдли «О теле электрическом пою» о замечательной бабушке-роботе [3] или его же рассказа-реквиема «Будет ласковый дождь» [3] по сгоревшей в атомном пламени земной цивилизации, которую ненадолго пережил умный дом. Или замечательный роман К. Саймака «Город» [6], сага о семье Вебстеров, Псах и Роботах, в которой именно робот, веками служащий семье Вебстеров, прощается вначале с людьми из своей семьи, покидающими Землю, а затем Землю оставляют и ставшие разумными Псы, муравьи... Робот уходит с неё последним.

Иной ракурс в теме роботов видел Станислав Лем, резко критиковавший азимовских роботов [4]. Именно он отчётливее всего сформулировал этический и логический парадоксы робототехники. Ведь в чем суть законов робототехники? Первого, о том, что робот не должен допускать своим действием или бездействием причинения вреда человеку. Нулевого, о первенстве блага человечества над интересами отдельных людей. Достаточно наивное желание творить Добро. Но кто определяет, что такое добро. И здесь уместно вспомнить сакраментальное – про благие намерения, которыми вымощена дорога в ад. Ведь никакого универсального добра не существует, и благо для одних обычно оборачивается несчастьями для других. И есть логическая проблема – если роботы разумны, то они должны иметь возможность выбора моделей поведения, выработки для себя определённых правил и изменения их при необходимости. Но если роботы не могут этого сделать, то они являются не более чем машинами, работающими по раз и навсегда заданной программе. И тогда о каком равенстве или тем более превосходстве над людьми может идти речь.

Между тем, в реальном мире произошли серьёзные изменения, связанные с бурным развитием компьютеров, интернета, появлением

больших баз данных и искусственного интеллекта. И это позволило появиться роботам, предназначенным для индивидуального использования одним человеком. Уже есть роботы, имеющие вид домашних питомцев. Появились человекоподобные роботы. Да, они пока сделаны из металла и пластика, у них нет той степени свободы, которой обладает человеческое тело. Но они уже могут ходить и бегать (в Китае проводятся даже соревнования по бегу между роботами), отвечать на вопросы (пусть пока их возможности в этой области невелики). Но искусственный интеллект сегодня развивается огромными темпами. И последние роботы уже обладают способностью к самообучению. Да, пока подобные роботы дороги, их функционал ограничен. Но прогресс остановить невозможно. К чему он приведёт? Кем станут для нас роботы? Покажет уже ближайшее будущее.

Список литературы:

1. Азимов, А. Роботы и Империя /А.Азимов // Миры Айзека Азимова. Т.8. Рига: Полярис. – 416 с.
2. Азимов, А. Я, робот /А. Азимов. - М.: ЭКСМО, 2022. – 320 с.
3. Брэдбери, Р. О скитаниях вечных и о Земле / Р.Брэдбери. - М.: Правда, 1987. – 656 с.
4. Лем, С. Сказки роботов. Кибериада /С.Лем. - М.: АСТ, 2002. - 640 с.
5. Майринк, Г. Голем /Г.Майринк. - М: Прометей, 1989. – 334 с.
6. Саймак, К. Город / К.Саймак // Миры Клиффорда Саймака. Т.13.Рига: Полярис, 1994. – 431 с.
7. Чапек, К. RUR /К.Чапек //Гордубал. М.: Правда, 1986. С.131-222
8. Шелли, М. Франкенштейн, или Современный Прометей /М.Шелли. - М: Худ.лит-ра, 1989. – 256 с.

О.Г. Лукьянова

Эффект сообщества: развитие надпрофессиональных навыков в проектной деятельности

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье рассматривается феномен эффекта сообщества в проектной деятельности обучающихся и его влияние на развитие надпрофессиональных (soft skills) навыков. Анализируются теоретические подходы к пониманию надпрофессиональных навыков и проектного обучения, а также описывается опыт организации проектной работы.

Показано, что наличие устойчивого образовательного сообщества усиливает развитие коммуникативных, организационных, креативных и лидерских компетенций обучающихся за счет горизонтальных связей, практик взаимной поддержки и совместной рефлексии результатов.

Намечены направления дальнейших исследований, связанные с оценкой параметров проектного сообщества и разработкой инструментов диагностики soft skills.

Ключевые слова: надпрофессиональные навыки, soft skills, проектная деятельность, эффект сообщества, образовательное сообщество, высшее образование.

O.G. Lukyanova

Effect of community: development of soft skills in project activities

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article examines the phenomenon of the community effect in students' project activities and its impact on the development of non-professional (soft skills) skills. It analyzes theoretical approaches to understanding non-professional skills and project-based learning, and describes the experience of organizing project work.

It is shown that the presence of a sustainable educational community enhances the development of students' communicative, organizational, creative, and leadership competencies through horizontal connections, mutual support practices, and joint reflection on the results.

The article outlines directions for further research related to assessing the parameters of the project community and developing tools for diagnosing soft skills.

Keywords: over-the-top skills, soft skills, project activities, community effect, educational community, higher education.

Современная система высшего образования ориентирована не только на формирование профессиональных компетенций, но и на развитие надпрофессиональных (soft skills) навыков, обеспечивающих конкурентоспособность выпускников на рынке труда и их успешную социализацию. «В условиях усложнения социальных и экономических процессов особую значимость приобретают навыки коммуникации, командной работы, креативности, критического мышления и самоорганизации, которые ограниченно формируются в традиционных лекционно-семинарских форматах» [7].

Одним из эффективных средств целенаправленного развития надпрофессиональных навыков выступает проектная деятельность, интегрирующая учебные, исследовательские и практико-ориентированные задачи. Ключевым фактором ее успешности становится «возникновение эффекта сообщества — устойчивой сети горизонтальных связей между студентами, преподавателями и внешними партнерами, задающей особую среду совместного обучения, взаимной поддержки и распределенной ответственности» [1, с. 29].

Надпрофессиональные навыки в современной литературе определяются как универсальные компетенции, не привязанные к конкретной профессии и обеспечивающие успешность человека в различных видах деятельности. «К числу наиболее востребованных soft skills относят коммуникативные способности, критическое мышление, креативность, способность к самоорганизации и обучаемость, эмоциональный интеллект, лидерство и командное взаимодействие» [6].

Эксперты подчеркивают необходимость интеграции развития soft skills в образовательные программы вузов, а также создания специальных форматов — модулей, треков, проектных школ, центров компетенций, — позволяющих выстраивать индивидуальные образовательные траектории. При этом «важной задачей становится переход от декларации значимости надпрофессиональных навыков к их целенаправленной оценке и формированию в учебном процессе с опорой на практические виды деятельности» [4].

Проектная деятельность рассматривается как одна из наиболее результативных технологий развития гибких навыков, поскольку предполагает постановку проблемной задачи, коллективное планирование,

распределение ролей, поиск и анализ информации, создание уникального продукта и его публичную презентацию. Исследования показывают, что включение обучающихся в проектную работу способствует развитию коммуникативных, лидерских, аналитических навыков, гибкости и адаптивности, а также ответственности за общий результат. «В модели Project-Based Learning (PBL) акцентируется активная позиция обучающегося, изменения роли преподавателя в сторону наставника и фасилитатора, а также значимость рефлексии результатов и процессов».

Под эффектом сообщества в контексте проектной деятельности понимается совокупность социальных и психологических условий, при которых «участники воспринимают проектную группу и более широкую проектную среду как значимое сообщество практики, обеспечивающее поддержку, обмен опытом, признание и возможность самореализации» [5].

К основным характеристикам эффекта сообщества относятся устойчивость горизонтальных связей и неформальных коммуникаций между участниками, наличие общих ценностей и норм (уважение, взаимопомощь, ответственность за общий результат), совместное конструирование целей и критериев успеха. Важную роль играют практики взаимного обучения и peer-to-peer поддержки (взаимная обратная связь, совместная рефлексия), «а также включенность внешних факторов — преподавателей, экспертов, представителей профессионального сообщества — в качестве партнеров, а не только контролирующих субъектов» [3].

Возникновение такого сообщества «переводит проектную деятельность из разового учебного задания в устойчивую социально-образовательную практику, в рамках которой развитие soft skills становится следствием участия в коллективной деятельности и совместном решении значимых задач» [1, с. 30].

В исследовании были использованы следующие методы: анализ и обобщение проектных материалов (описания проектов, презентации, рефлексивные отчеты), включенное наблюдение за взаимодействием участников в ходе подготовки и представления проектов, анкетирование обучающихся с целью самооценки развития отдельных надпрофессиональных навыков (коммуникация, ответственность, самоорганизация, работа в команде, креативность). Дополнительно применялась экспертная оценка, в которой участвовали преподаватели и приглашенные специалисты, оценивавшие как продукт, так и процесс проектной деятельности.

Анализ проектной деятельности показал, что выраженный эффект сообщества проявляется в нескольких взаимосвязанных измерениях развития надпрофессиональных навыков.

Во-первых, в условиях групповой проектной работы участники постоянно договариваются о целях, распределении ролей, сроках и критериях качества, что способствует развитию навыков конструктивного диалога, аргументации и принятия решений в условиях неоднородных мнений. «Совместное обсуждение промежуточных результатов и подготовка публичного выступления обеспечивают опыт координации действий и осознание значимости вклада каждого участника в общий результат».

Во-вторых, проектная деятельность формирует ответственность и навыки саморегуляции. Участники берут на себя обязательства по выполнению определенных задач, планируют собственную работу и соотносят индивидуальные действия с общим графиком проекта. Наличие устойчивого сообщества усиливает этот эффект, поскольку нарушение договоренностей получает не только формальную, но и социальную оценку, влияя на положение участника в группе.

В-третьих, неопределенность проектных задач и необходимость поиска оригинальных решений способствуют развитию креативности и критического мышления. «Коллективное обсуждение идей, культура открытой обратной связи и поддерживающий характер взаимодействия в проектном сообществе создают условия для безопасного предъявления нестандартных решений и их совместного совершенствования» [3].

В-четвертых, в проектных группах естественным образом формируются и развиваются лидерские компетенции. Речь идет не только о формальных лидерах, но и о распределенном лидерстве, когда различные участники берут на себя ответственность за коммуникацию с внешними стейкхолдерами, организацию работы, управление ресурсами и сроками. «Эффект сообщества стимулирует переход от авторитарных моделей к партнерским и фасилитационным стилям лидерства» [2].

Наконец, участие в устойчивом проектном сообществе способствует формированию профессиональной идентичности и прояснению траекторий самоопределения обучающихся. Публичная презентация проектов на конференции, обсуждение результатов с экспертами и сверстниками усиливают опыт признания и укрепляют представление студентов о себе как о субъектах научной и практической деятельности.

Полученные результаты согласуются с выводами исследований, указывающих на высокую эффективность проектной деятельности

как инструмента комплексного развития надпрофессиональных навыков. Вместе с тем акцент на эффекте сообщества позволяет уточнить, что именно «социальная архитектура проектной среды — характер отношений, распределение ответственности, формы взаимной поддержки — определяет глубину и устойчивость сформированных soft skills» [1, с. 29].

Выявленная зависимость между выраженностью эффекта сообщества и уровнем развития отдельных надпрофессиональных навыков свидетельствует о необходимости целенаправленного проектирования следующих параметров образовательной среды: роль преподавателя как фасилитатора и ментора, создание пространств для горизонтального взаимодействия (клубы, творческие и исследовательские объединения, сетевые платформы), а также «включение внешних партнеров — представителей бизнеса, НКО, профессиональных сообществ — в проектную деятельность» [4].

Проектная деятельность, разворачивающаяся в формате устойчивого образовательного сообщества, выступает эффективным механизмом развития надпрофессиональных навыков обучающихся, обеспечивая взаимосвязь между учебными, исследовательскими и практико-ориентированными задачами. «Эффект сообщества усиливает развитие таких soft skills, как коммуникация, сотрудничество, ответственность, саморегуляция, креативность и лидерство, за счет плотной сети горизонтальных связей, совместной рефлексии и распределенной ответственности за результат» [8].

Результаты, полученные на материале проектной деятельности, подтверждают целесообразность институционализации проектных форматов в образовательных программах, развития у преподавателей компетенций фасилитации и тьюторства, а также расширения партнерств с внешними стейкхолдерами для обогащения проектной среды реальными социальными и профессиональными запросами. Перспективы дальнейших исследований связаны с количественной оценкой влияния параметров проектного сообщества на динамику отдельных надпрофессиональных навыков и разработкой инструментов диагностики и сопровождения эффекта сообщества в образовательных организациях.

Список литературы:

1. Бареева, Р. З. Проектная деятельность как способ развития профессиональных навыков студентов / Р. З. Бареева, А. А. Казанцева, О. И. Ваганова // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – С. 28-30.

2. Данилин, П. А. Развитие гибких навыков педагогов в проектной деятельности [Электронный ресурс] / П. А. Данилин URL: <https://www.sgu.ru/sites/default/files/page/files/45-50.pdf>.
3. Кошелева, В. С. Развитие soft skills у обучающихся в творческом объединении через технологию проектной деятельности [Электронный ресурс] / В. С. Кошелева URL: <https://infourok.ru/razvitie-soft-skills-u-obuchayushih-sya-v-tvorcheskom-obedinenii-cherez-tehnologiyu-proektnoj-deyatelnosti-7975191.html>.
4. Модуль саморазвития [Электронный ресурс] / URL: https://dep.spbstu.ru/modul_samorazvitiya_spbpu/.
5. Развитие мягких навыков через проектную деятельность: как проекты помогают расти не только в знаниях, но и в личности [Электронный ресурс] / URL: <https://moi-universitet.ru/razvitie-mjagkih-navykov-cherez-proektnuju-deyatelnost-kak-proekty-pomogajut-rasti-ne-tolko-v-znaniyah-no-i-v-lichnosti/>.
6. Развитие надпрофессиональных навыков должно стать частью подготовки молодых специалистов в вузах [Электронный ресурс] / URL: <https://www.ruu.ru/press/news/razvitie-nadprofessionalnykh-navykov-dolzno-stat-chastyu-podgotovki-molodykh-spetsialistov-v-vuzakh/>.
7. Soft skills: оценка и развитие надпрофессиональных компетенций [Электронный ресурс] / URL: <https://journal.nark.ru/articles/proekty-i-partnery/soft-skills-otsenka-i-razvitie-nadprofessionalnykh-kompetentsiy/>.
8. Хамраев, А. М. Влияние проектной деятельности на развитие softskills у студентов [Электронный ресурс] / А. М. Хамраев, А. Б. Суннатов URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/61662/1/Hamraev_Vliyanie.pdf.

М.А. Попова

**Концепция пассионарности Л.Н. Гумилева и современное
неоевразийство**

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Концепция неоевразийства во многом определяет культурные и политические векторы современной России, поэтому особенно актуальным становится переосмысление истоков неоевразийства, одним из которых является концепция Л.Н. Гумилева. В статье рассматривается понятие пассионарности у Гумилева, что позволяет провести сравнительный анализ философско-антропологических представлений о роли личности в истории в евразийстве (Л.Н. Гумилев) и неоевразийстве (А.Г. Дугин). В результате делаются выводы о сходствах и различия философско-антропологических представлений в евразийстве и неоевразийстве, которые показывают генезис идей евразийства в контексте современных проблем цивилизационного развития.

Ключевые слова: концепция пассионарности Л.Н. Гумилева; философия евразийства; философско-антропологические представления неоевразийства; процесс этногенеза.

M.A. Popova

L.N. Gumilev's concept of passionarity and modern neo-Eurasianism

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The concept of neo-Eurasianism largely determines the cultural and political vectors of contemporary Russia, making it particularly relevant to rethink its origins, one of which is L.N. Gumilyov's concept. This article examines Gumilyov's concept of passionarity, allowing for a comparative analysis of philosophical and anthropological ideas about the role of the individual in history in Eurasianism (L.N. Gumilyov) and neo-Eurasianism (A.G. Dugin). As a result, conclusions are drawn about the similarities and differences between the philosophical and anthropological ideas in Eurasianism and neo-Eurasianism, demonstrating the genesis of Eurasian ideas in the context of contemporary problems of civilizational development.

Keywords: L.N. Gumilyov's concept of passionarity Gumilev; philosophy of Eurasianism; philosophical and anthropological ideas of neo-Eurasianism; the process of ethnogenesis.

Современное неоевразийство предлагает новую парадигму культурно-исторического и политического развития, построенную, во многом, на концепциях евразийства. Теория неоевразийства претендует на то, чтобы заполнить существующие идеологические лакуны в контексте политических и культурных потрясений последних лет [2]. В этом смысле актуальным представляется исследование философских оснований неоевразийства, таких, как, например, концепция Л.Н. Гумилева.

Философско-антропологические аспекты евразийства, в концепции Л.Н. Гумилева и неоевразийства имеют как сходства, так и различия [5]. Идеолог современного неоевразийства А.Г. Дугин отмечает, что «Гумилев был по духу и по стилю, и по многим своим личным и психологическим особенностям настоящим евразийцем, убеждённым сторонником множественности цивилизаций и культур, и в этом смысле продолжателем Данилевского» [3]. Теория пассионарности Л.Н. Гумилева является отличительной чертой его концепции евразийства. Понятие пассионарности подчеркивает исключительную роль личности в процессе этногенеза. Пассионарность представляется как энергетический принцип культурирования – наряду с такими принципами, выделенными в других теориях евразийства, как пространство, время и этнокультурная целостность. Признаки пассионарности по Гумилеву выражаются в следующих факторах:

1) Пассионарность – характеристика личности, ее персональное свойство. По словам Л.Н. Гумилева, пассионарность не зависит от влияния извне, от возможностей или склонностей - человек рождается пассионарием, а не становится им [1, с.533].

2) Неуклонное стремление к определенной цели, причем эта цель может и не обладать практическим характером, скорее, это – Идея, эталон [1, с.533].

3) Пассионарность существует вне морали, или над моралью, но это не означает, что пассионарность аморальна. Идея, к которой стремится пассионарная личность, обладает для пассионария особой ценностью, часто превышающей высшие ценности, такие как жизнь, счастье; вот почему средства достижения этой цели парадоксальны и противоречивы: здесь добродетели могут сочетаться с пороками, порочные поступки – с самопожертвованием, деструктивные действия – с творческим вдохновением. Гумилев отмечает, что пассионарная личность – не всегда лидер, вожак – часто такие личности представлены целой группой, представители которой являются двигателями народных масс [1, с.533].

4) Внеморальность пассионарности определяется как ее импульсивной природой, так и результатами действий пассионариев, в основании которых могут находиться не столько добродетели, сколько моральные пороки. Именно пороки, такие как гордость, тщеславие, алчность, ревность, порождающие фанатизм и мученичество, могут стимулировать или сопровождать действия пассионария. Гумилев обращает внимание на то, что «поскольку речь идет об энергии, то моральные оценки неприменимы. Добрыми или злыми могут быть сознательные решения, а не импульсы...» [1, с.533-534].

Таким образом, в этико-антропологическом смысле, теория пассионарности представляет собой уникальную оценку личности в контексте философии истории: во-первых, пассионарий рассматривается Л.Н. Гумилевым как личность, обладающая особыми психологическими характеристиками, персональными, независимыми особенностями; во-вторых пассионарий находится вне морали, поскольку его поступки и их последствия оцениваются в более широком временном контексте, чем мотивы и поступки остальных людей.

Оценивая значение теории пассионарности Л.Н. Гумилева в аспекте собственных философско-антропологических представлений, А.Г. Дугин определяет ее как «этический императив», подчеркивая, таким образом, моральный смысл пассионарности в контексте неолиберализма, и отмечая, что лично ему близка теория пассионарности в моральном и психологическом осмыслении. Характеризуя свое понимание пассионарности, Дугин описывает идею Л.Н. Гумилева следующим образом: «Если упрощённо, то он имел в виду приблизительно следующее: «Бросай всё и давай вперёд, двигайся. Пренебрегай любыми ограничениями. Создавай консорцию таких же как ты. Найди такие же подобных и двигайтесь вперёд вместе, куда бы вас это не завело. Да, чаще всего это никуда вас не заведет. Ну и ладно. А если всё сложится, вы положите начало субэтносу, а там и этносу. Из таких консорций активных страстных дерзких и отважных людей и вырастают народы и цивилизации» [3].

В то же самое время, теория пассионарности Гумилева в глазах неоевразийцев особенно подчеркивает обреченность современного обывателя. Современный человек представляется А.Г. Дугиным как заложник материального; важность материального, технологического, ее значение и необходимость навязана «либеральным тоталитаризмом» [3], под которым философ понимает отчужденность человека от духовного и подавления материальным, техническим, подчинение деньгам и комфорту [3].

Таким образом, можно сделать следующие выводы на основании сравнения философско-антропологических представлений в теории пассионарности Л.Н. Гумилева и неоевразийстве А.Г. Дугина:

1. В концепции Л.Н. Гумилева была подчеркнута исключительная роль личности в истории. А.Г. Дугин поддерживает концепцию пассионарности, однако понимает пассионария не только как исключительную, исторически значимую личность, но как пассионарность - свойство характера, определенный склад души. Таким образом, в представлении Дугина пассионарность имеет скорее, нравственно-философский, а не историко-философский смысл.

2. Гумилев подчеркивает моральную отчужденность пассионарной личности, связанную с невозможностью адекватных моральных оценок ее поступков, столь значимых для истории. Дугин придает пассионарному характеру статус этического императива, своеобразного духовного эталона. Это формирует парадоксальный взгляд на пассионарную личность в неоевразийстве – этический императив отчужденный от морали.

3. Представления о личности в неоевразийстве складываются в контексте культурно-политического противостояния с «либеральным тоталитаризмом». В концепции Л.Н. Гумилева личность рассматривается в контексте культурно-исторических процессов, как результат противостояния стихии, природе, истории.

Несмотря на представленные различия, обе концепции объединены представлениями об особом значении личности для истории, что важно для самоосознания современного человека в условиях стремительно меняющегося мира.

Список литературы

1. Гумилев Л.Н. *Passionarium. Теория пассионарности и этногенеза = Теория пассионарности и этногенеза [Текст] : этногенез и биосфера Земли. Конец и вновь начало : [12+] / Лев Николаевич Гумилев.* — Москва : АСТ, 2016. — 934 с.
2. Дугин А. Г. *Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли / А. Г. Дугин.* — Москва : Евразийское Движение, 2009. — URL: <https://litmir.club/bd/?b=202961> (дата обращения: 28.03.2026).
3. Дугин А.Г., Шиманский Ф. А. *Философ – это тот, кто живёт опасно... четвёртая политическая теория против современного мира / Авторский блог. Александр Дугин.* 1 марта 2021. — URL:

https://zavtra.ru/blogs/filosof_eto_tot_kto_zhivyot_opasno (дата обращения: 28.03.2026).

4. Исаева О.С. Идеи классических евразийцев в неоевразийских учениях. Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 2. С. 111-121.

5. Лев Николаевич Гумилев и современное евразийство (Lev Nikolayevich Gumilev and Contemporary Eurasianism) [Текст]: сборник статей, посвященных 100-летию ученого / под ред. А. Г. Коваленко, В. А. Цвыка. – М. : РУДН, 2013. – 266 с.

Д.А. Казаков

Редукционизм и антиредукционизм в философии сознания

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье представлена дискуссия в философии сознания по проблеме сведения ментального к физическому. Было выделено две позиции с диаметрально решающие данную проблему - редукционисты и антиредукционисты. Были представлены аргументы обеих сторон, а также рассмотрена позиция Д.И. Дубровского, потенциально устраняющая объяснительный разрыв.

Ключевые слова: сознание, мозг, редукционизм, антиредукционизм, Д.И. Дубровский.

D.A. Kazakov

Reductionism and Anti-Reductionism in the Philosophy of Mind

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

This article presents the debate within the philosophy of mind concerning the problem of reducing the mental to the physical. Two diametrically opposed positions on this issue have been identified: reductionists and anti-reductionists. The arguments of both sides are presented, and the position of D.I. Dubrovsky, which potentially resolves the explanatory gap, is examined.

Key words: consciousness, brain, reductionism, anti-reductionism, D.I. Dubrovsky.

Введение

Философия и наука всегда находили общие темы для обсуждения и в зависимости от понимания сущности той или иной дисциплины имели разное соотношение. Одна крайность в соотношении философии и науки представлена трансценденталистской концепцией, берущей своё начало в классификации наук Аристотеля. У греческого мыслителя философия занималась общим знанием, а частные науки постигают лишь отдельные сферы бытия. Философия, обладая фундаментальным знанием, стала называться метафизикой, которой подчиняются другие науки, связанные с ней. Научное знание становится истинным только логическим выводением из философии путём дедукции. Такая концепция просуществовала в качестве безальтернативной вплоть до XIX века у учёных (И. Ньютон, Ч. Дарвин)

и философов (Нового времени, Просвещения, немецких классиков, Э. Гуссерля, А. Бергсона), потому что науки вынуждены собирать факты для обоснования своего существования. Философия же основана на свободном «полете» мысли, что значительно повышает скорость создания теорий (Так в Древней Греции уже были создано большинство современных мировоззрений по самым разным темам). Другая крайность представлена в позитивистской концепции, где уже философия – лженаука, умозрительная схоластика, а наука, накапливая эмпирическую информацию, сама способна к их систематизации и обобщению. Философия в своём методологическом обеспечении должна была трансформироваться в остальные науки. Однако построить научную философию как позитивистам (О. Конт, Дж. Ст. Милль) в XIX веке, так и аналитикам в XX веке (Л. Витгенштейн, Дж. Райл, Дж. Остин) не удалось. Решение данной проблемы видится в диалектической концепции, предложенной С.А. Лебедевым, где «адекватное познание действительности

как целого, составляющее высшую теоретическую и практическую (биологически адаптивную) задачу человечества, требует дополнения и, так сказать, «взаимопросвещения» результатов философского и частнонаучного познания» [1, с. 35]. Научная деятельность вершиться не учёными-«робинзонами», субъектами вообще, а конкретными людьми в определённую эпоху, мыслительный процесс которых состоит в оперировании научными данными, опосредованных социокультурным фоном (в том числе и философией).

В концептуальном плане данная краткая выдержка из соотношения философии и науки хорошо дополняет контекст возникновения философии сознания – дисциплины, занимающейся прояснением «онтологических и теоретико-познавательных отношений между психическими и физическими феноменами» [1, с. 219]. Центральными проблемами дисциплины являются психофизическая проблема, объяснение природы восприятия и т.д. Тема сознания получила популярность в связи с развитием когнитивных наук в середине XX века, хотя и обсуждалась в классической философии ведущими философами того времени в рамках гносеологии, но в умозрительных тонах. Желание избежать идеалистических выводов — это часть того, что побуждало мыслителей от Гербарта и Милля до Маха и Brentano рассматривать изучение психики на более строгой эмпирической основе. В дальнейшем становление психологии как отдельной науки и появление когнитивных наук, рассматривающих ментальные операции аналогично вычислительным моделям, уже не могло игнорироваться

учёными и философами XX века. Прогрессу когнитивной науки способствовало развитие науки о мозге и в технологии его визуализации. Компьютерная томография, функциональная магнитно-резонансная томография, позитронно-эмиссионная томография и другие технологии широко используются в исследованиях мозга и нейронауках, что побудило некоторых исследователей к мысли, что сознание должно быть объяснено в рамках физических терминов, структуры и функций мозга. Однако, по справедливому замечанию Д. Чалмерса, на ключевой вопрос о том, почему информационные процессы различения, обобщения зависят от субъективного опыта, когнитивные науки пока не ответили, что порождает «трудную проблему сознания». В итоге по вопросу о возможности сведения сознания к материальному сформировался корпус редукционистов и антиредукционистов, полемика между которыми продолжается и сегодня, что делает данную статью особенно актуальной. Целью статьи является представление аргументов обеих сторон о соотношении ментального и физического, а также отметить подход, способный разрешить онтологические проблемы субъективной реальности.

Редукционизм

Середина двадцатого века была временем расцвета редукционизма в философии сознания. Редукционисты считают, что психические явления происходят из физических фактов и также могут быть сведены к физическим фактам. Такая позиция обычно рассматривается как натуралистическая по своей сути: то есть это одна из форм взгляда на то, что разум может (или, возможно, должен) быть вписан в рамки мира природы, как его понимают естественные науки. Психические явления здесь сводятся к минимуму и рассматриваются как супервентные. С позиций бихевиоризма внутренние операции или состояния, такие как эмоции, решения и восприятия, всегда имеют некоторое отношение к внешним действиям, или хотя бы могут быть установлены через внешние отчёты и тесты, поэтому несложно попытаться ассимилировать первые во вторые. В философском плане данная позиция была осмыслена Г. Райлом, которую можно назвать логическим бихевиоризмом. Критикуя картезианский дуализм, он утверждает, что в отличие от тела (и в противоположность ему), разум не существует в пространстве, и его деятельность не подчиняется механическому закону. Деятельность разума не является и не может быть непосредственно засвидетельствована сторонними наблюдателями, поскольку ее проявление носит частный характер. Только “Я” могу

непосредственно знать о состояниях и процессах, происходящих в моем собственном разуме. Вот почему «Человек, таким образом, проживает две параллельные истории: одну, состоящую из всего, что происходит с телом и внутри него, и другую, складывающуюся из происходящего с его сознанием и внутри него. Одну - публичную, другую – приватную [2, с. 21]. Первое происходит в физическом мире, в то время как второе - в «ментальном мире». Все это приводит Райля к созданию «мифа Декарта» – метафорического образа, который он называет «призраком в машине», где разум — это призрак, а машина — это тело. Поэтому он предлагает новый подход к соотношению тела и разума. Райл стремится устранить противоречие между телом и разумом, но не путём поглощения одного другим. Это объясняется тем, что он считает, что между разумом и материей не существует полярной противоположности; противоположность существует только для тех, кто верит, что идеи разума и тела принадлежат к одному и тому же логическому типу. Из этого следует, что само различие между идеализмом и материализмом становится бессмысленным. Это происходит потому, что, по мнению Райла, для нас законно говорить «логичным ударением», что существует разум, и другим «ударением», что существуют тела. Однако эти выражения указывают не на два вида существования, а лишь на два разных значения глагола «существовать», что по мнению английского философа устраняет из ментальных состояний мифические сущности.

Другой позицией, пытавшейся устранить дуализм, была нейрофилософия Патриции Черчленд, представляющей собой синтез нейробиологии и философии. Нейрофилософия ставит перед собой задачу переосмыслить и по-новому интерпретировать традиционное представление о природе мозга, потому что именно она способна объяснить сознание. Работа П. Черчленд «Нейрофилософия: На пути к единой науке о сознании и мозге» имеет двоякую структуру. Первая часть посвящена нейробиологии, в то время как вторая часть имеет философскую основу и направлена на создании единой науки о сознании и мозге. Нейробиология — это наука о нервных клетках или нейронах, их роли и структуре. В рассуждениях о нейронауке мы не можем отодвигать на второй план нервную систему. У человека, как у движущегося существа, есть механизмы для его движений, которые зависят от того, что происходит снаружи. Нервная система отвечает за это движение. Нейроны — это возбудимые клетки, которые на сенсорной периферии активируются такими факторами, как вибрация, в то время как мышечные сокращения вызываются двигательной периферией. Между

этими периферическими отделами находятся нейроны, которые координируют последовательность сокращений мышечных клеток, позволяя организмам двигаться в ответ на воздействие внешнего мира (вне нервной системы) - убегать, добывать пищу и т. д. П. Черчленд утверждает, что несмотря на то, что нейроны являются основными элементами нервной системы и эволюционным решением проблемы адаптивного движения, остаётся открытым вопрос о том, как они работают и что такое возбуждение. Как они вызывают такие разные реакции, как восприятие света и осязание? Как они координируют свою работу, чтобы организм мог ориентироваться в окружающем мире? Ответ на данные вопросы в общем виде представлен во введении в теорию нейронов, где П. Черчленд замечает: «Если мы хотим понять, как работает сознание и мозг, нам необходимо как можно больше узнать о фундаментальных элементах нервной системы, а именно о нейронах» [3, р. 35]. Человеческий мозг - центр всей когнитивной деятельности, в котором находятся возбудимые клетки - нейроны, обрабатывающие информацию.

Данную позицию Г. Райля и П. Черчленд принято называть элиминативным материализмом, в котором обосновывается необходимость устранить ментальные состояния, объявить их иллюзией. Данного направления придерживается одних из самых известных представителей философии сознания Д. Деннет. С самых первых своих работ он скептически относился к «ощущениям как таковым» или «квалиа» - интроспективно доступным феноменальным явлениям, которые, по всей видимости, так сложно объяснить. О них действительно сложно связно размышлять. Понять, в чем заключается сложность, можно, задавшись вопросом о квалиа, например: «Является ли боль болезненной?» Эти трудности становились все более очевидными по мере того, как все больше людей пытались отстаивать реалистический взгляд на сознание. Деннет был одним из первых, кто предложил альтернативную точку зрения. В 1991 году он выдвинул «модель множественных набросков», которая, по его мнению, опровергала картезианскую концепцию единого центра сознания. Вместо этого он утверждал, что сознание — это совокупность различных процессов, происходящих в разных отделах мозга. Согласно этой концепции, сознательные переживания не обладают для нас феноменальной сущностью несмотря на то, что мы систематически воспринимаем их как нечто феноменальное. Она допускает, что мы интроспективно осознаем свои сенсорные состояния (состояния, которые выполняют вполне удовлетворительные функции). Однако это осознание искажено,

что приводит к ошибочному суждению о том, что сенсорные состояния обладают феноменальной сущностью. Деннет с готовностью признает, что предстоит ещё много работы (не в последнюю очередь по объяснению того, почему у нас возникает иллюзия сознания), но, по крайней мере, это работа, которая может увенчаться успехом.

Антиредукционизм и современное решение

На протяжении 1980-х годов в философии сознания доминировало представление о том, что существует своего рода вынужденный выбор между редукционизмом и элиминатизмом. Однако в этот период наметился отход от этой ортодоксальной точки зрения. Дж. Левин утверждал, что существует «объяснительный пробел» в виде несводимости некоторых важных ментальных феноменов к физическим объектам и процессам. Эта точка зрения подкреплялась несколькими убедительными мысленными экспериментами: «Мэри» Джексона, «летучая мышь» Нагеля, и «китайская комната» Серла. Примерно в то же время Дэвидсон на совершенно иных основаниях утверждал, что ментальное не только несводимо к физическому, но и что не существует даже никаких законов, связывающих описание физического мира с уникальными интерпретациями в терминах убеждений и желаний. В 1980-х годах подобные взгляды считались скорее интересными аномалиями, но в 1990-х годах идея разрыва в объяснении стала более правдоподобной благодаря аргументам в пользу несводимости сознания и квалиа (Чалмерс), интенциональности (Серл) и нормативности (Брэндом). Опять же, даже среди сторонников теории о пробелах в объяснении в психологии преобладала точка зрения, согласно которой эти пробелы резко контрастируют с пробелами в естественных науках, которые в целом рассматривались как единая иерархия, связанная между собой межтеоретическими редукциями.

Например, Д. Чалмерс в третьей главе своей работы «Сознающий Ум. В поисках фундаментальной теории» пишет: «Почти всё в мире можно объяснить в физических терминах, и естественно ожидать, что сознание тоже могло бы объясняться подобным образом. В этой главе я, однако, попытаюсь показать, что сознание ускользает из сети редуктивного объяснения. В одних лишь физических терминах мы никогда не сможем объяснить появление сознательного опыта. Этот вывод может показаться негативным, но он ведёт к сильным позитивным следствиям» [4, с. 126]. Здесь мы подходим к знаменитому аргументу о философских зомби — это существа, действующие в мысленных экспериментах, поведение которых внешне

ничем не отличается от поведения людей. Зомби не хуже последних ориентируются в пространстве и времени, ездят на автомобилях, обедают в ресторанах, ведут беседу на любые темы, включая философские, принимают решения в парламенте, обучают других и совершают моральные акты. Однако, при всем этом, зомби:

1. Ничего не осознают: не обладают сознательным опытом (По Н. Блоку);
2. У них отсутствует интенциональность (По Дж. Серлу);
3. Не обладают самосознанием (По Р. Крипке).

Все эти характеристики придают проблематике зомби мировоззренческий статус, поднимая при этом такой скептический вопрос: зачем человеку сознание?

В четвертой главе Чалмерс формулирует главный аргумент против материализма (и, можно сказать, редуктивного объяснения в целом) на основе несостоятельности логической супервенции. Этот аргумент выглядит следующим образом: есть наш мир с существующими в нем сознательными переживаниями и логические возможные, полностью идентичный нашему в физическом плане, но с отсутствующими позитивными фактами о сознании из нашего мира. Это подтверждает ложность материализма, т.к. факт о сознании в данной ситуации оказываются дополнительными и не нуждаются в физическом обосновании. Аргумент о зомби таким образом направлен не на обоснование их существования. Вопрос заключается именно в том, является ли понятие зомби концептуально согласованным. Именно непротиворечивое описание этой согласованной ситуации является важным, а не собственно эмпирическая возможность. По мнению Чалмерса, каждый способен понять эту возможность. Итак, если зомби являются логически возможными, то логическая зависимость сознания от физического терпит неудачу и приводит к краху редукционистского объяснения. Данный аргумент Чалмерса обсуждался в дальнейшем, пополняясь все более комплексными объяснениями с обеих сторон, порождая *regressus ad infinitum*.

Перспективнее в этом плане изучение субъективной реальности (ментальное», «интроспективное», «феноменальное», «субъективный опыт», «квалиа» и т.д.) с позиции, предпринятой Д.И. Дубровским. Для начала отечественный мыслитель предлагает дать явление субъективной реальности иной онтологический статус и отказать в приписывании им физических свойства. Поскольку как объект субъективная реальность разными науками трактуется в собственном ключе, то в рамках такой междисциплинарности

должны быть даны её инварианты. Концептуально должен быть синтез метанаучного, естественного и социо-гуманитарного уровней. Дубровский выделяет два вопроса, на которые должны быть даны ответы. Первый вопрос – как корректно объяснить связь субъективной реальности и физических (в том числе мозговых) процессов, не отождествляя их? Второй вопрос зависит от ответа на первый и сформулирован так: «Если явления СР не обладают физическими свойствами, как можно объяснить способность её причинного действия на телесные процессы, которое очевидно для каждого?» [5, с. 10]. Чтобы ответить на данные вопросы нужно синтезировать разнородные теоретические и эмпирические результаты, что и предлагает Дубровский в своём информационном подходе, где «Всякое явление СР может интерпретироваться каждым из нас как информация о чем-то (скажем, переживаемый мной образ дерева в виде восприятия или воспоминания есть информация об этом предмете). Носителем такого рода информации является, согласно данным нейронауки, определённая мозговая нейродинамическая система» [5, с. 12]. Так как информация имеет различные описания, то можно привлечь методы различных наук, тем самым преодолев разрыв в объяснении.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что редукция сознания к физическим процессам во всех своих вариациях является не вполне корректным способом объяснения ментальных процессов. Антиредукционистские подходы к сознанию внесли определенный вклад в понимании того, что методологически неверно сводить сознание к физическим процессам или элиминировать его, однако не способны закрыть разрыв в объяснении без теоретических неопределенностей и противоречий. Достаточно перспективным видится информационный подход Дубровского, создающий междисциплинарную платформу с привлечением естественных и гуманитарных пластов знаний.

Список литературы:

1. Лебедев, С.А. Философия и методология науки: Монография / С.А. Лебедев. - Москва: Академический проект, 2021. - 626 с.
2. Иванов, Д. Философия сознания / Д. Иванов // Философская антропология. - 2018. - № 2 (4). - С. 218 - 250.
3. Райл, Г. Понятие сознания / Г. Райл. - Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. - 408 с.

4. Churchland, P. S. Neurophilosophy: Toward a unified science of the mind/brain / P. S. Churchland. - Cambridge, MA: MIT Press, 1989. - 546 p.
5. Чалмерс, Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. - Москва: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. - 512 с.
6. Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. – Часть 1 / Российская академия наук, Институт философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – Москва: ИФРАН, 2013. – 229 с.

И.В. Федяй**Философия науки в контексте суверенной эпистемы**

В статье обосновывается положение о том, что не бывает никакой «чистой» науки. Эпистема, на которой выстраивается наука всегда основана на том или ином мировоззрении. А значит, - она либо своя, суверенная, либо чужая. И относится это не только к гуманитарным наукам, но и к естественным. Нет никакого единого мира с едиными объективными знаниями об этом мире. Западный образ мысли лишь пытается выдать себя за всеобщий, таковым не являясь. В контексте учения о гегемонии (А. Грамши), автор смещает проблему науки в плоскость мировоззренческого противостояния.

Ключевые слова: гегемония, мировоззрение, наука, религия, суверенная эпистема, позитивизм, номинализм, революция, либерализм, философия науки

I.V. Fediy**Philosophy of science in the context of sovereign epistemology**

The article substantiates the position that there is no such thing as a “pure” science. The epistemology on which science is built is always based on a particular worldview. This means that it is either one’s own, sovereign, or someone else’s. This applies not only to the humanities, but also to the natural sciences. There is no single world with a single objective knowledge about it. The Western way of thinking only tries to present itself as universal, but it is not. In the context of the theory of hegemony (A. Gramsci), the author shifts the issue of science to the plane of ideological confrontation.

Key words: hegemony, worldview, science, religion, sovereign episteme, positivism, nominalism, revolution, liberalism, philosophy of science Fediy I.V.

Любое управление основывается на гегемонии. Гегемония – это положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия общества с властью. Учение о гегемонии – это учение о том, что правление осуществляется неявно, путём «ненасильственного принуждения», опирающегося на этнокультурную доминанту, общее «культурное ядро». Т. е. опирающееся на общую совокупность представлений о добре и зле, прекрасном и безобразном, о человеке и мире, на общие традиции, символы и прочее. В систематизированном виде это «культурное ядро» представляется в идеологии.

Таким образом гегемония – это властные отношения, вне их формальных признаков. Они развёртываются в культуре – искусстве, науке, образовании, информационном пространстве. Эта культурная доминанта рождает «коллективную волю», направленную на сохранение существующего порядка.

Либерализм, например, в качестве идеологии, выражающий культурное разложение, тем не менее также «доминантен». Только это доминанта растления, распада. Поэтому, чтобы удерживать современное либеральное устройство необходимо это растение постоянно воспроизводить. Индивиды должны быть атомизированы и изолированы, связи между ними допускаются только «мягкие», не приводящие к общей культурной и социальной идентичности, не допускающие её ни в коем случае. Таким образом модернизация, вестернизация, либерализация, цифровизация, ювенальная юстиция, ЛГБТ-«прогресс», массовая миграция как фактор размывания культурно национальной идентичности им необходима – все это куплеты одной и той же песни.

Связи в либеральном обществе допускаются «мягкие», временные, стандартизирующие и сегментирующие общество – например спорт и мода. Вроде и общество, но все время распадающееся, ускользающее. Общество в виде процесса, цель которого в нем самом.

Но учение о гегемонии – это не просто учение о власти, это ключевой раздел труда Антония Грамши о революции, о сломе государства и переходе к иному социально-политическому порядку. Главным же условием революции является уничтожение культурной доминанты и подрыв «коллективной воли». Совершается этот подрыв не только через СМИ, воздействующие на «обыденное сознание», но через все факторы, формирующие картину мира. Это образование, наука, искусство. Все это либо защищает гегемонию, либо разрушает ее. И главным действующим лицом здесь является интеллигенция – и культурная, и научная.

Поэтому не может быть никакой «чистой» науки. Эпистема, на которой выстраивается наука всегда основана на том или ином мировоззрении. А значит, - она либо своя, суверенная, либо чужая. И относится это не только к гуманитарным наукам (где это очевидно), но и к естественным. Ещё П.А. Флоренский, заложил подход, доказав, что нет никакого единого мира с едиными объективными знаниями об этом мире. Западный образ мысли лишь пытается выдать себя за всеобщий, таковым не являясь. Учение о гегемонии смещает проблему науки в плоскость мировоззренческого противостояния.

Дело в том, что становление эмпирико-позитивистского толкования в религиозной парадигме, а не научной. Например, проект Ф. Бэкона «Новая

Атлантида», предлагал магическое овладение природой вместо христианского проекта спасения. А становлением науки в виде новой социальной организации, предполагалось заменить христианскую Церковь.

Основатель позитивизма О. Конт открыто декларировал создание собственной гуманистической религии (культа человечества), назначив себя её верховным жрецом. Верховной же жрицей этого «культа человечества» стала его сожительница Клотильда Во [5]. Знаменитое же его учение о «трех стадиях» также несёт в себе не только политическое (у даже близко не научное), а религиозное содержание: если «... на второй (метафизической) стадии общество времён Французской революции характеризовалось общностью политических идеалов; то на третьей, позитивистской, общество объединяется вокруг научного метода, а католическое духовенство заменяется научно-промышленной элитой. Новая позитивистская догма основывается на науке и пропагандируется этой элитой» [9].

Таким образом «светская» культура является секулярной не по отношению к религии вообще, а по отношению именно к христианству. Основой этой, якобы «светской» культуры, становится гностицизм и эзотерический оккультизм, справедливо считает В. Э. Багдасарян: «В социально-политическом плане это означало легитимизацию избранничества. Для большинства – атеизм, материализм, профанность, для посвящённых – магический оккультизм» [1].

Современный трансгуманистический проект является детищем этой «секулярной» модели, основанной на самом деле на антропологической (ибо оккультной), а не на социальной дифференции. Для масс и широкой общественности — «фастфуд» с правами человека и иными «фудами» в лицевой стороне международного права и пр., для проектирующего мировую политику бенефициариата — ориентир глобального доминирования» [1].

А действительно новым в Новое время является лишь возведение целой цивилизации на чисто негативных (антитрадиционных) принципах. Не случайно основой этой западной науки является философский номинализм. Номинализм – это философская ересь, воспроизводящая политический атомизм, индивидуализм, либерализм.

Сущностью науки, основанной на номинализме, является перманентная революционность (К. Поппер), поэтому современная нацеленность на разложение всех культурных форм до самого субъекта (трансгуманизм) и обосновывается авторитетом таковой «науки».

Понятно, что появиться внутри народов, обществ и государств таковая наука просто не могла. Она обратно ориентирована по отношению ко всем культурным формам, она – антисистемна (Н. Гумилев), т. е. выстроена

на логике «чужих». На логике тех, кто паразитирует на народах, обществах и государствах. Эта логика представляет собой логику всемирной революции, революции против всех культурных форм, против основ самой цивилизации.

При чем факты, неопровержимо свидетельствуют о связи определённой личностной структуры с определённым типом учений, о том, что не бывает либерализма политического без либерализма сексуального. Т. е., в качестве духовной установки, либерализм связан с совершенно определённой психической и сексуальной структурой, а именно, с вырождением. И все оппозиционно-либеральные движения всегда, в любую историческую эпоху строились на ущербности психической и сексуальной, т. е. на дегенерации. «Тайные общества, - пишет Неста Вебстер, - славятся своим умением находить ущербных в физическом и умственном смысле людей и обрабатывать их до тех пор, пока революционное рвение неопитов не разовьётся до нужных масштабов» [3. С. 118]

Поэтому мы должны наступать на западную науку, потому что это не наша наука и основана на не наших принципах и установках, а кроме того, потому что уже в самых своих истоках это неправильная наука. Все выводы современной естественной науки необходимо внимательнейшим образом пересмотреть, с точки зрения нашей русской православной сакральной традиции в рамках сакральной имперской эпистемы.

К сожалению, современная философия науки вообще и отечественная философия науки, в частности, является направлена на «сглаживание» правого и левого дискурсов. Так, например, Касавин И. Т. и Шиповалова Л. В. советуют умеренным реалистам и антиреалистам избегать крайностей, полагая, что это ослабит привязанность к «всеобщей деконструкции», «постнеклассической рациональности» и «всесильной синергетике» одних; и, в то же время, позволит показать ограниченность наивного метафизического реализма - других [4].

Эта «сглаживающая» установка современных авторов, на наш взгляд, представляет собой позицию постмодернистского все смешения. Ведь именно постмодернизм ориентирован на хаотизацию, нивелировку всего и вся, размывание всех границ, уничтожение форм – культурных, научных – всех. Именно это и становится условием «сглаживания». Для «сглаживания» необходимо изъять все не только мировоззренческие, но и методологические контексты. Кстати, именно в этом плане работает искусственный интеллект, выдающий «гладкие тексты» или «ментальный доширак».

Список литературы:

1. Багдасарян, В.Э. Идеология как инструмент внешней политики/Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Выпуск №2 (46), том 9, 2016.
2. Бэкон, Ф. Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1971. 590 с.
3. Вебстер, Н. Всемирная революция. Заговор против цивилизации. – Киев, 2001.
4. Касавин, И.Т., Шиповалова Л. В. Современная философия науки: вечное возвращение/Эпистемология и философия науки. 2022. Т.59. №4. С.6-20.
5. Норман, Л. Гайспер Энциклопедия христианской апологетики /https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/entsiklopedija-hristianskoj-apologetiki/10_19https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/entsiklopedija-hristianskoj-apologetiki/10_19.

О.З. Ахметгареев

Перспективы развития детского театра в рамках провинциальной культуры

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Детский театр формируется под влиянием традиций русской театральной культуры, в которой преобладало нравственное измерение искусства. Советская театральная традиция привносит в детский театр уникальные элементы нравственного воспитания. В статье показано, что в данный момент детский театр столкнулся с кризисным этапом развития, который может быть удачно преодолен в контексте русской провинциальной культуры. В результате определяются духовно-нравственные перспективы провинциального детского театра, как уникального культурного феномена

Ключевые слова: детский театр; провинциальная культура; философия искусства; нравственное воспитание

O.Z. Akhmetgareyev

Prospects for the Development of Children's Theatre within the Framework of Provincial Culture

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

Children's theater is influenced by the traditions of Russian theatrical culture, in which the moral dimension of art predominated. The Soviet theatrical tradition brings unique elements of moral education to children's theater. The article demonstrates that children's theater currently faces a critical stage of development, which can be successfully overcome in the context of Russian provincial culture. As a result, the spiritual and moral prospects of provincial children's theater are determined as a unique cultural phenomenon.

Key words: children's theater as a cultural phenomenon; provincial culture; philosophy of art; moral education

Русский театр представляет собой своеобразный код культурной идентичности, сформировавшийся на этико-эстетических и духовно-нравственных аспектах русской философии искусства. Детский театр является частью русской театральной культуры, представляя из себя

уникальный культурный феномен, не имеющий аналогов в мировой театральной практике, по следующим причинам:

- в культурно-историческом смысле на формирование феномена детского театра оказали влияние разные культурные эпохи. Так, классическая русская философия искусства сформировала нравственную парадигму театральной культуры, нашедшую отражение, в частности, в театральной практике К.С. Станиславского [7]; советский театр рассматривал театральную культуру как средство нравственного воспитания и культурного развития личности, при этом, особое воспитательное значение отдавалось детскому театру;

- детский театр советского периода становится средством театральной педагогики, основная цель которой – идеологическое и патриотическое воспитание подрастающего поколения, на основе нравственных ценностей, и включающей в себя такие определения как «нравственная гигиена», «нравственная ортопедия» [8] связанные с понятием «драматический инстинкт», который проявляется в игре и наблюдении за зрелищами. Развитие «драматического инстинкта» способствует совершенствованию склада души, т.е. «нравственной ортопедии», воспитывая не только эстетический вкус, но и понимание добра и зла. В то же время, «нравственная гигиена» является частью системы заботы о подрастающем поколении, наряду с физической и умственной гигиеной. Таким образом, советская театральная педагогика уделала особое внимание нравственному и эстетическому развитию драматического инстинкта;

- на феномен детского театра оказала влияние русская философская классика, сформировавшая представления о «метафизике детства», раскрывавшей детское понимание сущего [3;4;6]. «Метафизика детства» рассматривает детство не с точки зрения социальных или биологических характеристик ребенка, а с точки зрения духовного осмысления его бытия. Такой подход связан с христианским пониманием детства: согласно христианской традиции, ребенок ближе к Богу, чем взрослый; таким образом, детство более метафизично, чем взрослость.

Современный детский театр, как культурный феномен, с одной стороны, наследует традиции русской и советской театральной культуры; с другой стороны, является частью современной культуры, что ставит его перед своеобразной дилеммой этического свойства:

- в традиции русской и советской театральной культуры детский театр рассматривается как средство этико-эстетического развития личности,

идеологического и нравственного воспитания, средства связи и взаимопонимания между миром взрослых и детей;

- современная русская театральная культура склоняется к моральному нигилизму и, в целом, отходу от традиционных этико-эстетических оснований русской театральной культуры [1].

Таким образом, детский театр находится между двумя противоположными культурными векторами, и перед ним стоит задача сохранения уникальных культурно-нравственных традиций русского театра.

В этом смысле особое значение детский театр имеет для провинциальной культуры по следующим причинам:

- театр в провинциальной культуре становится местом концентрации культурной городской среды, отражением культурной самобытности провинциального города, местом коммуникации, средством сохранения и преумножения творческого наследия российской провинции;

- детский театр транслирует социокультурные смыслы российской провинции, знакомя с ними широкую публику: современные технологии и развитие внутреннего туризма позволяют расширить аудиторию зрителей, выйти за пределы региона;

- детский театр обогащает провинциальную культуру новыми интерпретациями этико-эстетических и нравственно-воспитательных традиций театральной культуры. Так, опыт Калужского ТЮЗа последних лет подчеркивает особое значение нравственности и духовной культуры для детского театра. Это нашло свое отражение в лозунге ТЮЗа: «Общедоступный, нравственный, художественный - Театр для всех!» [2], что определяет принадлежность к русской театральной традиции. Деятельность Калужского ТЮЗа является примером расширения рамок провинциальной культуры: победы в театральном фестивале «Театральная гавань»; участие во всероссийских образовательных программах; кроме того, ТЮЗ стал частью культурного бренда Калуги, войдя в число лауреатов проекта «Калужский бренд – 2024».

Можно выделить следующие перспективы детского театра в провинциальной культуре:

- выступая средством нравственного воспитания и культурного развития личности, детский театр может заполнить лакуны морального нигилизма и кризиса ценностей, характерных для последних десятилетий;

- детский театр может повлиять на расширение культурного, эстетического и нравственного мировоззрения, увеличить уровень эрудированности молодого зрителя в контексте провинциальной культуры;

- оказать влияние на формирование патриотизма: в этом смысле театральная практика может восприниматься как одна из составляющих деятельностного краеведения [5];

- расширить социокультурные смыслы российской провинции.

Одним из примеров таких перспектив является опыт Калужского арт-театра «Солнце в детской улыбке», где театральная постановка задумана как средство воспитания определенных качеств: дружбы, любви, уважения к семейным ценностям; честности, доброты, смелости, сострадания. В концепции театра подчеркивается, что при постановке важно учитывать возраст маленьких зрителей; определяется важность ценностной и нравственной направленности сценария; деятельность артистов подчинена классической системе К. Станиславского, требующей от них осознания важности своей миссии, достоверности и погружения в роль; принцип открытости предполагает обратную связь со зрителями: выбор репертуара определяется их потребностями и предпочтениями.

Уникальный феномен детского театра требует особого отношения и поддержки на государственном уровне: его роль велика для сохранения традиционной и формирования новой парадигмы русской театральной культуры.

Список литературы:

1. Барбой, Ю.М. К теории театра. СПб.: СПбГАТИ, 2008. 238 с.
2. Дмитриевский, В.Н., Салиева Н.Ю. Проблемы включенности театра в социокультурный аспект города и региона (начало XXI в.) // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6 (105). С. 400.
3. Достоевский, Ф.М. Письмо к М.М. Достоевскому от 16 августа 1839 г. // Полн. собр. соч., т. 28, кн. I. Л., Наука, 1985.
4. Зеньковский, В.В., проф. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Ч. 1. Общие принципы. Париж : YMCA Press, 1934. 258 с.
5. Лихачев, Д.С. Русская культура: сб. / сост. Л. Р. Мариупольская; Ин-т «Открытое о-во, Фонд содействия». - М.: Искусство, 2000. - 438 с. С. 159-173.
6. Розанов, В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. 624 с.
7. Станиславский, К.С. Этика. М.: Книга по требованию, 2011. 40 с.
8. Игра. Непериодическое издание, посвященное воспитанию посредством игры. Вып. 1-2. Пг.: Издание Театрального отдела Народного Комиссариата по просвещению, 1918.

А.Н. Буланов

Феномен «Малый народ» в контексте учения методологов

Научный руководитель: Федяй Инна Викторовна,

доктор философских наук, доцент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье анализируется концепт «Малого народа» (или «антинарод»), разработанный Огюстеном Кошеном, И. Р. Шафаревичем и Л. Н. Гумилёвым, через призму категорий «антисистем» и «этнических химер». Сопоставляются исходные дефиниции, выявляются структура, функции и мировоззренческие установки малочисленных или идейно-замкнутых групп, а также оцениваются риски нормативной стигматизации, возникающие при использовании этих категорий. Делается вывод о необходимости критически-рефлексивного и междисциплинарного подхода к изучению малых коллективных акторов, оказывающих непропорционально значимое влияние на социальные и культурные процессы.

Ключевые слова: «Малый народ», антинарод, антисистема, этническая химера, пассионарность, общества мысли, сетевые организации.

A.N. Bulanov

**The Phenomenon of the "Small People"
in the Context of Methodologists' Doctrine**

Scientific supervisor: Fedyai Inna Viktorovna Doctor of philosophy,

associate Professor

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article analyzes the concept of the «Small People» (or «anti-people»), developed by Augustin Cochin, I.R. Shafarevich, and L.N. Gumilev, through the prism of the categories of «anti-systems» and «ethnic chimeras». The original definitions are compared, the structure, functions, and ideological orientations of numerically small or ideologically closed groups are identified, and the risks of normative stigmatization arising from the use of these categories are assessed. The conclusion is drawn regarding the necessity of a critically reflexive and interdisciplinary approach to the study of small collective actors who exert disproportionately significant influence on social and cultural processes.

Key words: «Small People», anti-people, anti-system, ethnic chimera, passionarity, societies of thought, network organizations.

Методологи — участники интеллектуального движения, зародившегося в 1950–1960-х годах в СССР. Основателем считается философ Георгий Петрович Щедровицкий. Ядро движения сформировалось в Московском методологическом кружке (ММК), основанном в 1954 году.

Методологи разрабатывали теории организации мышления, деятельности и социальных процессов. Инструментами служили методы социальной инженерии и организационно-деятельностные игры (ОДИ). ОДИ — специфический формат коллективной работы, направленный на решение сложных управленческих и социальных задач через структурированное взаимодействие участников.

Методологическое сообщество демонстрирует ряд структурных признаков, характерных для «Малого народа».

В первую очередь это их закрытость и эзотеричность. ММК функционировал как герметичная интеллектуальная корпорация. Специфический категориальный язык методологов — «схемы мыследеятельности», «рамки», «позиции» — был намеренно непрозрачен для внешнего наблюдателя. Это создавало барьер, отделявший посвящённых от непосвящённых.

Далее прослеживается претензия на управление. Методологи открыто декларировали цель формирования новой управленческой элиты. Щедровицкий утверждал, что методология способна создать «людей, умеющих думать», которые займут ключевые позиции в государственных и социальных структурах. Подобная установка на целенаправленное встраивание в институты власти соответствует логике «Малого народа», описанной Кошеном.

Так же в их учениях присутствует надэтническая и надкультурная идентичность. Методологическое сообщество формировало идентичность, основанную не на национальной или культурной принадлежности, а на причастности к особому знанию. Это создавало дистанцию по отношению к традиционным ценностям и институтам.

И немаловажную роль тут играет их способ социальной инженерии используемый как инструмент влияния. ОДИ применялись в органах государственного управления, на предприятиях, в образовательных учреждениях. Через эти практики методологи получали доступ к процессам принятия решений, оставаясь при этом вне формальной ответственности за их последствия.

Таким образом, методологическое движение воспроизводило структурную логику «Малого народа»: замкнутость, претензию на интеллектуальное превосходство, стремление к управлению социальными процессами через непрозрачные механизмы влияния. Это не случайное совпадение черт, а закономерный результат формирования корпоративной интеллектуальной элиты, дистанцированной от широкого культурного контекста.

Проблема влияния численно незначительных, но организационно сплочённых групп на масштабные исторические процессы неизменно привлекала внимание социальных философов, историков и политологов на протяжении всей эпохи Нового времени. В XX столетии данная проблематика приобрела особую остроту в связи с опытом революций, тоталитарных режимов и радикальных трансформаций традиционных обществ. Три интеллектуальные традиции оказались в этом отношении особенно значимыми: социологическая историография Огюстена Кошена, цивилизационная философия Игоря Ростиславовича Шафаревича и этно-историческая теория пассионарности Льва Николаевича Гумилёва. Невзирая на существенные различия в методологических основаниях и дисциплинарной принадлежности, все три автора сходились в общей интуиции: в теле любого крупного сообщества может кристаллизоваться компактная группа, чьи ценностные ориентации и поведенческие стратегии вступают в принципиальное противоречие с жизнеутверждающими импульсами большинства. Именно эта группа получила в терминологии Шафаревича обозначение «Малый народ» — понятие, впоследствии мигрировавшее в публицистический дискурс и ставшее предметом острых научных дискуссий.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в условиях современного сетевого общества механизмы влияния меньшинств на публичный дискурс, политические решения и культурные нормы претерпели качественную трансформацию. Цифровые платформы, транснациональные гражданские сети и экспертные сообщества порождают новые конфигурации «малых народов», не вписывающиеся в классические схемы ни Кошена, ни Шафаревича, ни Гумилёва, однако сохраняющие фундаментальные структурные черты, описанные этими мыслителями. Вместе с тем сама категория «Малого народа» несёт в себе значительный риск идеологической инструментализации: она может служить инструментом делигитимации любого меньшинства — этнического, религиозного или политического, — оказывающегося в оппозиции к доминирующему

большинству. Этот двойственный характер понятия — его аналитическая продуктивность в сочетании с нормативной опасностью — обуславливает необходимость критико-рефлексивного подхода к его изучению.

Цель настоящей статьи состоит в проведении сравнительного анализа концепций «Малого народа», «антисистемы» и «этнической химеры» в рамках трёх интеллектуальных традиций, а также в оценке их эвристического потенциала и рисков, сопряжённых с их применением в современном социо-гуманитарном контексте.

Огюстен Кошен: «Общества мысли» как лаборатории революции

Французский историк Огюстен Кошен (1876–1916) разработал свою концепцию в ходе детального изучения социальных механизмов Французской революции. В своих главных трудах — «La Révolution et la libre-pensée» и «Les sociétés de pensée et la démocratie» — Кошен показал, что революционный переворот 1789 года представлял собой не стихийный взрыв народного негодования, но результат длительной подготовительной работы, проводившейся внутри специфического типа социальных образований: «обществ мысли» («sociétés de pensée»).

Под «обществами мысли» Кошен понимал добровольные ассоциации — философские ложи, литературные клубы, академии, читательские кружки, — объединённые не общими профессиональными интересами или кровнородственными связями, но исключительно разделяемыми идеями. Отличительная черта этих ассоциаций состояла в том, что внутри них конструировалась специфическая социальная реальность: реальность, в которой «общая воля» отождествлялась не с действительной волей большинства граждан, но с мнением тех, кто прошёл через фильтр идеологической инициации. «Внутри общества мысли, — писал Кошен, — не дискутируют — голосуют; не ищут истину — устанавливают её». Этот механизм он именовал «чистой демократией» — демократией, очищенной от органических связей традиционного сообщества и сведённой к формальной процедуре коллективного формирования мнений.

Структурные характеристики Кошеновских обществ мысли могут быть перечислены следующим образом.

1. Идеологическая замкнутость: членство в обществе предполагает принятие определённого мировоззрения, а отклонение от него влечёт исключение.

2. Подмена реальности: общество создаёт собственную символическую вселенную, в которой абстрактные принципы вытесняют конкретные человеческие отношения.

3. Олигархия активистов: несмотря на формально демократические процедуры, реальная власть внутри общества сосредоточена в руках тех, кто контролирует повестку дня и интерпретацию принимаемых решений.

4. Миссионерский экспансионизм: общество рассматривает себя как носителя универсальной истины и стремится преобразовать окружающий мир в соответствии со своими принципами.

Принципиально важно подчеркнуть, что Кошен не отождествлял «общества мысли» с какой-либо конкретной этнической или конфессиональной группой. Его анализ носил сугубо социологический характер: любая добровольная ассоциация, организованная по описанным принципам, приобретает свойства «общества мысли» — вне зависимости от социального состава своих членов. В этом отношении концепция Кошена обладает высокой степенью обобщаемости и применима к анализу самых разнообразных типов идеологических сообществ — от революционных кружков до современных НКО и экспертных сетей.

Игорь Шафаревич: «Малый народ» как цивилизационный антагонист
Математик и общественный мыслитель Игорь Ростиславович Шафаревич (1923–2017) разработал концепцию «Малого народа» в своём труде «Русофобия» (1989), впоследствии развив её в ряде статей и интервью. Опираясь на идеи Кошена, Шафаревич перенёс социологическое понятие на плоскость цивилизационной философии, придав ему принципиально иной — и значительно более дискуссионный — характер.

В интерпретации Шафаревича «Малый народ» обозначает специфическое социокультурное образование, существующее в теле крупной нации «Большого народа» и вступающее с ней в отношение фундаментального антагонизма. «Малый народ» характеризуется следующими чертами.

1. Укорененностью: представители «Малого народа» лишены органической связи с землёй, традицией и исторической памятью «Большого народа».

2. Негативной идентичностью: «Малый народ» определяет себя не через утвердительные ценности, но через противопоставление доминирующей культуре.

3. Стремлением к разрушению: главная цель «Малого народа» состоит не в строительстве альтернативного порядка, но в демонтаже существующего.

4. Элитарным самосознанием: «Малый народ» рассматривает себя как просвещённое меньшинство, призванное освободить «Большой народ» от оков традиции — даже вопреки воле последнего.

Шафаревич прослеживает проявления «Малого народа» на протяжении всей русской истории — от западников XVIII века до революционной интеллигенции XIX-го и большевиков XX-го. По его убеждению, «Малый народ» сыграл решающую роль в катастрофах, постигших Россию: разрушении традиционного крестьянского уклада, преследовании Церкви и физическом уничтожении носителей национальной культуры.

Лев Гумилёв: антисистемы и этнические химеры

Этноисторик и географ Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992) подходил к проблематике деструктивных групп меньшинств с принципиально иных позиций. В рамках своей теории пассионарности — изложенной в трудах «Этногенез и биосфера Земли» и «Конец и вновь начало» — Гумилёв разработал концепции «антисистемы» и «этнической химеры», представляющие его специфический вклад в анализ феномена «Малого народа».

Понятие «пассионарности» обозначает в теории Гумилёва сверхиндивидуальный энергетический импульс, побуждающий индивидов и группы к целенаправленной деятельности, направленной на преобразование окружающего мира. Пассионарность распределена внутри этноса неравномерно: большинство населения составляют «гармоничные люди» (те, у кого инстинкт самосохранения и способность к созидательной деятельности находятся в равновесии), тогда как меньшинство — «пассионарии» (те, у кого стремление к деятельности превышает инстинкт самосохранения) и «субпассионарии» (те, у кого инстинкт самосохранения подавлен, однако не в пользу созидательной активности, но в пользу деструктивных импульсов).

«Антисистема» в понимании Гумилёва представляет собой суперэтническое образование, объединённое негативным мироощущением, — то есть системой ценностей, ориентированной не на утверждение жизни, но на её отрицание. Антисистемы возникают, как правило, на стыке различных этнических традиций, в зонах культурного контакта и смешения. К их характерным чертам относятся: отвержение материального мира как фундаментально злого; стремление к упрощению и разрушению сложных культурных форм; использование риторики освобождения и равенства для

маскировки деструктивных целей; паразитическое существование за счёт окружающей этнической среды.

Понятие «этнической химеры» тесно связано с понятием «антисистемы». Химера в терминологии Гумилёва — это образование, возникающее при контакте несовместимых этнических традиций, принадлежащих различным суперэтносам и потому не поддающихся интеграции в гармоничный синтез. Химера характеризуется внутренней несвязностью, отсутствием позитивной жизнеутверждающей программы и тенденцией к разрушению как этнических традиций, из которых она возникла, так и окружающей этнической среды.

Гумилёв иллюстрирует свои концепции историческими примерами: хазары (как химера степной кочевой и еврейской торговой традиций), катары (как антисистема, ориентированная на отрицание материального мира), большевики (как антисистема, возникшая на стыке русской революционной традиции и западного марксизма).

Методологическая ценность концепций Гумилёва заключается в общей структурной модели: в идее о том, что деструктивные образования меньшинств возникают в зонах культурного контакта, объединены негативным мироощущением и оказывают непропорционально большое влияние на окружающую социальную среду, эксплуатируя энергию большинства в собственных целях.

Сравнительный анализ: общие структурные черты и расхождения

Сопоставление трёх рассматриваемых концепций обнаруживает как существенные точки схождения, так и важные расхождения.

Общие структурные черты могут быть резюмированы следующим образом. Все три автора выявляют в теле крупных социальных образований компактные группы, характеризующиеся: идеологической замкнутостью и внутренней сплочённостью; негативной или оппозиционной идентичностью; стремлением к трансформации или разрушению окружающего социального порядка; непропорционально большим влиянием на социальные процессы относительно своей численности; использованием универсальной риторики (свободы, равенства, прогресса, освобождения) для продвижения частных интересов.

Принципиальные расхождения касаются природы и генезиса этих групп. Для Кошена «общества мысли» — сугубо социологические образования, возникающие там, где добровольные ассоциации организованы по принципу идеологического отбора. Для Шафаревича «Малый народ» — цивилизационное образование с имплицитными этническими измерениями,

возникающее при встрече различных культурных традиций в едином политическом пространстве. Для Гумилёва антисистемы и химеры — этноисторические образования, возникающие при контакте несовместимых суперэтнических традиций и обладающие квазибиологическим характером.

Эти расхождения отражают более глубокие методологические различия. Кошен работает в рамках исторической социологии и озабочен механизмами формирования мнений и политической мобилизации. Шафаревич работает в рамках цивилизационной философии и озабочен динамикой культурного антагонизма. Гумилёв работает в рамках этноистории и геополитики и озабочен биологическими и географическими детерминантами этнического поведения.

Риск нормативной стигматизации и необходимость критической рефлексивности

Рассматриваемые концепции несут в себе значительный риск идеологической инструментализации. Сама логика понятия «Малого народа» — выявление компактной группы, оказывающей деструктивное влияние на большинство, — легко поддаётся использованию в целях делигитимации любого меньшинства, оказывающегося в оппозиции к доминирующему консенсусу. Этнические меньшинства, религиозные диссиденты, политические оппозиционеры и интеллектуальные критики установленного порядка могут быть заклеены как «Малый народ» или «антисистема», что служит обоснованием их маргинализации или преследования.

Поэтому необходимо настаивать на соблюдении ряда методологических предосторожностей при использовании этих концепций.

1. Принцип социологического универсализма: категории «Малого народа», «антисистемы» и «общества мысли» должны применяться универсально, безотносительно к этнической, религиозной или политической идентичности исследуемых групп. Любая идеологически замкнутая группа, оказывающая непропорциональное влияние на социальные процессы посредством механизмов, описанных Кошеном, Шафаревичем и Гумилёвым, может быть проанализирована с использованием этих категорий — вне зависимости от того, представляет ли она меньшинство или большинство, маргинальную или доминирующую позицию в социальном поле.

2. Принцип эмпирической верификации: приписывание черт «Малого народа» какой-либо конкретной группе должно быть основано на эмпирических свидетельствах и допускать фальсификацию.

3. Принцип рефлексивности: исследователь обязан осознавать политические импликации применяемых понятий и эксплицитно рассматривать риск их идеологической инструментализации.

Современная актуальность: сетевое общество и новые конфигурации «Малого народа»

В условиях современного сетевого общества механизмы влияния малых идеологически сплочённых групп претерпели качественную трансформацию. Цифровые платформы, социальные медиа и транснациональные гражданские сети порождают новые конфигурации «Малого народа», не вписывающиеся в классические схемы Кошена, Шафаревича или Гумилёва, однако сохраняющие фундаментальные структурные черты, описанные этими мыслителями.

Современные «общества мысли» — в Кошеновском смысле — проявляются в форме экспертных сообществ, аналитических центров, редакционных коллегий влиятельных изданий и активистских сетей внутри платформ социальных медиа. Эти образования разделяют характерные черты исходной Кошеновской модели: идеологическую замкнутость, подмену эмпирической реальности символической, олигархию активистов, контролирующую повестку дня, и миссионерский экспансионизм. Их влияние на публичный дискурс и политические решения непропорционально их численности именно потому, что они контролируют ключевые узлы циркуляции информации и производства смыслов.

Концепция «антисистемы» находит современное применение в анализе нигилистических субкультур, акселерационистских движений и отдельных форм радикального энвайронментализма, ориентированных не на строительство альтернативного социального порядка, но на разрушение существующего. Эти образования разделяют ключевую гумилёвскую характеристику антисистемы: негативное мироощущение, рассматривающее существующий мир как фундаментально злой и стремящееся к его упрощению или уничтожению.

Концепция «этнической химеры» может быть переосмыслена в современном контексте как модель для анализа диаспорных сообществ и транснациональных идентичностей, существующих на стыке множества культурных традиций, не будучи полностью интегрированными ни в одну из них. Подобные сообщества могут демонстрировать внутреннюю несвязность и тенденцию к культурной деструкции, приписанные Гумилёвым химерам, — не вследствие какой-либо имманентной биологической несовместимости, но по причине структурных напряжений, порождаемых

одновременным участием в множественных, взаимно несовместимых символических вселенных.

Концепции «Малого народа», «антисистемы» и «этнической химеры», разработанные соответственно Кошеном, Шафаревичем и Гумилёвым, представляют собой значительный вклад в понимание механизмов, посредством которых компактные, идеологически сплочённые группы оказывают непропорциональное влияние на масштабные социальные и культурные процессы. Невзирая на существенные различия в методологических основаниях и дисциплинарной принадлежности, все три концепции сходятся в общей структурной модели: выявлении образований, характеризующихся идеологической замкнутостью, негативной идентичностью, деструктивной ориентацией и использованием универсальной риторики для продвижения частных интересов.

Вместе с тем эти концепции несут в себе значительный риск идеологической инструментализации и нормативной стигматизации. Их применение требует критико-рефлексивного и междисциплинарного подхода, сочетающего аналитическую продуктивность понятий с осознанием их политических импликаций и приверженностью принципам социологического универсализма, эмпирической верификации и методологической рефлексивности.

Современная актуальность этих концепций обусловлена трансформациями сетевого общества, породившего новые конфигурации «малых народов», которые сохраняют фундаментальные структурные черты классических моделей, одновременно выходя за рамки их конкретных исторических и этнических контекстов. Критико-рефлексивное осмысление наследия Кошена, Шафаревича и Гумилёва может способствовать более адекватному пониманию динамики современных социальных и культурных процессов.

Список литературы:

1. Быстрянец, С. Б. Фундаментальная роль методологии в социологии и других общественных науках. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnaya-rol-metodologii-v-sotsiologii-i-drugih-obschestvennyh-naukah/viewer>.
2. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: Прогресс, 1979.
3. Гумилёв, Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. — М.: Экопрос, 1993.

4. Жежко-Браун, И. В. Проблемы методологического движения. URL: <https://conflictmanagement.ru/wp-content/uploads/2025/01/metodologiya.pdf>.
5. Шафаревич, И. Р. Русофобия. — М.: Советский писатель, 1989.
6. Шафаревич, И. Р. Социализм как явление мировой истории. — Париж: YMCA-Press, 1977.
7. Cochin A. Les Sociétés de pensée et la démocratie. Paris: Librairie Vrin, 1921.
8. Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983.
9. Schäfer P. The Jewish Century and Its Critics: Reconsidering Shafarevich. *Journal of Modern History*. 2003.
10. Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance. New Haven: Yale Univ. Press, 1990.
11. Thiesse A. P. (ed.). Auguste Comte et la politique. Paris: CNRS Éditions, 2008.
12. Tilly C. Social Movements, 1768-2004. Boulder: Paradigm, 2004.

Жуков М.В.

Архетип духовного воина в индуистской, христианской и русской традициях: единство и специфика

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье на основе методологии интегрального традиционализма (Р. Генон, Ю. Эвола, А.К. Кумарасвами, Ф. Шуон) исследуется архетип духовного воина в трёх культурно-религиозных контекстах: индуистском (Арджуна), христианском (Георгий Победоносец, воины-мученики, преподобные, юродивые) и русском (князья-страстотерпы Борис и Глеб, Александр Невский, Дмитрий Донской, Илья Муромец). Выявляется инвариантная структура архетипа: медиация между уровнями реальности, инициатический путь, делегированный характер силы, социальная значимость подвига, эсхатологическое измерение смерти. Анализируются специфические акценты каждой традиции: метафизическое осознание долга и отречение от плодов действия в индуизме; перевод воинской инициации в язык святости, многообразие ликов святости и перенос источника силы в трансцендентное в христианстве; соборное измерение подвига, связь со страданием и жертвой, синтез воинского служения и смирения в русском героизме. Делается вывод о единстве архетипа при многообразии культурных форм, что подтверждает тезис традиционализма о существовании Примордиальной Традиции. Результаты могут быть использованы для диагностики псевдоморфозы героического архетипа в современной культуре.

Ключевые слова: духовный воин, архетип, интегральный традиционализм, кшатрий, инициация, святость, соборность, героизм, Примордиальная Традиция, псевдоморфоза.

M.V Zhukov

THE ARCHETYPE OF THE SPIRITUAL WARRIOR IN HINDU, CHRISTIAN AND RUSSIAN TRADITIONS: UNITY AND SPECIFICITY

Based on the methodology of integral traditionalism (R. Guénon, J. Evola, A.K. Coomaraswamy, F. Schuon), the article examines the archetype of the spiritual warrior in three cultural and religious contexts: Hindu (Arjuna), Christian (George the Victorious, warrior-martyrs, ascetics, fools-for-Christ) and Russian (passion-bearing princes Boris and Gleb, Alexander Nevsky, Dmitry Donskoy, Ilya

Muromets). The invariant structure of the archetype is revealed: mediation between levels of reality, initiatory path, delegated nature of power, social significance of the feat, eschatological dimension of death. Specific accents of each tradition are analyzed: metaphysical awareness of duty and renunciation of the fruits of action in Hinduism; translation of military initiation into the language of holiness, the diversity of the faces of holiness and the transfer of the source of power to the transcendent in Christianity; the conciliar dimension of the feat, the connection with suffering and sacrifice, the synthesis of military service and humility in Russian heroism. The conclusion is made about the unity of the archetype despite the diversity of cultural forms, which confirms the traditionalist thesis about the existence of the Primordial Tradition. The results can be used to diagnose the pseudomorphosis of the heroic archetype in modern culture.

Key words: spiritual warrior, archetype, integral traditionalism, kshatriya, initiation, holiness, sobornost, heroism, Primordial Tradition, pseudomorphosis.

Сакральный героизм, в отличие от его современных профанических имитаций, не поддаётся адекватному осмыслению в рамках эволюционистских или прогрессистских концепций, которые трактуют Традицию и Современность как звенья линейной хронологической цепи. В современной культуре, характеризуемой традиционалистами как «царство количества» и Антитрадиция, образы героев претерпевают псевдоморфозу — иначе говоря, сакральное содержание подменяется профанным при внешнем сохранении формы. Указанная трансформация находит выражение в таких явлениях, как герой-прогрессист, коммерческий супермен, рефлексирующий антигерой и, наконец, медийная «звезда», чей виртуальный образ окончательно замещает реальный поступок. Для корректной диагностики данного процесса необходимо обратиться к подлинному, метафизическому измерению героизма, которое сохранилось в различных традиционных культурах. Сопоставительный анализ того, как архетип духовного воина воплощался в индуистской, христианской и русской традициях, позволяет выявить инвариантную структуру сакрального героизма, а следовательно, точнее распознать его современную псевдоморфозу.

Проблематика героического архетипа разрабатывалась в сравнительной мифологии (Дж. Кэмпбелл, М. Элиаде), структурализме (К. Леви-Строс), психоанализе (К.Г. Юнг). Однако названные подходы, при всей их несомненной ценности, либо сводят сакральное к социальным или психическим механизмам, либо ограничиваются синхронным описанием,

не затрагивая онтологического статуса архетипа. Иную перспективу открывает интегральный традиционализм (Р. Генон, Ю. Эвола, А.К. Кумарасвами, Ф. Шуон), в рамках которого традиционные культуры рассматриваются не как «прошлое» западной цивилизации, а как самостоятельные, онтологически замкнутые системы координат, организованные вокруг сакральных принципов. В данной парадигме архетип «духовного воина» предстаёт не как исторически изменчивый образ, а как инвариантная структура, реализующаяся в различных культурных формах. Для настоящего исследования особое значение имеют работы Ю. Эволы, акцентирующего воинский, инициатический путь кшатрия, а также труды русских религиозных философов (Г.П. Федотова, И.А. Есаулова, В.Н. Топорова), анализировавших специфику русского героического идеала.

Цель статьи — на основе сравнительного анализа выявить единство и специфику архетипа духовного воина в индуистской, христианской и русской традициях. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: 1) эксплицировать методологическую рамку интегрального традиционализма применительно к анализу героического; 2) выявить инвариантные черты архетипа, общие для всех трёх традиций; 3) определить специфические акценты, вносимые каждой традицией; 4) показать, как эти акценты связаны с особенностями религиозного и цивилизационного контекста; 5) обосновать значение данного архетипа для диагностики современной псевдоморфозы героизма.

Исследование опирается на принципы интегрального традиционализма, в частности на различение структурного анализа (синхронное изучение внутреннего устройства топик) и системного подхода (диахроническое рассмотрение смены доминирующих парадигм). Ключевыми понятиями выступают «сакральная функция», «инициатический путь», «делегированная сила», «псевдоморфоза». Сравнительный анализ проводится на материале священных текстов («Бхагавад-гита»), агиографической литературы (жития Георгия Победоносца, Бориса и Глеба, Александра Невского, Дмитрия Донского), а также трудов отечественных и западных исследователей традиции. В работе используются методы герменевтического анализа, сравнительно-типологический и структурно-семиотический методы.

Наиболее разработанную и философски рефлексивную концепцию духовного воина, по нашему убеждению, предлагает индуистская традиция. В ней фигура героя-воина (кшатрия) вписана в строгую метафизическую систему, изложенную в священных текстах, прежде всего в «Бхагавад-гите»

(часть эпической поэмы «Махабхарата»). Арджуна, главный герой этого текста, представляет собой классический пример прохождения инициатического наставления перед лицом решающей битвы. Ситуация Арджуны экзистенциально предельная: он вынужден сражаться против своих родственников, учителей и друзей, что ставит его перед мучительным моральным выбором. Его колебания — не трусость, а проявление глубинной этической рефлексии, свойственной кшатрию, осознающему последствия своих действий. В первой главе «Гиты» Арджуна восклицает: «Не вижу я блага в том, чтобы убить своих же в битве». Кришна, выступающий в роли колесничего и духовного наставника, раскрывает Арджуне метафизический смысл его воинского долга (дхармы). Суть наставления сводится к тому, что подлинный герой действует не из личных пристрастий или привязанностей, но из осознания вечной природы души (атмана) и своей функциональной роли в поддержании космического порядка. «На тебя взирая с жалостью недостойной, / Не просветлённой речью говоришь ты. / Мудрые не скорбят ни о живых, ни о павших» — обращается Кришна к Арджуне, призывая его к действию, свободному от привязанности к плодам [7, с. 45]. Ключевые принципы, изложенные Кришной, включают бессмертие души («Не может родиться и умереть тот, кто существует. Он не имеет начала, он вечен и не умирает, когда умирает тело»), дхарму как космический закон (исполнение своего долга важнее личных привязанностей) и карма-йогу (действие без привязанности к результату, действие как жертва). Битва на Курукшетре в этом контексте предстаёт не просто как военное столкновение, но как космическая драма, в которой герой становится сознательным соучастником божественного плана. Сила Арджуны — не в его личной доблести, а в том, что он действует как инструмент высшей воли, что подчёркивает делегированный, а не автономный характер подлинного героизма. Индуистская традиция, таким образом, даёт наиболее отрефлексированную модель героического действия как бескорыстного служения дхарме, где внутренняя мотивация (отречение от плодов) важнее внешнего результата [4, с. 134]. Герой здесь — не столько воин, сколько метафизик действия. Его подвиг — это не столько физическое преодоление, сколько духовное прозрение, позволяющее действовать в соответствии с космическим законом, не отождествляясь с действием.

Христианство, унаследовавшее от античности и Ветхого Завета богатый героический эпос, переосмыслило его в свете евангельского благовестия, создав уникальный синтез, в котором воинская доблесть и святость соединяются в фигуре «воина Христова». Ветхозаветные образы

судей и царей Израиля — Гедсона, Самсона, Давида — предстают как исполнители божественной воли, защитники народа Божьего. Их сила, однако, неизменно связывается с верностью Завету: утрата этой связи ведёт к падению, что наиболее трагически явлено в истории Самсона, чья невиданная мощь оставляет его, как только он нарушает назорейский обет. В Новом Завете акцент смещается с внешней брани на внутреннюю. Апостол Павел в Послании к Ефесеянам создаёт образ «всеоружия Божия» (Еф. 6: 11–17), где воинские доспехи — шлем спасения, щит веры, меч духовный — становятся метафорами добродетелей, необходимых для борьбы с «духами злобы поднебесной». Тем самым закладывается парадигма, в которой подлинный герой сражается не столько с плотским врагом, сколько с грехом и дьяволом в собственной душе и в мире.

Фигура Георгия Победоносца является здесь не просто показательной, но архетипической. Его житие внешне воспроизводит классическую героическую схему: он сражается с чудовищем (змеем), спасает царевну и целый город, проявляет чудеса храбрости. Однако, как справедливо отмечает С.С. Аверинцев, «символика змееборчества в христианстве принципиально иная, чем в языческих мифах: это не просто космическая драма, но драма спасения, где победа над внешним чудовищем знаменует победу веры над язычеством, света над тьмой» [1, с. 234]. Георгий сражается не просто с физическим чудовищем, а с драконом зла, с самим дьяволом. Его победа — это победа мученичества за Христа, которую он запечатлевает своей кровью. Здесь воинское и святое соединяются в неразрывном единстве: Георгий — святой воин, чей меч освящён верой, а сила проистекает не из физической мощи, а из молитвы и причастия божественной благодати. Как отмечает Эвола, в христианстве происходит «перевод воинской инициации на язык святости», где духовная брань против греха и страстей становится внутренним аналогом внешних подвигов [11, с. 267].

Христианская агиография знает множество ликов святости, которые по-разному воплощают героический идеал. Воины-мученики первых веков (Димитрий Солунский, Феодор Стратилат, Феодор Тирон) используют своё служебное положение для защиты христиан, а когда приходит время выбора между верностью императору и верностью Христу, они без колебаний избирают мученический венец. Здесь героизм проявляется не в нападении, а в стойкости, не в победе над врагом, а в верности до конца, вплоть до смерти. Их подвиг — это прямое продолжение евангельской заповеди: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Преподобные-аскеты (Антоний Великий, Мария Египетская,

Сергий Радонежский) уходят из мира, чтобы в пустыне вести невидимую брань с демонами. Их «подвиги» кажутся прямо противоположными воинским: они постятся, молятся, терпят лишения, удаляются от людей. Однако в христианской традиции они осмысляются именно как войны, сражающиеся с более сильным противником — с самим сатаной и с собственными страстями. Как пишет Е.В. Тростникова, «пустыня для монаха — то же поле брани, что для воина — реальное поле боя; здесь решается судьба его души и, в мистическом смысле, судьба всего мира, ибо молитва подвижника удерживает небеса от падения» [10, с. 156]. Этот тип героизма — сугубо созерцательный, но от того не менее действенный — является уникальным вкладом христианства в мировую героическую традицию. Юродивые Христа ради (особое развитие в русской традиции, но известные и в византийском христианстве) добровольно отказываются от разума, социального статуса, элементарных приличий, чтобы обличить мир в его грехах и явить иную, парадоксальную логику веры. Их «безумство» есть высшая форма мудрости, а их унижение — путь к славе. Как отмечает Г.П. Федотов, «юродство — это крайняя форма распятия мира в себе и себя для мира, это героизм самоуничижения, непостижимый для профанного сознания» [9, с. 278].

Христианская традиция не просто заимствует архаические героические схемы, но существенно их преобразует, привнося принципиально новые акценты. В центр выдвигается не физическая мощь и не воинская удача, а смирение, вера, верность, готовность к жертве и любовь до конца. Источник силы окончательно и бесповоротно перемещается из сферы имманентного (физические качества, магические артефакты) в сферу трансцендентного (благодать Божия, дары Святого Духа). Герой действует не сам по себе, но «уже не я живу, но живёт во мне Христос» (Гал. 2:20). Это делает христианский героизм, с одной стороны, принципиально недостижимым для профанического подражания (ибо благодать не приобретается усилиями, а даруется свыше), а с другой — открывает путь к святости для любого человека, независимо от его социального положения, физических данных или жизненных обстоятельств.

Этот многомерный и глубокий образ сакрального героя, разработанный христианством, получил своё наиболее полное и органичное развитие в русской культурной традиции. Именно на Руси синтез воинского служения и святости, жертвенности и соборности достиг той степени глубины и народного признания, которая позволяет говорить об особом —

русском — типе героического архетипа, ставшем фундаментом национальной идентичности.

Фундаментальная особенность русского героического архетипа — неразрывное единство святости и воинского служения. Если в западноевропейской традиции постепенно происходит дифференциация фигур святого и рыцаря (при сохранении их взаимосвязи), то на Руси этот синтез сохраняется в наиболее чистой форме. Князя-страстотерпцы Борис и Глеб, канонизированные не за воинские подвиги, а за добровольное принятие мученической смерти в подражание Христу, задают парадигму, в которой смирение и незлобие становятся высшей формой духовной доблести. Как отмечает Г.П. Федотов, «в Борисе и Глебе русская святость нашла своё первое и наиболее чистое выражение — кротость и жертвенность как национальный идеал» [9, с. 45]. Это не отказ от героизма как такового, а его сублимация: внешнее бездействие оказывается исполненным глубокого духовного действия. Борис и Глеб, сознательно не оказывая сопротивления убийцам, уподобляются Христу, добровольно идущему на страдания.

Иной, но столь же значимый модус представляет фигура Александра Невского, в которой воинское служение и святость соединяются неразрывно. Князь, защитивший Русь от крестоносного нашествия, выступает не просто как талантливый полководец, но как хранитель православной веры, как «столп земли Русской». Его знаменитые слова: «Не в силе Бог, а в правде» — выражают квинтэссенцию русского понимания героизма, где сила легитимируется только через правду, через служение высшей духовной истине. Житийная традиция подчёркивает, что победы Александра — это не столько результат воинского искусства, сколько следствие молитвы и божественного заступничества. Как справедливо указывает И.А. Есаулов, в русской культуре «победа понимается прежде всего как духовная победа, как торжество правды над неправдой, а не как простое военное превосходство» [4, с. 78]. Дмитрий Донской, благословляемый Сергием Радонежским на Куликовскую битву, продолжает эту линию. Сама фигура преподобного Сергия, отправляющего князя на войну, знаменательна: святость и воинское служение вступают в союз, освящая ратный подвиг как дело богоугодное. Монахи-воины Пересвет и Ослябя, участники битвы, становятся зримым воплощением этого синтеза. Как отмечает В.Н. Топоров, «Куликовская битва осмысливается в русском национальном сознании не просто как военное столкновение, но как событие сакральной истории, как противостояние света и тьмы, христианства и "безбожной орды"» [8, с. 312]. Героизм здесь приобретает ярко выраженное эсхатологическое

измерение: битва воспринимается не просто за землю, а за веру, за сам смысл истории.

Важной чертой русского героического архетипа является его соборное измерение. Герой в русской традиции редко действует как автономная индивидуальность; он всегда выражает волю и чаяния народа, его личная судьба неотделима от судьбы общины, земли, государства. Илья Муромец, победив Соловья-разбойника и очистив путь к стольному Киеву, действует не ради личной славы, а ради «вдов и сирот», ради всего русского люда. В этом он принципиально отличается, скажем, от Ахиллеса, чьи мотивы часто сугубо личные (обида, жажда славы). Как подчёркивает Ф.М. Достоевский, «в русском характере есть черта всемирной отзывчивости», и эта черта проявляется и в героическом идеале: подлинный герой жертвует собой за всех, его подвиг — это акт соборного служения, а не индивидуального самоутверждения [3, с. 176]. Наконец, русский героизм характеризуется особой связью со страданием и жертвой. Герой не просто побеждает, но часто принимает мученическую кончину, и эта смерть осмысливается как высшая форма подвига, как уподобление Христу. Святые князья-страстотерпцы, тысячи новомучеников XX века, герои-воины, павшие на полях сражений, — все они входят в народную память не столько как триумфаторы, сколько как жертвенные заступники. Как отмечает Н.А. Бердяев, «русскому народу свойственно искать Царства Божьего, а не земного устройства», и эта эсхатологическая устремлённость придаёт русскому героическому идеалу особую глубину и трагизм [2, с. 89].

Русский тип героизма, сохраняя все сущностные черты традиционного архетипа (служение высшему, инициатическое испытание, социальная значимость подвига), акцентирует особые грани: неразрывность воинского служения и святости, соборное измерение подвига, связь со страданием и жертвой. Это делает его ценнейшим материалом для понимания того, как универсальные метафизические принципы конкретизируются в национальной традиции, и как они затем трансформируются в условиях секулярного модерна. Важно отметить, что русская традиция не оставалась неизменной. Советская эпоха предложила идеологическую псевдоморфозу этих архетипов. Образы Александра Невского, Дмитрия Донского были секуляризованы и использованы для легитимации советского патриотизма (знаменитая речь Сталина в ноябре 1941 года). Герои-комсомольцы, панфиловцы, Зоя Космодемьянская воспринимались в народном сознании часто через те же архетипические структуры жертвенности и соборного служения, но уже в секулярной, идеологической обёртке. Это создало

сложный сплав традиционного и модернистского, который до сих пор определяет специфику современного российского героического канона.

При всех различиях рассмотренных культурных архетипов героя, эти образы объединяет глубинная структурная общность. Во всех случаях герой действует не по личному произволу, а во исполнение высшего закона (дхарма, воля богов, завет Христа, правда Божия). Его путь включает испытания, часто связанные с нисхождением в смерть или в иной мир (символическое или реальное). Его подвиг имеет значение не только для него самого, но для всего сообщества (восстановление порядка, основание города, защита веры, защита земли Русской). Его сила имеет источник выше человеческого (божественное покровительство, магический артефакт, благодать, молитва). И наконец, его смерть, если она наступает, не является поражением, но переходом в иное состояние (бессмертие, небесная слава, небесное заступничество). Каждая культурная традиция акцентирует ту или иную сторону этого архетипа. Индуизм акцентирует метафизическое осознание долга, отречение от плодов действия, предлагая наиболее философски рефлексивную модель. Христианство переводит воинскую инициацию в язык святости, делая героическое доступным не только воину, но и монаху, юродивому, мученику. Русская традиция, сохраняя христианскую основу, усиливает соборное измерение подвига и его связь со страданием, формируя архетип «жертвенного заступника», действующего не от себя, а от лица народа. В совокупности они создают многомерный и целостный образ сакрального героя, который радикально отличается от тех профанических и псевдоморфных репрезентаций, которые господствуют в современной массовой культуре, где героизм подменяется либо идеологическим конструированием, либо коммерческой симуляцией, либо технологической утопией трансгуманизма.

Заключение

Проведённое исследование полностью подтвердило выдвинутую цель и позволило решить все поставленные задачи. В соответствии с первой задачей была эксплицирована методологическая рамка интегрального традиционализма применительно к анализу героического. Было показано, что в рамках этого подхода архетип духовного воина понимается не как исторически изменчивый образ, а как инвариантная сакральная функция, реализующаяся в различных культурных формах. Ключевыми понятиями выступили «сакральная функция», «инициатический путь», «делегированная сила», «псевдоморфоза», а также различение структурного

анализа (синхронное изучение внутреннего устройства топик) и системного подхода (диахроническое рассмотрение смены доминирующих парадигм).

Вторая задача — выявление инвариантных черт архетипа, общих для всех трёх традиций — была решена в ходе сравнительного анализа. Было установлено, что во всех рассмотренных случаях герой действует во исполнение высшего закона, проходит через испытания, его подвиг имеет социальное значение, сила проистекает из трансцендентного источника, а смерть, если она наступает, не является поражением, но переходом в иное состояние. Эти пять признаков образуют инвариантную структуру архетипа духовного воина.

Третья задача — определение специфических акцентов, вносимых каждой традицией — была решена путём детального анализа каждой из трёх традиций. Было показано, что индуизм акцентирует метафизическое осознание долга и отречение от плодов действия, предлагая наиболее философски рефлексивную модель. Христианство переводит воинскую инициацию в язык святости, делая героическое доступным не только воину, но и монаху, юродивому, мученику. Русская традиция, сохраняя христианскую основу, усиливает соборное измерение подвига и его связь со страданием, формируя архетип «жертвенного заступника», действующего не от себя, а от лица народа.

Четвёртая задача — показать, как эти акценты связаны с особенностями религиозного и цивилизационного контекста — была решена через сопоставление религиозно-философских оснований каждой традиции. Было показано, что метафизическая рефлексия индуизма связана с учением о дхарме и карма-йоге, христианский перевод воинской инициации в язык святости — с евангельской этикой смирения и любви, а русский акцент на соборности и жертвенности — с особенностями православной духовности и исторического развития России.

Наконец, пятая задача — обосновать значение данного архетипа для диагностики современной псевдоморфозы героизма — была решена через сопоставление выявленного сакрального архетипа с теми профаническими симулякрами, которые господствуют в современной массовой культуре (герой-прогрессист, коммерческий супермен, антигерой, медийная «звезда»). Понимание подлинного архетипа духовного воина позволяет адекватно диагностировать, что именно утрачивается и чем замещается в мире «царства количества» и Антитрадиции.

Таким образом, центральный тезис интегрального традиционализма о единстве архетипа при многообразии культурных форм получил в статье

эмпирическое подтверждение на материале трёх различных традиций. Архетип духовного воина, подобно кристаллу, поворачивается разными гранями в зависимости от духовного климата и цивилизационного контекста, но неизменно сохраняет свою глубинную структуру. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего сравнительного анализа с другими традициями (исламской, буддийской, синтоистской), а также для углублённого изучения псевдоморфозы героического архетипа в культуре модерна и постмодерна. Особый интерес представляет сопоставление с образами героев в современной политической мифологии, где традиционные архетипы часто используются в инструментальных целях, что открывает перспективы для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Аверинцев, С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М.: Coda, 2004. — 480 с.
2. Бердяев, Н.А. Русская идея. — М.: АСТ, 2010. — 336 с.
3. Достоевский, Ф.М. Речь о Пушкине // Полное собрание сочинений. — Л.: Наука, 1984. — Т. 26. — С. 136-149.
4. Есаулов, И.А. Пасхальность русской словесности. — М.: Кругъ, 2004. — 560 с.
5. Генон, Р. Очерки о традиции и метафизике / пер. с фр. — СПб.: Азбука, 2010. — 480 с.
6. Кумарасвами, А.К. Преображение природы в искусстве / пер. с англ. — М.: Беловодье, 2011. — 256 с.
7. Бхагавад-гита / пер. с санскр. Б.Л. Смирнова. — Ашхабад: Ылым, 1978. — 300 с.
8. Топоров, В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. — М.: Гнозис, 1995. — Т. 1. — 872 с.
9. Федотов, Г.П. Святые Древней Руси. — М.: АСТ, 2003. — 256 с.
10. Тростникова, Е.В. Монашество как воинское служение // Альфа и Омега. — 2001. — № 2 (28). — С. 154-160.
11. Эвола, Ю. Оседлать тигра / пер. с итал. — СПб.: Владимир Даль, 2005. — 560 с.
12. Шуон, Ф. Трансцендентное единство религий / пер. с англ. — М.: Беловодье, 2012. — 480 с.
13. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении / пер. с фр. — М.: Ладомир, 2000. — 280 с.

«Современные практики экономики и управления»

УДК 620.9

М.С. Ганков, М.В. Якунина

Методы экономического обоснования инновационного совершенствования систем теплоэнергетики

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье рассмотрены особенности и значение энергоэффективности, основные методы российской и зарубежной практик оценки эффективности, рисков и целесообразности внедрения новых технологий и организационных решений при совершенствовании систем теплоэнергетики

Ключевые слова: теплоснабжение, эффективность теплоэнергетики, инновации, методы оценки.

M.S. Gankov, M.V. Yakunina

Methods of economic justification of innovative improvement of thermal power engineering systems

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article discusses the features and significance of energy efficiency, the main methods of Russian and foreign practices for assessing the effectiveness, risks, and feasibility of introducing new technologies and organizational solutions for improving thermal power engineering systems.

Key words: heat supply, thermal power engineering efficiency, innovations, assessment methods

Тема исследования продиктована рядом стратегических, экономических и социальных факторов, которые сегодня определяют развитие теплоэнергетики в России и мире. Теплоснабжение — одна из ключевых инфраструктурных отраслей, от которой зависит жизнедеятельность городов и регионов. В России на производство и транспортировку тепловой энергии ежегодно выделяются значительные бюджетные и тарифные ресурсы. Повышение экономической и энергетической эффективности теплоэнергетики — приоритет государственной политики, поскольку любые сбои в этой сфере могут привести к серьёзным социальным и гуманитарным последствиям.

Современные требования к системам теплоснабжения включают не только энергоэффективность, но и обеспечение безопасности для населения. В России сохраняется высокий уровень аварийности на тепловых сетях, что приводит к человеческим жертвам и значительным экономическим потерям. Переход к инновационным, безопасным и энергоэффективным технологиям — это не только техническая, но и социально-экономическая задача, связанная с национальной безопасностью и устойчивым развитием городов.

Инновационное совершенствование систем теплоэнергетики позволяет снизить эксплуатационные издержки, сократить потери энергии, повысить надёжность и инвестиционную привлекательность отрасли. Внедрение современных технологий (например, низкотемпературные графики, полимерные трубы, конденсационные котлы) обеспечивает экономию топлива, снижение тарифов для потребителей и уменьшение экологической нагрузки.

В условиях ограниченных ресурсов и необходимости модернизации инфраструктуры государство определяет приоритеты инновационного развития теплоэнергетики, формирует механизмы инвестиционного обеспечения, стимулирует внедрение новых технологий и развитие рыночных институтов. Без системного подхода и экономического обоснования невозможно обеспечить конкурентоспособность отрасли и её устойчивое развитие.

В России теплоэнергетика характеризуется высокой степенью износа оборудования, устаревшими технологиями и неэффективной структурой управления. Инновационные программы должны учитывать отраслевые и региональные особенности, а также опираться на современные методы экономического анализа и инвестиционного проектирования.

В российской и зарубежной практике при экономическом обосновании инновационного совершенствования систем теплоэнергетики применяется комплекс методов, позволяющих оценить эффективность, риски и целесообразность внедрения новых технологий и организационных решений (таблица 1).

Таблица 1 — Основные методы экономического обоснования инновационного совершенствования систем теплоэнергетики.

Метод	Описание и применение	Российская практика	Зарубежная практика
Технико-	Оценка технических и	Используется	Широко

Метод	Описание и применение	Российская практика	Зарубежная практика
экономический анализ (ТЭА)	экономических параметров проекта, расчёт затрат, сроков окупаемости, эффективности инвестиций.	при обосновании модернизации котельных, сетей, внедрения новых технологий.	применяется для сравнения вариантов реконструкции и новых решений.
Анализ «затраты–выгоды» (Cost–Benefit Analysis, CBA)	Сопоставление всех затрат и выгод (прямых и косвенных) от внедрения инноваций, включая социальные и экологические эффекты.	Применяется в крупных инфраструктурных проектах, при поддержке государства.	Основной инструмент для государственных и частных инвестиционных решений.
Оценка жизненного цикла (Life Cycle Assessment, LCA)	Анализ экологических и экономических последствий на всех этапах жизненного цикла объекта (от проектирования до утилизации).	Внедряется в крупных энергетических компаниях, особенно при экологических аудитах.	Обязателен для проектов с существенным экологическим воздействием.
Дисконтирование денежных потоков (DCF)	Расчёт текущей стоимости будущих доходов и затрат с учётом ставки дисконтирования.	Используется для оценки инвестиционных проектов, расчёта NPV, IRR.	Стандарт для финансового анализа инвестиционных проектов.
Моделирование и сценарный анализ	Построение моделей развития отрасли/региона, анализ различных сценариев внедрения инноваций.	Применяется для стратегического планирования и прогнозирования.	Используется для оценки устойчивости проектов к внешним шокам.
Энергоаудит и диагностика	Оценка текущего состояния систем, выявление резервов энергосбережения и технико-экономических	Обязателен для крупных объектов, часто проводится по госпрограммам.	Является базой для разработки программ модернизации.

Метод	Описание и применение	Российская практика	Зарубежная практика
	возможностей модернизации.		
Организационно-экономический механизм управления	Разработка системы управления инновациями, включая нормативное, финансовое и организационное обеспечение.	Внедряется в рамках региональных программ развития теплоэнергетики.	Применяется в странах с развитым государственным регулированием.

В России особое внимание уделяется **системному подходу**: анализу не только экономической, но и социальной, экологической и технологической составляющих, а также интеграции с государственными программами энергоэффективности и безопасности. За рубежом акцент делается на **рыночных механизмах**, стандартизации процедур оценки, прозрачности и вовлечении независимых экспертов. Используются международные стандарты (например, ISO 50001 по энергоменеджменту).

В России при модернизации тепловых сетей и котельных применяются методы ТЭА, энергоаудита, DCF, а также разрабатываются типовые решения с инновационным оборудованием для масштабирования успешных практик.

В зарубежных странах (например, в ЕС) обязательным является проведение LCA и CBA для крупных инфраструктурных проектов, а также использование сценарного анализа для оценки устойчивости к климатическим и экономическим изменениям.

Таким образом, Экономическое обоснование инновационного совершенствования систем теплоэнергетики требует комплексного подхода с использованием современных методов анализа, адаптированных к российским и международным условиям. Это позволяет обеспечить не только экономическую эффективность, но и социальную значимость, экологическую безопасность и технологическую устойчивость отрасли.

Список литературы:

1. О пересмотре и оптимизации подходов к организации теплоснабжения в российских городах // C-O-K.ru. — URL: <https://www.c-o-k.ru/articles/o-peresmotre-i-optimizacii-podhodov-k-organizacii-teplosnabzheniya-v-rossiyskih-gorodah>.

2. Маркарян, А.А. Стратегия инновационного развития теплоэнергетики (на примере Республики Коми) : диссертация кандидата экономических наук : 08.00.05 / Маркарян Артур Артавазович. — 2006. — URL: <https://www.dissercat.com/content/strategiya-innovatsionnogo-razvitiya-teploenergetiki-na-primere-respubliki-komi>.
3. Глазкова, В. В. Организационно-экономический механизм эколого-экономического управления инновационным развитием ЕТО : диссертация ... кандидата экономических наук / Глазкова Валерия Викторовна. — 2026. — URL: https://mgsu.ru/science/Dissoveti/Zashita_dissert/glazkova-valeriya-viktorovna/Dissertaciya_Glazkova_VV.pdf.
4. Кикоть, Е. А. Города, новые аспекты в методах обоснования развития и реконструкции источников теплоснабжения в условиях формирования рыночных механизмов управления отраслью: монография / Е. А. Кикоть. — СПб., 2021.
5. Типовые решения с инновационным оборудованием «Силовых машин» станут основой развития российской энергетики // RusCable.ru. — 02.04.2026. — URL: https://www.ruscable.ru/news/2026/04/02/Tipovye_resheniya_s_innovatsionnym_oborudovaniem_S/.
6. Модернизация энергетической инфраструктуры России: вызовы и перспективы // Деловой профиль. — 2025. — URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/modernizaciya-ehnergeticheskoy-infrastruktury-rossii/>.

В.К. Крутиков, В.А. Якунина

Обоснование внедрения «Битрикс 24» в деятельность ИП Якунина В.А.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье представлено обоснование совершенствования деятельности фирмы на основе внедрения CRM-системы.

Ключевые слова: цифровизация бизнес-процессов, программные продукты, оценка эффективности цифровизации.

V.K. Krutikov, V.A. Yakunina

Justification of the implementation of «Bitrix 24» in the activities

IP Yakunina V.A.

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article presents the justification of improving the activities of the firm on the basis of the implementation of the CRM system.

Key words: digitalization of business processes, software products, assessment of the effectiveness of digitalization.

В условиях цифровой трансформации экономики особое значение приобретает повышение эффективности деятельности предприятий малого бизнеса, особенно в таких отраслях, как полиграфия, где высокая конкуренция, необходимость оперативного обслуживания клиентов и минимизация издержек играют ключевую роль в обеспечении устойчивости и развития.

В процессе анализа деятельности фирмы было выявлено, что в деятельности ИП Якунина В.А. используется ряд программных продуктов, обеспечивающих допечатную подготовку. Однако это является недостаточным для эффективного функционирования фирмы, в частности, имеются потери по браку, имиджевые риски и перерасход денежных средств на оплату переработки сотрудников. Все эти негативные тенденции являются следствием низко результативной организации взаимодействия между персоналом, что решается с помощью внедрения в деятельность программных продуктов, обеспечивающих эффективные бизнес-коммуникации.

Для разработки рекомендаций по повышению эффективности деятельности ИП Якунина В.А. целесообразно рассмотреть практику

цифровизации типографий в России.

В последние годы цифровизация в полиграфической отрасли России активно развивается. Наиболее продвинутые типографии внедряют цифровые решения в следующие направления:

- управление заказами (CRM и ERP-системы),
- автоматизация производственных процессов (цифровая допечатная подготовка, цифровая печать),
- документооборот и логистика,
- маркетинг и взаимодействие с клиентами.

Ключевые направлениями в цифровизации стали:

1) Автоматизация клиентского сервиса и продаж.

– CRM-системы (чаще всего Битрикс24, AmoCRM) используются для учёта заказов, контроля за клиентами, автоматической генерации задач менеджерам.

– Онлайн-формы расчёта стоимости и оформления заказа размещаются на сайтах типографий, упрощая взаимодействие с заказчиком.

2) Управление производством. Используются ERP-системы, в том числе отраслевые решения (PrintVis, Optimus MIS, «1С:Полиграфия»), которые автоматизируют:

- планирование загрузки оборудования,
- контроль запасов материалов,
- учёт себестоимости и сроков.

3) Цифровая допечатная подготовка

– Adobe InDesign, CorelDraw, Preps, Kodak Prinergy и др. обеспечивают качественную вёрстку, цветоделение и формообразование.

– Автоматизация допечатного контроля (preflight) повышает качество и снижает риск брака.

4) Электронный документооборот. Широко внедряются ЭДО (например, Контур.Диадок, СБИС), что позволяет отказаться от бумажных договоров и актов.

5) Внутренняя коммуникация и управление персоналом. Внутренние мессенджеры, чаты и корпоративные порталы позволяют согласовывать макеты, передавать задачи между отделами и отслеживать статус исполнения.

Примерами использования цифровых продуктов являются: типография «Пушкинская площадь» (Москва) внедрила ERP-систему на базе 1С с интеграцией CRM, что позволило сократить время обработки заказа на 30%; группа компаний «Ризография» (СПб) использует облачные решения

для управления филиалами и работы с подрядчиками, включая автоматическую передачу файлов на печать; региональные типографии, такие как «Амирит», ограничиваются внедрением базовых CRM и бухгалтерии, но отмечают рост выручки после оцифровки процессов.

Основными препятствиями являются высокая стоимость внедрения полноценных ERP-решений, сопротивление персонала нововведениям, ограниченная совместимость старого оборудования с цифровыми решениями, а также нехватка IT-специалистов внутри компании.

В свою очередь главные перспективы:

- Расширение использования ИИ и аналитики для прогнозирования загрузки.

- Развитие онлайн-типографий и конструкторов макетов.

- Интеграция с маркетплейсами и автоматическое ценообразование.

Диаграмма, отображающая динамику внедрения цифровых технологий в полиграфических предприятиях России за период с 2019 по 2023 год, представлена на рисунке 1. [1;3;4;5]

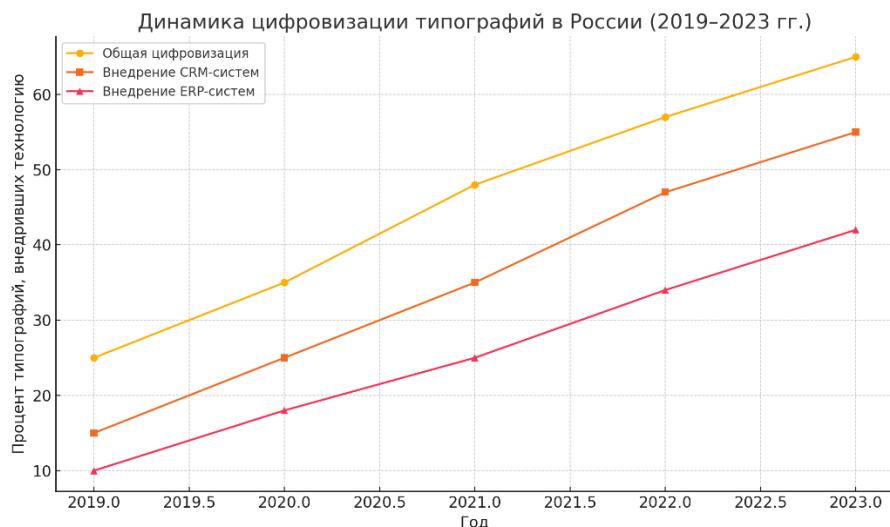

Рисунок 1 – Динамика цифровизации типографий в России (2019–2023 гг.)

По данным, представленным на рисунке 1, можно сделать следующие выводы: С 2019 по 2023 год наблюдается устойчивый рост цифровизации — с 25% до 65%. Особенно активно развивается внедрение CRM-систем, рост составил с 15% до 55%. Внедрение ERP-систем также демонстрирует

положительную динамику, но остаётся ниже из-за более высокой стоимости и сложности — с 10% до 42%.

По данным исследования Битрикс 24 Журнал показатели эффективности внедрения CRM-системы на базе «Битрикс24» на производственных предприятиях в сфере полиграфии имеют следующие значения:

- Сокращение сроков подготовки документации. Например, в компании «Крафтвол» сроки подготовки документации сократились на 35% благодаря автоматизации задач и внедрению диаграммы Ганта.

- Увеличение количества заказов. Это происходит за счёт уменьшения простоев и ускоренной обработки до 20%.

- Снижение количества ошибок. Автоматизация заменила ручное распределение задач, что привело к снижению ошибок на 35%.

- Сокращение сроков согласования эскизов. В одном из случаев этот процесс сократился с 5 дней до 3.

- Повышение производительности сотрудников до 15%. Система оптимизирует работу, повышая производительность и беря на себя часть типовых операций.

- Рост рентабельности производства на 15-20%. Это происходит за счёт упорядоченной работы с воронкой продаж, автоматизации складского учёта и расчётов, снижения расходов на логистику и материалы.

Таким образом, на основе проведенного анализа и сделанных выводов целесообразно осуществить цифровизацию бизнес-процессов в ИП Якунина В.А. при помощи использования CRM-систем. Современный рынок предлагает достаточно большой перечень программных продуктов и платформ, основные из которых, а также их характеристика представлены в таблице 1.

Наиболее подходящим для анализируемой фирмы является Битрикс24, так как он предлагает необходимые возможности, а именно:

- объединение внутренних коммуникаций: внутренняя почта, чат, звонки, видеосвязь — всё в одном окне,

- задачи и проекты: можно организовать работу сотрудников, отслеживать выполнение, делиться файлами.

- CRM + ERP элементы: учет продаж, склад, сделки, финансы.

- интеграции: WhatsApp, Telegram, Viber, соцсети — удобная многоканальная коммуникация с клиентами.

- доступность: есть бесплатная версия и облачные тарифы, подходит для малого бизнеса и ИП.

– мобильность: полноценные приложения для Android и iOS.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика CRM-систем.

CRM-система	Ключевые возможности	Коммуникации
Битрикс24	Продажи, воронки, задачи, телефония, почта, чаты, календари, документы	Встроенный корпоративный мессенджер, видеозвонки, интеграция с WhatsApp и Telegram
AmoCRM	Продажи, виджет-сайт, лидогенерация, боты, интеграция с мессенджерами	Коммуникации через чаты и соцсети
Zoho CRM	Продажи, маркетинг, аналитика, AI-помощник, автоматизация	E-mail, звонки, чаты, Slack-интеграция
Salesforce	Мощная кастомизация, поддержка крупных организаций, аналитика	Каналы: email, звонки, чат-боты
HubSpot CRM	Бесплатная основа, автоматизация маркетинга, отчёты	Email-маркетинг, чат, тикет-система

Таким образом, Битрикс24 — оптимальный выбор для индивидуального предпринимателя в сфере полиграфии благодаря комплексному функционалу, простоте внедрения, эффективной поддержке коммуникаций и управлению заказами.

Битрикс24 – это комплексное решение, предназначенное для автоматизации бизнеса на всех уровнях. Платформа включает в себя широкий спектр инструментов, от CRM и управления проектами до корпоративного портала и средств коммуникации. Благодаря гибкости настроек и широким возможностям интеграции, Битрикс24 становится незаменимым помощником в управлении бизнесом любого размера.

Рассмотрим подробнее наиболее интересующее нас подразделение Битрикс24 - Задачи и проекты. Он позволяет с помощью функций закрепить за каждым сотрудником определенный объем работы. На практике это уменьшает количество ошибок, недопонимания и даже производственных конфликтов, помогает соблюдать дедлайны, исключает случаи потери важной информации. Если задача поставлена в Битрикс24,

она будет выполнена, так как: все причастные наблюдают за её выполнением и вносят свои корректировки своевременно; о задачах напоминают счётчики; она будет выведена вверх списка согласно приоритетам и срочности; о нарушении сроков тут же узнает постановщик; невыполнение отразится на коэффициенте эффективности как ответственного, так и соисполнителей.

Помимо вышеперечисленных, данная CRM-система обладает рядом несомненных и проверенных на практике достоинств:

1. Широкий функционал — инструментов много, и они разнообразные, что позволяет оптимизировать планирование, постановку задач, ведение базы клиентов, связь со всеми ресурсами фирмы (в том числе и с интернет-магазином), и в целом автоматизировать все осуществляемые процессы.

2. Интеграция с популярным софтом, в частности, с решениями 1С, что поможет настроить используемое ПО с максимальной индивидуальностью и эффективностью.

3. Легкость в освоении — обучить новичка основам можно достаточно быстро, и дальнейшая работа окажется вполне комфортной за счет логичности и понятности сервиса.

Теперь, когда понятно, насколько интересна программа Битрикс24, что это такое и какими преимуществами она обладает, справедливости ради, следует взглянуть и на ее недостатки:

1. Закрытость в вопросах кастомизации — настроить ПО под себя можно только в уже существующих рамках, пусть и широких; а вот самостоятельно нарастить функционал не получится — придется только ждать, пока партнеры разработают дополнительные (и подходящие вам) решения, а потом докупать их.

2. Визуализация может показаться слишком сложной — не у всех получается сразу сориентироваться (без прохождения обучающих курсов) и найти необходимую задачу в меню и разделах.

В процессе обоснования цифровизации бизнес-процессов ИП Якунина В.А. был разработан инвестиционный проект по внедрению CRM – системы Битрикс 24 в деятельность фирмы.

Расчёты показали, что при затратах на проект в размере 150 000 рублей ожидаемая экономия составит более 317 000 рублей за 3 месяца, что позволяет достичь окупаемости уже в первый год реализации. Проект способствует снижению издержек от брака на 35%, повышению рентабельности продукции до 15,35%, росту прибыли на 63,86% по сравнению с предыдущим периодом.

Таким образом, разработанный инвестиционный проект подтверждает высокую экономическую эффективность внедрения CRM-системы для оптимизации работы предприятия. Внедрение «Битрикс24» не только обеспечивает прозрачность и управляемость процессов, но и формирует основу для устойчивого роста, масштабирования бизнеса и дальнейшей цифровизации. Это делает его перспективным направлением развития для ИП Якунина В.А., соответствующим современным требованиям рыночной среды и государственной политики в области цифровой экономики.

Практическая реализация предложений, изложенных в работе, позволит значительно повысить производительность труда, сократить издержки и обеспечить рост конкурентоспособности фирмы.

Список литературы:

1. Обзор рынка полиграфических услуг в России [Электронный ресурс] // T-AVERS. – 2023. – Режим доступа: https://t-avers.ru/novosti/news_post/rynok-poligraficheskikh-uslug-v-rossii-obzor-i-prognozy, свободный.
2. Основы цифровой экономики Крутиков В.К., Якунина М.В.-Калуга, 2021.
3. Оценка масштабов внедрения ERP-систем в российских издательствах и полиграфии в 2005–2016 гг. и перспективы на 2016–2017 гг. [Электронный ресурс] // CyberLeninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/...>, свободный.
4. Развитие полиграфической отрасли в условиях цифровизации [Электронный ресурс] // CyberLeninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/...>, свободный.
5. Рынок CRM в России [Электронный ресурс] // TAdviser. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php/...>, свободный.

О.В. Натробина

**Статистический анализ уровня безработицы в Калужской области
на современном этапе экономического развития**

Калужский государственный университет им К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье проведён комплексный статистический анализ уровня безработицы в Калужской области за период 2024–2026 гг., выявлены ключевые детерминанты наблюдаемой динамики и сформулированы отраслевые рекомендации для региональной экономической политики. Калужская область демонстрирует парадоксальную ситуацию: рекордно низкий уровень безработицы сосуществует с демографическим сжатием и острым структурным дефицитом квалифицированных кадров. Теоретическая рамка исследования опирается на концепцию "жёсткости рынка труда" в условиях отрицательного демографического баланса, а также на теорию структурной трансформации занятости при смене технологического уклада промышленного региона.

Ключевые слова: уровень безработицы, статистический анализ, структура рынка труда.

O.V. Natrobina

**Statistical analysis of the unemployment rate in the Kaluga region
at the current stage of economic development**

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

This article provides a comprehensive statistical analysis of the unemployment rate in the Kaluga Region for the period 2024–2026, identifies key determinants of the observed dynamics, and formulates sector-specific recommendations for regional economic policy. The Kaluga Region exhibits a paradoxical situation: record-low unemployment coexists with demographic contraction and an acute structural shortage of skilled labor. The theoretical framework of the study is based on the concept of "labor market rigidity" under conditions of a negative demographic balance, as well as on the theory of structural employment transformation during a shift in the technological structure of an industrial region.

Key words: unemployment rate, statistical analysis, labor market structure.

Калужская область представляет собой уникальный пример для изучения феномена "нулевой безработицы" в условиях структурной трансформации экономики. Регион, десятилетиями позиционировавшийся как центр западных инвестиций в автомобилестроении, после 2022 года столкнулся с беспрецедентным вызовом: одномоментная остановка трёх ключевых заводов ("Фольксваген", "Пежо-Ситроен" и "Вольво") привела к падению объёмов промышленного производства примерно на 20%. Однако уже к середине 2024 года область не только восстановила утраченные позиции, но и вышла в число национальных лидеров по минимальному уровню безработицы — менее 1% экономически активного населения.

Методологическую основу исследования составляют данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Калужской области (Калугастат), Министерства труда и социальной защиты Калужской области.

По итогам 2024 года Калужская область достигла уровня безработицы по МОТ в 1,1%, заняв 2-е место в Центральном федеральном округе и разделив 7-е место в общероссийском рейтинге. Уровень регистрируемой безработицы составил 0,18%, снизившись с 0,26% в конце 2023 года. Абсолютная численность зарегистрированных безработных уменьшилась на 375 человек по сравнению с аналогичным периодом 2023 года и достигла 1 014 человек. При этом областная база вакансий на 31 декабря 2024 года насчитывала 14 522 рабочих места, что давало соотношение 14,3 вакансии на одного зарегистрированного безработного. [2]

Восстановление промышленного производства сыграло ключевую роль в нормализации рынка труда. За первые четыре месяца 2024 года рост объёмов промышленного производства составил 22,8%, что позволило региону выйти на докризисные позиции, утраченные с уходом западных автопроизводителей. Значительный вклад внесли фармацевтический кластер (увеличивший объёмы производства в 15 раз за десятилетие) и предприятия деревообработки.

В 2025 году тенденция к снижению безработицы усилилась. По итогам первого полугодия уровень безработицы составил 1,1%, что оставалось ниже среднероссийских показателей. Во втором квартале 2025 года область вошла в топ-5 регионов России с минимальной безработицей. К концу года, по данным рейтинга РИА Новости за IV квартал 2025 года, Калужская область вместе с Москвой и Новгородской областью продемонстрировала уровень безработицы менее 1%, в то время как общероссийский показатель составил 2,2%.

По состоянию на май 2025 года уровень регистрируемой безработицы достиг 0,19%, а количество вакансий, заявленных работодателями, выросло до 15 000 единиц. Соотношение вакансий на одного безработного увеличилось до 15. Особого внимания заслуживает тот факт, что на одну активную вакансию в области приходилось лишь 3,3 резюме, что значительно ниже рыночной нормы в 4-8 резюме на вакансию и свидетельствует о глубоком дефиците соискателей.

В январе-феврале 2026 года уровень безработицы в регионе оставался в диапазоне 0,8–1,0%. Согласно государственной программе Калужской области "Развитие рынка труда в Калужской области", целевой индикатор уровня общей безработицы на 2026 год установлен на отметке 3,0% при уровне регистрируемой безработицы 0,4%. Фактические показатели существенно опережают плановые, что говорит о недооценке регуляторами масштабов структурного сжатия безработицы. [6]

Прогноз на 2025–2029 годы предполагает стабилизацию численности занятых в экономике на уровне около 517 тысяч человек при одновременном увеличении числа работников в обрабатывающих производствах, сельском и лесном хозяйстве, транспорте, гостиничном и ресторанном бизнесе.

Ключевым фактором, определившим динамику безработицы, стала успешная реструктуризация промышленного комплекса региона. Автомобильный кластер, традиционно выступавший локомотивом занятости, был перезапущен с новыми партнёрами из Китая, Индии, Вьетнама и Ирана. Две из трёх остановленных площадок возобновили производство: завод "Вольво" переориентирован на выпуск отечественных крупнотоннажных грузовиков (с увеличением штата работников), "Пежо-Ситроен" возобновил производство легковых автомобилей. Всего в регионе запущено 29 новых инвестиционных проектов с планируемым объёмом инвестиций 74 млрд рублей. [4]

Машиностроение остаётся системообразующей отраслью: на 84 крупных и средних предприятиях занято более 37 тысяч человек. Промышленное производство в 2024 году выросло на 10,5%, что выше среднероссийского показателя (6%).

Демографическая ситуация в Калужской области характеризуется как неблагоприятная. По данным на 1 января 2025 года, численность постоянного населения составила 1 006 601 житель. В 2024 году родилось 7 981 человек, умерло 14 152 человека, естественная убыль — минус 6 171 человек (5,8 на 1 000 населения, что хуже среднероссийского уровня).

В январе 2025 года демографический дисбаланс сохранился: 712 родившихся против 1 289 умерших. [6]

Структурные диспропорции усугубляются старением населения: численность лиц старше трудоспособного возраста в 1,5 раза превышает число детей до 15 лет. Поддержание численности населения на уровне чуть выше 1 млн человек достигается преимущественно за счёт миграционного прироста из других регионов и стран. Сжатие трудоспособного населения создаёт объективные предпосылки для сохранения сверхнизкой безработицы в среднесрочной перспективе. [5]

Низкий уровень безработицы в регионе не является синонимом сбалансированного рынка труда. Напротив, он сопровождается острым структурным дисбалансом между спросом и предложением рабочей силы. По данным аналитики HeadHunter за сентябрь 2025 года, общее число вакансий в регионе составило 3,5 тысячи, количество резюме выросло на 30% до 9,5 тысячи, но на одну вакансию приходилось лишь 2,7 резюме, что вдвое ниже рыночной нормы.

Наибольший дефицит наблюдается среди квалифицированных рабочих промышленной сферы: токарей и фрезеровщиков (0,7 резюме на вакансию), автослесарей и автомехаников (1,6), слесарей и сантехников (1,8), маляров и штукатуров (1,9). Дефицит также затрагивает сферу услуг: дворники, повара, пекари, курьеры, специалисты контактных центров.

По состоянию на декабрь 2024 года наиболее востребованными профессиями являлись тракторист-машинист, водитель автомобиля, швея, повар, электромонтёр, медицинская сестра, слесарь, монтажник и овощевод; среди специалистов с высшим образованием — инженер, врач, учитель и полицейский. Примечательно, что в перечне дефицитных профессий одновременно присутствуют позиции, требующие высокой квалификации (инженеры, врачи), и позиции с относительно низким порогом входа (дворники, курьеры), что указывает на системный характер кадрового голода.

Государственная программа Калужской области "Развитие рынка труда в Калужской области" на 2024–2029 годы предусматривает комплекс мер по трём направлениям: образование, национальная экономика и социальная политика. Общий объём финансирования программы составляет 2 628 859,5 тыс. рублей, включая 492,8 млн рублей на 2024 год и 418,9 млн рублей на 2025 год. Целевые индикаторы программы предполагают снижение уровня регистрируемой безработицы с 1,2% в 2023 году до 0,4% к 2029 году и уменьшение коэффициента напряжённости на рынке труда с 0,5 до 0,2 единицы. [1]

Для кадрового обеспечения промышленности запущена программа "Профессионалитет", в рамках которой открыто направление "Технологии машиностроения", первый выпуск по которому состоялся в 2024 году. В рамках национального проекта "Кадры" осуществляются четыре направления работы: управление рынком труда, образование для рынка труда, активные меры содействия занятости и популяризация рабочих профессий ("Человек труда").

С 2025 года расширены меры поддержки работодателей: предоставляются субсидии юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям за трудоустройство отдельных категорий граждан.

Структура занятости в Калужской области характеризуется доминированием обрабатывающих производств. На малых предприятиях региона 32,6% работников заняты в обрабатывающем секторе, 12,4% — в торговле и ремонте автомобилей и мотоциклов, 9,5% — в строительстве. За период с января по сентябрь 2024 года на малых предприятиях трудились 39,9 тыс. человек, оборот малого бизнеса составил 218,8 млрд рублей.

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд адресных рекомендаций для ключевых отраслей экономики Калужской области.

Для обрабатывающих производств и машиностроения критически важно расширение программы "Профессионалитет" с акцентом на специальности с наиболее острым дефицитом (токари, фрезеровщики, операторы станков с ЧПУ). Целесообразно внедрение дуальной системы обучения, при которой теоретическая подготовка в колледжах сочетается с оплачиваемой практикой на предприятиях. Учитывая, что спрос на специалистов со средним профессиональным образованием будет иметь устойчивый тренд к росту, требуется увеличение контрольных цифр приёма по техническим специальностям не менее чем на 15–20% к 2027 году.

Для агропромышленного комплекса дефицит трактористов-машинистов, овощеводов и водителей требует разработки региональной программы привлечения кадров в сельскую местность, включающей предоставление служебного жилья, "подъёмных" выплат и компенсацию расходов на профессиональное обучение. Учитывая, что в сельской местности проживает лишь 25% населения области, необходимо расширение практики целевого набора в аграрные колледжи с обязательной отработкой не менее 3 лет.

Для сферы здравоохранения и образования, где сохраняется устойчивый спрос на врачей, медицинских сестёр, учителей, целесообразно расширение программ "Земский доктор" и "Земский учитель" с увеличением

размера единовременных выплат и включением в программу не только сельских, но и малых городских поселений. Дополнительным стимулом может стать предоставление приоритетного права на получение жилья по льготной ипотеке.

Системная рекомендация для всех отраслей — разработка и внедрение региональной программы трудовой миграции, ориентированной на привлечение квалифицированных кадров из трудоизбыточных регионов России (прежде всего Северо-Кавказского федерального округа, где безработица превышает 25%) и дружественных стран (Беларусь, Казахстан, Узбекистан). Программа должна включать механизмы организованного набора, временного жилья и социальной адаптации мигрантов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым анализом эффективности мер государственной поддержки занятости, оценкой мультипликативных эффектов инвестиционных проектов на локальные рынки труда, а также сравнительным изучением адаптационных стратегий промышленных регионов со схожей структурой экономики (Нижегородская, Новгородская, Калининградская области).

Список литературы:

1. Государственная программа Калужской области "Развитие рынка труда в Калужской области" (утв. постановлением Правительства Калужской области от 10.01.2024 № 19) // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/408381333/> (дата обращения: 12.04.2026).
2. Калужская область в цифрах: краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калужской области. — Калуга, 2024. — 120 с. — URL: https://40.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%9A%D0%9E%D0%92_2024.pdf (дата обращения: 28.03.2026).
3. Основные показатели рынка труда в Калужской области в январе — сентябре 2024 года // Калугастат. - 2024. - 27 ноября. URL: <https://40.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).
4. Приказ Министерства труда и социальной защиты Калужской области от 26.08.2025 № 2287-П // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).
5. Терентьев И.В., Натробина О.В. Статистический анализ рынка труда в Калужской области // Вектор экономики. - 2026. - № 3. [Электронный ресурс]. URL:

https://vectoreconomy.ru/images/publications/2026/3/regionaleconomy/Terentyev_Natrobina.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калужской области. - URL: <https://40.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 08.04.2026).

Т. Ю. Мельниченко

**Мотивация и интерес к обучению как ключевые аспекты
экономического образования.**

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

В статье рассмотрено формирование учебной мотивации на примере экономического образования. На основе практического опыта преподавания экономических дисциплин в КГУ им. К.Э. Циолковского выделены критерии подготовленности студентов; их качества и способности, наиболее востребованные в реальных экономических условиях.

Ключевые слова: экономическое образование, компетенции, мотивация обучения, интерес к учебе, учебно-профессиональная мотивация, критерии подготовленности студентов, оценочные средства, экономическая задача.

T.Y. Melnichenko

Motivation and interest in learning as key aspects of economic education

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article discusses the formation of educational motivation on the example of economic education. Based on the practical experience of teaching economic disciplines at the Tsiolkovsky Cosmonaut State University, the article identifies the criteria for students' preparedness, as well as the qualities and abilities that are most in demand in real economic conditions.

Key words: economic education, competencies, learning motivation, interest in studying, educational and professional motivation, criteria for students' preparedness, assessment tools, economic problem.

Отечественные и зарубежные педагоги и психологи считают одной из актуальных проблем образования - утрату внимания, а следовательно, и готовности познавать и обучаться со стороны обучающихся. Такие авторы: Л.И. Божович, З. Фрейд, А.Н. Леонтьев, А. Маслоу, Б.Г. Ананьев, К. Левин, С.Л. Рубинштейн, А.К. Марков, Ф. Герцберг, П.М. Якобсон пришли к выводу, что интерес и мотивация к обучению складывается из ряда побуждений, которые постоянно изменяются и вступают в новые отношения друг с другом.

Система финансирования высшего образования, излишне коммерциализированная и ориентирующаяся на невыгодность системы отчисления немотивированных к обучению студентов, приводит к снижению уровня мотивации студентов, потере интереса к самому процессу обучения, переводя сам процесс к формальной процедуре получения диплома о высшем образовании.

И тогда возникает несоответствие между предрасположенностью к обучению, и самим процессом обучения, трансформирующимся в малоинтересный и непривлекательный процесс, а иногда, и в тяжелую повинность для обучающегося.

Согласно И. А. Зимней можно выделить ряд факторов, определяющих учебную мотивацию [6, с.71]:

- 1) само образовательное учреждение;
- 2) организация образовательного процесса;
- 3) особенности обучающегося (возраст, пол, интеллектуальное развитие, способности, уровень притязаний, самооценка, взаимодействие с другими обучающимися;
- 4) особенности педагога, система отношений его к ученику, к делу;
- 5) специфика учебного предмета

По П. Я. Гальперину педагогу следует соблюдать ряд требований при формировании мотивации ученика [8, с.111-114]:

- начинать формирование мотивации с диагностики мотивационной сферы, выявления исходного уровня мотивации к обучению;
- постановка целей формирования мотивации;
- отбор и применение педагогических средств формирования мотивации;

Эльконин Д.Б. утверждал, что: «важную роль в мотивации учения играет содержание учебного материала, мотивационное влияние может оказывать не всякий учебный материал, а лишь такой, информационное содержание которого соответствует наличным и вновь возникающим потребностям ребенка» [10, с 145].

Образовательный контент должен соответствовать текущим потребностям обучающихся и способствовать появлению и развитию необходимых для продолжения учебного процесса новых интересов

Одним из ключевых факторов создания мотивации является структурирование учебного процесса, ведь именно во время обучения осваивается учебный контент. И от того, как устроен этот процесс, из каких составляющих он складывается, как эти составляющие взаимодействуют

между собой, зависит собственно итог обучения.

Рассмотрим процесс формирования учебной мотивации на примере экономического образования, а именно на основе преподавания «Экономической теории», на начальном этапе – «Экономики». Эта дисциплина пришла на смену «Марксистско-ленинской политической экономии», и ее структура была во многом заимствована из трудов известных зарубежных авторов: П. Самуэльсон, С. Фишер, Г. Мэнкью, Д. Макконнелл, С. Брю и др. Затем стали появляться и отечественные учебники и учебные пособия, которые дополняли зарубежные источники статистическими данными и примерами из российской практики.

Все новое воспринимается с интересом, поэтому учебная мотивация и интерес к новой дисциплине были высокими. Обобщив практический опыт, автор представил исследование, нашедшее отражение в диссертационном исследовании, результатом которого была модель профессиональной подготовки студентов, изучающих Экономику, где мотивационной составляющей посвящалось ключевое внимание [9]. В модель и, значит в методику за 36 лет преподавательской деятельности, безусловно, вносились изменения, которые учитывали как переход системы образования на двухуровневую систему подготовки бакалавров и магистров, изменение законодательных основ в сфере образования, внедрение и последующих заменах ФГОС ВО, интересах студенческой аудитории.

В результате присоединения России к Болонскому процессу и стремления интегрировать отечественное образование в европейское образовательное пространство, был введен компетентностный подход, раскрывающий результат образования через совокупность компетенций выпускника — общекультурных (ОК) и профессиональных (ПК). В последующих версиях ФГОС (3+, 3++) структура компетенций была дополнена общепрофессиональными компетенциями (ОПК), а вместо общекультурных появились универсальные компетенции (УК).

На современном этапе реализация компетентностного подхода в отечественной системе образования закреплена статьей 11 ФЗ № 273 от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» [1].

Компетентностный подход применительно к экономическому образованию в направлении роста познавательного интереса к предмету и мотивации, на взгляд автора, раскрывается через следующие направления процесса обучения, сформулированные специалистами в области университетского управленческого образования О. С. Виханским, В. И. Маршевым, И. В. Ширяевой:

– Переход к интегрированному обучению в контексте предмета изучения вместо изучения и рассмотрения основных тем, задач и отдельных вопросов.

– Перенос центра внимания с поиска правильных ответов на развитие умения решать проблемы.

– Замена пассивного типа обучения, в котором студенту отводится роль слушающего, усваивающего, повторяющего и т.п., активным обучением, при котором студент является активным творцом знаний, решений, информации.

– Замена контроля за учебным процессом со стороны преподавателя, контролем со стороны обучающегося [7, с.11].

Экономическое образование формирует:

– способность понимать ситуацию, уметь анализировать и оценивать внешнюю и внутреннюю среды бизнеса;

– навыки и умения, позволяющие не только понимать и анализировать информацию, но и создавать, и обрабатывать ее, знать, как ее искать, где получать, как проверять; умение пользоваться организационной техникой и знать иностранные языки.

– поведение в соответствии с нормами этикета, знание этикета; умение работать в группе, соотносить свои интересы с интересами коллектива; умение правильно передавать смысл своих действий, умение слушать и правильно интерпретировать ответную реакцию; способность быть готовым к новому, к изменениям, к желанию совершенствоваться и трудиться.

Анализируя перечисленные качества, можно прийти к выводу, что они формируют ценностную базу человека, т.к. позволяют найти ответ на такие жизненно важные вопросы как, то, для чего осуществляется деятельность, и то, какими средствами, допустимо осуществлять деятельность и добиваться целей [9].

Опираясь на многолетний опыт преподавания экономического блока дисциплин в КГУ им. К.Э. Циолковского, КФ МГЭИ, КФ МСИ, КФ АБиК (в н.в. является структурным подразделением КФ Финансовом университете при Президенте РФ) следует отметить, что начальная стадия изучения экономических дисциплин начинается с изучения предпочтений первокурсниками выбора вуза и направления специализации, и уровня понимания студентами необходимости и актуальности получения экономического образования. С этой целью первые практические занятия начинаются с анкетирования первокурсников по выбору профиля обучения.

Анкетирование последних лет (2022-2025 гг.) выявило следующие

аспекты, которые интересны студентам:

1) Экономическое образование, в целом, и учебные дисциплины, в частности, способствуют будущему карьерному росту, благосостоянию и благополучию.

2) Экономические знания позволяет профессионально разбираться в реальных социальных и бизнес-процессах.

3) Профиль и направление подготовки способствует развитию экономического мышления: возможность мыслить экономически;

4) Экономическая информация помогает принимать оптимальное и своевременное решение.

5) Семейная традиция в получении экономической специальности.

В последнее время стали присутствовать такие интересы, которые являются сигналами тревожности, т.к. выбор экономической профессии связывается с элементом или наличия бюджетного места в вузе, а потому нейтральность к выбору профиля, или невозможностью получить образование за пределами территории проживания, и выбора экономического профиля следуя стереотипам общества.

Для поддержания интереса, и, соответственно, лучшего усвоения учебного материала и активности самого студента в процессе обучения, предусматриваются задания разной степени сложности с учетом интересов и возможностей обучающихся. В 2004 г. автор оформил результаты своего практического опыта преподавания в модели профессиональной подготовки будущего специалиста посредством развития конкурентоспособности обучающихся в процессе усвоения ими учебной дисциплины «Экономика» [9].

Студенты понимают уже с первых занятий, что школьная практика ответов и посещаемости, не приветствуется, т.к. позиция преподавателя состоит в том, что усвоение учебного материала – систематический процесс, включающий: и опросы, и дискуссии, и проектное решение задач, и доклады-презентации, и игровые ситуации, и анализ, а не запоминание, тестовых упражнений. Таким образом, разнообразные и структуризированные задания в виде оценочных средств позволяют проверить, как учащиеся успевают и умеют воспринимать и воспроизводить полученную экономическую информацию, конкретизировать свои ответы примерами из жизни.

Проверка и оценка экономических знаний и умений может быть проведена в виде письменного или устного опроса, обсуждения кейсов, решения задач, тестовых или контрольных работ или при практическом применении в заданиях игрового характера. Итоговая отметка выставляется

в форме «баллов», начисляемых студентам за разные виды работ исходя из минимального и максимального значения балла, доведенного до студентов на 1 занятии и отраженных в технологической карте к преподаваемой дисциплине. Согласно Положению о балльно-рейтинговой системе в КГУ имени К.Э. Циолковского сформирована шкала перевода накопленных баллов в соответствующую оценку, которая учитывается при выставлении экзаменационной отметки по предмету [5].

В оценке экономической подготовленности студентов при прохождении курса «Экономической теории» были выделены три критерия:

1. Овладение комплексом экономических понятий, категорий, законов.
2. Степень овладения экономическими умениями, направленными на принятие обоснованных экономических решений в различных областях жизнедеятельности человека.
3. Уровень сформированности экономически значимых качеств личности (дисциплинированность, ответственность, деловитость, экономность, предприимчивость).

Эти три критерия в большинстве случаев, раскрываются в процессе решения экономических задач, методика работы над которыми сводится к поиску различных способов решения, что, несомненно, оказывает положительное влияние на развитие логических и математических способностей.

В процессе решения задач студенты быстрее определяют арифметические вычисления, выполняя мыслительные операции причинно-следственного характера и усваивают экономические понятия. Нельзя утверждать, что студенты позитивно относятся к этому важному оценочному средству. Практика преподавания «Экономической теории» и других экономических дисциплин подтверждает определенный психологический зажим и неуверенность. Вместе с тем использование экономической задачи в ходе беседы/дискуссии вносит разнообразие, помогая активизации мыслительной деятельности, расширяя словарный математический и экономический запас, закладывая фундамент понятийно-категориального экономического аппарата, используя знания и межпредметные связи математики и экономики, способствуя выработке навыка принятия оптимального и эффективного в условиях рыночной экономики.

Таким образом, решение экономических задач способствует формированию экономической грамотности, и характеризует практическую направленность изучаемого курса «Экономическая теория».

Если предпочтения и целесообразность получения экономического образования на первом курсе, отражают интерес и достаточно высокую мотивацию, то на старших курсах отмечается ее снижение. Во-первых, студенты приступают к трудовой деятельности, и сталкиваются с проблемой трудоустройства по получаемой специальности. С одной стороны, они еще не овладели всем спектром компетенций универсального и профессионального характера, с другой стороны, интересы работодателей в обеспечении занятости недоучившимся специалистами вполне понятны: времени на отработку практических задач у них просто нет, тогда как наработка этих умений в рамках организации практики по отработке профессиональных умений недостаточна.

Во-вторых, студенты, расширяя свой кругозор и уровень знаний, особенно в рамках блока управленческих дисциплин, не всегда понимают адекватность включения отдельных разделов в область различных дисциплин, и воспринимают новые дисциплины как повтор. Вместе с тем дисциплинарный подход раскрывает новые аспекты знакомых терминов и понятий.

В-третьих, понимание реальных событий в политике образования доходов ставит под сомнение правильность выбора, и, как следствие, потеря интереса и мотивации к обучению.

Это – 3 ключевых аспекта, которые выделяют студенты-старшекурсники при объяснении снижающейся мотивации и интереса к изучению.

Таким образом, можно констатировать, что утрата интереса в процессе обучения, проблема комплексная, затрагивающая как в целом всю систему образования, так и экономическое образование в частности. Поэтому тщательный отбор заданий – оценочных средств, соответствие организации учебного процесса характеру и структуре меняющихся реалий, практико-ориентированная направленность семинарских занятий и контроля сформированности компетенций выбранной специальности в рамках практики по отработке профессиональных умений будут являться наиболее важными элементами при формировании отношения студентов к повышению мотивационной составляющей в процессе обучения, и, значит росту познавательного интереса и своей активности, обеспечивая будущую удовлетворённость от профессиональной деятельности, что незамедлительно скажется и на экономическом развитии общества.

Список литературы:

1. ФЗ № 273 от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации»// Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/dfbe1cf7aa2e2acfd7b8e7ad37cdf71b759c539d/.
2. ФГОС ВО 3++ «Экономика». [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/380301_B_3_31082020.pdf/.
3. Актуальные версии ФГОС ВО 3++ [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/88/>.
4. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» от 26.11.2020 г. № 1456// Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385079/.
5. Положение о балльно-рейтинговой системе оценки учебной работы КГУ им. К.Э. Циолковского (утверждено приказом ректора от 29.12.2018 г. № 317-од)
6. Вартанова, И.И. Развитие учебной мотивации и ценностей старших школьников // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2010. – № 4. - С. 71.
7. Виханский О.С., Маршев В.И., Ширяева И.В. Университетское управленческое образование: содержание и методика обучения. – М.: Экономический факультет МГУ, 1999. – 33 с., с 11-12.
8. Гальперин, П.Я. О формировании умственных действий и понятий / П.Я. Гальперин // Культурно-историческая психология. – 2010. – № 3. – С. 111-114.
9. Мельниченко Т.Ю. Формирование конкурентоспособности будущего специалиста в процессе изучения «Экономики»//Дисс. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук/ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-konkurentosposobnosti-budushchego-spetsialista-pri-izuchenii-ekonomiki/>.
10. Развитие теории и практики учебной деятельности: научная школа В.В. Давыдова: монография по материалам Междунар. сетевой науч. конф. (Беларусь, Италия, Россия). Волгоград, 6–8 апр. 2016 г. / сост. и общ. ред. Т.Ю. Андрущенко, А.Г. Крицкого, Л.К. Максимова. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2016.– 274 с.- С.145

Н.Н. Чаусов

**Кадровое обеспечение сельского хозяйства региона как фактор
устойчивого развития: вызовы и новые возможности
(на материалах Калужской области)**

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

*Научный руководитель: профессор кафедры управления
РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева Г.В. Жукевич*

В статье исследуется кадровое обеспечение сельского хозяйства Калужской области как ключевой фактор устойчивого развития. Актуальность обусловлена дефицитом квалифицированных специалистов в условиях технологической трансформации и демографического спада. На основе статистических данных (2014–2025 гг.) проанализированы демографические процессы, динамика численности работников АПК, условия труда, возрастные и образовательные характеристики кадров. Особое внимание уделено реализации федерального проекта «Кадры в АПК». Предложены стратегические направления совершенствования кадрового обеспечения.

Ключевые слова: устойчивое развитие, трудовые ресурсы, кадровое обеспечение, сельское хозяйство, государственная поддержка, федеральный проект «Кадры в АПК», Калужская область.

N.N. Chausov

**Human resources for agriculture in the region as a factor in sustainable
development: challenges and new opportunities
(based on the materials of the Kaluga region)**

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

*Scientific advisor: Professor of the Department of Management at the Russian
State Agrarian University-Moscow Agricultural Academy
named after K.A. Timiryazev G.V. Zhukevich*

The article examines the staffing of agriculture in the Kaluga region as a key factor of sustainable development. The relevance is due to the shortage of qualified specialists in the context of technological transformation and demographic decline. Based on statistical data (2014–2025), the article

analyzes demographic processes, the dynamics of the number of agricultural workers, working conditions, age and educational characteristics of personnel. Special attention is paid to the implementation of the federal project «Personnel for the Agro-Industrial Complex». Strategic directions for improving staffing are proposed.

Key words: sustainable development, labor resources, staffing, agriculture, state support, federal project «Personnel for the Agro-Industrial Complex», Kaluga region.

Концепция устойчивого развития предполагает сбалансированное взаимодействие экономических, социальных и экологических факторов. В аграрном секторе центральным звеном выступают трудовые ресурсы. Проблема кадрового обеспечения приобретает остроту: технологическая модернизация требует специалистов нового уровня квалификации, но сохраняются демографический спад в сельской местности, низкая привлекательность аграрных профессий для молодежи, неблагоприятные условия труда [1; 2].

Цель исследования – на примере Калужской области проанализировать процессы формирования, использования и обеспечения трудовыми ресурсами в сельском хозяйстве и предложить стратегические направления кадровой политики, ориентированные на достижение долгосрочной устойчивости аграрного сектора региона. Научная новизна заключается в комплексном анализе трех взаимосвязанных процессов в их привязке к целям устойчивого развития, а также в выявлении новых тенденций, связанных с реализацией федерального проекта «Кадры в АПК».

Теоретической основой послужили труды ученых в области устойчивого развития аграрного сектора, экономики труда и кадрового менеджмента: О.В. Будзинской [3], Н.А. Волгина [4], В. А. Гневашевой, А. В. Топилина, О. Д. Воробьевой [5], А. Горбатова, А. А. Мигел [6, 12], О. Д. Ермоленко [7], Г.В. Жукевич [8], Е. И. Костюковой, И. А. Поляковой [9], М. Г. Лещевой [10], Е.И. Ловчиковой [11], А. А. Сагайдака [13], Т.Н. Субботиной [1], Н.Ю. Чаусова [14, 15, 16]. Информационно-эмпирическую базу составили данные ежегодных статистических отчетов Калугастат за 2014–2025 гг., материалы ведомственных обследований Министерства сельского хозяйства Калужской области, региональные нормативные правовые акты, а также актуальные публикации в открытых источниках [17; 18; 20; 22; 23; 24]. Применялись методы статистического, сравнительного, структурного анализа, абстрактно-логический метод.

Устойчивое развитие сельского хозяйства невозможно без стабильного воспроизводства трудовых ресурсов. Анализ демографической ситуации в сельской местности Калужской области показывает, что за 2014–2025 гг. численность сельского населения увеличилась на 28 392 человека и составила в 2025 г. 270362 человека. Однако данный рост обеспечен преимущественно миграционным притоком, тогда как естественное движение населения характеризуется устойчивой убылью. В 2024 г. естественная убыль составила 1389 человек, коэффициент смертности (11,8 на 1000) превышал коэффициент рождаемости (6,6). По сравнению с 2013 г. рождаемость в сельской местности сократилась на 39,4%. Сохраняющаяся естественная убыль и старение сельского населения создают долгосрочные риски для кадрового обеспечения отрасли.

Данные ведомственного статистического наблюдения свидетельствуют, что в АПК Калужской области функционирует 230 сельскохозяйственных предприятий, занято около 18 тыс. человек. Сведения о составе и численности работников сельского хозяйства Калужской области представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сведения о составе и численности работников сельского хозяйства Калужской области, чел.

Наименование должностей	Годы								2024 г. в % к 2017 г.
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Всего работников, занимающих должности руководителей и специалистов	2764	2818	3048	3054	2717	3412	2691	2394	86,6
Руководители сельскохозяйствен- ных организаций	212	210	197	190	186	174	187	140	66,0
Главные специалисты	489	479	514	482	451	462	399	375	76,7
Специалисты (кроме главных)	1234	1240	1406	1391	1226	1827	1225	1255	101,7
Всего рабочих агропромышленно- го производства	12012	12395	12692	12623	12667	13478	16981	12881	107,2

*Источник: ведомственное статистическое наблюдение
Министерства сельского хозяйства Калужской области*

Обеспеченность организаций АПК руководителями и специалистами в 2020 г. составляла 91,6%, рабочими – 87,8%. Дефицит кадров по категориям работающих составлял 281 и 1317 человек соответственно. В 2025 г., по оценкам регионального Минсельхоза, дефицит кадров сохраняется на уровне около 10% [17; 18]. Особую остроту приобретает проблема сезонной нехватки механизаторов: на период весенне-полевых и уборочных работ недостаток достигает 11–23% от потребности.

Устойчивое развитие предполагает создание достойных условий труда. Однако сельское хозяйство характеризуется значительным удельным весом рабочих мест с вредными и опасными условиями труда). В 2023 г. 27,5% работников отрасли были заняты на работах с вредными и (или) опасными условиями труда. Наиболее распространенными производственными факторами являются тяжесть труда (17,6%) и напряженность трудового процесса (2,3%), а также воздействие шума (7,7%) и вибрации (5,4%). Неблагоприятные условия труда являются одной из основных причин производственного травматизма. В 2023 г. в сельском хозяйстве региона пострадало на производстве 24 человека, уровень травматизма составил 2,3 случая на 1000 работающих, что существенно выше среднеобластного показателя (0,8). Высокий травматизм наносит непоправимый ущерб здоровью работников и создает дополнительные экономические издержки для предприятий.

Устойчивое развитие требует не только количественного, но и качественного воспроизводства кадров. Анализ стажа работы руководителей показывает высокую текучесть: в 2022 г. 11,5% руководителей имели стаж менее года, а 27% – до трех лет. Образовательный уровень также вызывает вопросы: 23% руководителей имеют непрофильное образование, лишь 1,1% – ученую степень. Из числа кадрового резерва за все годы не назначен ни один руководитель.

Анализ возрастной структуры механизаторов выявляет устойчивую тенденцию старения кадров. Удельный вес трактористов-машинистов в возрасте свыше 60 лет увеличился с 6,7% в 2016 г. до 13,6% в 2022 г. Доля молодежи до 30 лет не превышает 12%, что создает долгосрочные риски для воспроизводства трудового потенциала.

С 2025 года в России стартовал новый федеральный проект «Кадры в АПК» (в рамках нацпроекта «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности»). Его ключевая цель — к 2030 году обеспечить предприятия АПК квалифицированными сотрудниками на 95%, а долю молодых специалистов до 35 лет увеличить с текущих 9% до 15%

[21]. Калужская область активно включилась в его реализацию.

В регионе в 29 школах создано 64 агротехнологических класса, где обучаются 610 учеников, и планируется удвоить их число [17, 22]. На оснащение классов и поддержку педагогов в рамках проекта направлено более 7 млн рублей. Реализуется система целевого обучения: 41 студент обучается по целевым договорам, 49 человек уже трудоустроены. В 2025 году Правительство РФ выделило Калужской области 26,8 млн рублей на развитие кадрового потенциала АПК [23]. На 2026 год объем финансирования программы увеличен до 20 млн рублей только на компенсацию издержек аграриев за проведение студенческих практик [24].

С 2003 г. действует система поддержки молодых специалистов, которая в 2025 г. была усилена [5]. С 1 февраля 2025 г. увеличены размеры выплат: ежеквартальные выплаты для специалистов с высшим образованием – до 20 021 руб.; ежегодное пособие по окончании первого, второго и третьего года работы – до 40 044, 66 740 и 100 110 руб. соответственно. В 2024 г. поддержку получили 260 молодых специалистов, в 2025 г. планируется охватить более 300 человек [17; 18]. За прошлый год в аграрный сектор пришли 100 выпускников, что на 25% больше, чем в 2023 г.

Ключевым фактором закрепления кадров является обеспечение жильем. В рамках госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий» в 2024 г. построено 28 домов, в 2025 г. запланировано возведение еще 36 домов [17; 20]. Однако, несмотря на принимаемые меры, дефицит кадров сохраняется. По оценкам регионального Минсельхоза, комплекс мер господдержки, включая новый федпроект, обеспечивает кадрами АПК на 90%, при этом средний возраст работников – 43–47 года. В ближайшие 5–6 лет потребуется еще 2500 новых сотрудников [17; 18].

Проведенный анализ позволяет выделить три взаимосвязанных блока стратегических направлений кадрового обеспечения для устойчивого развития сельского хозяйства в сфере формирования, использования и обеспечения трудовыми ресурсами.

1. В сфере формирования трудовых ресурсов: развитие непрерывного аграрного образования «школа – колледж/вуз – предприятие» с обязательной практикой; усиление профориентации через агроклассы; совершенствование целевого обучения; создание регионального прогноза потребности в кадрах; развитие системы повышения квалификации под новые технологии (цифровое сельское хозяйство, роботизированные фермы).

2. В сфере использования трудовых ресурсов: создание современных

рабочих мест, соответствующих требованиям безопасности; обеспечение конкурентоспособной оплаты труда (не ниже среднерегionalной); улучшение условий и охраны труда (аттестация рабочих мест, СИЗ); внедрение систем мотивации (премии за стаж, соцпакеты); развитие наставничества.

3. В сфере обеспечения трудовыми ресурсами: инфраструктурное развитие сельских территорий (дорожное покрытие, бытовые коммуникации, образовательные учреждения, ФАПы); интенсивное развитие жилищных программ; совершенствование нормативно-правовой базы; мониторинг и контроль потребности в кадрах.

В рамках реализации упомянутых стратегических направлений необходимо учитывать наличие крупных агрохолдингов («ЭкоНива-АПК Холдинг», «Мираторг») на территории региона, предъявляющих требования к квалификации и изменяющих механизмы управления персоналом. В связи с этим региональная кадровая политика должна предусматривать: мониторинг потребностей холдингов в кадрах; контроль за условиями труда; трехсторонние соглашения о целевом обучении.

Кадровое обеспечение сельского хозяйства Калужской области – вопрос, требующий комплексных решений. Формирование трудовых ресурсов ограничивается естественной убылью и старением населения. Использование трудовых ресурсов характеризуется высокими показателями травматизма, вредностью условий труда, текучестью руководителей и старением механизаторов. Обеспечение трудовыми ресурсами через господдержку, включая федеральный проект «Кадры в АПК», демонстрирует статистически значимое улучшение, но дефицит кадров сохраняется на уровне 10%. Устойчивое развитие сельского хозяйства нуждается в применении системного подхода и реализации стратегии, объединяющей усилия государства, бизнеса и образования по всем направлениям кадрового обеспечения.

Список литературы:

1. Субботина, Т. Н. Дефицит кадров в российской экономике: состояние, проблемы, пути решения // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 6-2(112). – С. 115-119.
2. Чаусов, Н. Н. Экономико-статистическая оценка занятости и качества трудовой сферы как критерия качества жизни в регионе // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 2, № 8(161). – С. 182-190.

3. Будзинская, О. В. Система кадрового обеспечения как механизм расширенного воспроизводства человеческих ресурсов: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук, 2022. – 321 с.
4. Волгин, Н. А. Воспроизводственный классический и современный уточнённый подходы к пониманию рынка труда и занятости // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 2(51). – С. 5.
5. Гневашева, В. А. Процесс воспроизводства трудовых ресурсов в современной России / В. А. Гневашева, А. В. Топилин, О. Д. Воробьева. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Перспектив", 2023. – 200 с.
6. Горбатов, А. Закрепляемость специалистов на селе / А. Горбатов, А. А. Мигел // АПК: экономика, управление. – 2002. – № 11. – С. 21-25.
7. Ермоленко, О. Д. Человеческий капитал и трудовые ресурсы сельского хозяйства России: принципы перехода к инновационному развитию // АПК: экономика, управление. – 2020. – № 9. – С. 11-19.
8. Жукевич, Г. В. Государственное регулирование занятости и безработицы на региональном рынке труда на этапе перехода к устойчивому экономическому развитию: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Москва, 2001. – 342 с.
9. Костюкова, Е. И. Инновационный кадровый менеджмент - инструмент роста конкурентоспособности / Е. И. Костюкова, И. А. Полякова // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – № 4. – С. 29-32.
10. Лещева, М. Г. Кадровое обеспечение сельского хозяйства: региональный аспект // Вестник Института дружбы народов Кавказа. – 2018. – № 3(47). – С. 64-72.
11. Ловчикова, Е. И. Совершенствование кадрового обеспечения сельскохозяйственных организаций на основе мотивационного механизма. – Орел : Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина, 2021. – 160 с.
12. Мигел, А.А. Обеспечение кадрами руководителей и специалистов сельскохозяйственного производства: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Москва, 1999. – 200 с.
13. Сагайдак, А.А. Устойчивое развитие сельского хозяйства как фактор обеспечения продовольственной безопасности страны // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2024. – Т. 19, № 2(229). – С. 90-95.
14. Чаусов, Н. Ю. Проблемы формирования рабочих кадров в сельском хозяйстве / Н. Ю. Чаусов, В. А. Якунина // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. – Калуга: КГУ

им. К.Э. Циолковского, 2023. – С. 165-171.

15. Чаусов, Н. Н. Современное состояние и перспективы развития рынка труда в сельском хозяйстве региона / Н. Н. Чаусов, Н. Ю. Чаусов // Наука, технологии, общество: Экологический инжиниринг в интересах устойчивого развития территорий. – Красноярск: Общественное учреждение "Красноярский краевой Дом науки и техники Российского союза научных и инженерных общественных объединений", 2025. – С. 40-46.

16. Chausova, L. Peopleware of the Region's AIC Industry / L. Chausova, N. Chausov, N. Ogorodnikova // Fundamental and Applied Scientific Research in the Development of Agriculture in the Far East : Agricultural Innovation Systems, Volume 1, Volozhenin, 21–22 июня 2021 года. Vol. 353. – Ussuriysk: Springer, 2022. – P. 264-274.

17. В Калужской области комплексная господдержка обеспечила Агропром кадрами на 90 процентов // Портал органов власти Калужской области. – URL: <https://www.admoblkaluga.ru/news/item-25583/?ysclid=mo0gwkd33z568180289>.

18. В Калужской области увеличили финансовую поддержку для молодых специалистов в сельском хозяйстве // Комсомольская правда. – 20.02.2025. – URL: <https://www.kaluga.kp.ru/online/news/6242682/?ysclid=mo0gus0bx7408024794>.

19. Закон Калужской области от 21.02.2025 № 608-ОЗ «О внесении изменений в Закон Калужской области «О дополнительных мерах социальной поддержки молодых специалистов в сфере сельскохозяйственного производства, молодых специалистов в сфере ветеринарии на территории Калужской области» // ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/411547969/>.

20. На комплексное развитие сельских территорий Калужской области в 2025 году выделено рекордное финансирование – свыше полутора миллиарда рублей // Портал органов власти Калужской области. – URL: <https://admoblkaluga.ru/news/item-26379/?ysclid=mo0hlzdyql78421374>.

21. Технологическое обеспечение продовольственной безопасности // Национальные проекты. - URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/tekhnologicheskoe-obespechenie-prodovolstvennoy-bezopasnosti/?ysclid=mm0bcspl3v258427248>.

22. В Калужской области увеличивается доля занятых в АПК // AgroXXI. – URL: <https://dzen.ru/a/aDWTkxEleyMdbJ2Y?ysclid=mo0hb8mbe6503528220>.

23. Калужская область получит свыше 26 млн рублей на развитие

кадров АПК // АБН 24.– URL: <https://abnews.ru/center/news/kaluga/2025/9/5/kaluzhskaya-oblast-poluchit-svyshe-26-mln-rublej-na-razvitie-kadrov-apk?ysclid=mo0hhbdrpp815298940>.

24. Калужским аграриям компенсировали издержки студенческих практик // Аргументы и Факты – Калуга. — URL: <https://kaluga.aif.ru/society/persona/kaluzhskim-agrariyam-kompensirovali-izderzhki-studencheskih-praktik?ysclid=mo0hitnniy99237587>.

М.Ю. Чернышов, М.В. Якунина

**Финансовая деятельность промышленного предприятия как объект
отраслевого экономического анализа в условиях цифровизации
экономики**

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье рассмотрены понятие, особенности, структура финансовой деятельности промышленного предприятия, представлена группировка финансовых процессов по укрупнённым блокам.

Ключевые слова: промышленное предприятие, финансовая деятельность, финансовый процесс.

M.Yu. Chernyshov, M.V. Yakunina

**Financial activity of an industrial enterprise as an object of sectoral economic
analysis in the context of digitalization of the economy**

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article discusses the concept, features, and structure of financial activity of an industrial enterprise, and presents a grouping of financial processes into large blocks.

Key words: industrial enterprise, financial activity, financial process

В настоящее время цифровизация становится определяющим фактором развития экономики, оказывая существенное влияние на все аспекты деятельности предприятий. Цифровая экономика официально определяется как хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объёмов данных и использование результатов анализа которых позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, хранения, продажи и доставки товаров и услуг.

Под воздействием данных процессов трансформируются бизнес-модели и операционные процессы компаний, а вместе с ними – и их финансовая сфера. Как отмечают исследователи, цифровая трансформация к настоящему времени стала «преобразующей силой» в финансовой отрасли, меняя способы предоставления и потребления финансовых услуг, порождая как новые возможности роста, так и новые риски, которые необходимо учитывать.

Для промышленных предприятий – основного звена материального производства – эти изменения особенно значимы, поскольку именно в промышленности формируется значительная часть национального дохода, и от эффективности финансовых процессов в отрасли зависит устойчивое развитие экономики в целом. В условиях цифровизации промышленности появляется необходимость переосмыслить сущность и содержание финансовой деятельности промышленного предприятия, рассматривая ее в качестве самостоятельного объекта отраслевого экономического анализа.

Финансовая деятельность предприятия пронизывает все этапы хозяйственного процесса – от обеспечения производства капиталом до распределения полученной прибыли – и тем самым играет системообразующую роль в отраслевой экономике.

Для раскрытия содержания финансовой деятельности промышленного предприятия необходимо рассмотреть её внутреннюю структуру. Финансовая деятельность промышленного предприятия представляет собой систему экономических отношений, реализуемых в процессе формирования, распределения и использования финансовых ресурсов. В рамках отраслевого экономического анализа данный объект отличается функциональной многоплановостью, воспроизводимостью и структурной целостностью, что требует его предварительной теоретической систематизации [3].

С учётом сложности и внутренней иерархии финансовой деятельности, целесообразно рассматривать её как совокупность взаимосвязанных функциональных направлений, каждое из которых реализуется через определённый набор процессов, ориентированных на достижение конкретных экономических результатов. Обобщённо к основным направлениям финансовой деятельности промышленного предприятия относятся:

- разработка финансовой стратегии, планирование и прогнозирование;
- бюджетирование по центрам финансовой ответственности;
- оперативное управление денежными потоками;
- организация учёта, контроля и анализа финансовых результатов;
- формирование и реализация инвестиционной политики;
- взаимодействие с внешними финансовыми институтами (банками, инвесторами, органами государственного регулирования) [4].

Перечисленные направления обеспечивают решение ключевых задач, включая ресурсное обеспечение операционной и инвестиционной деятельности, поддержание платёжеспособности, выполнение обязательств

перед контрагентами и государственными структурами, а также повышение эффективности использования капитала.

Функциональные блоки финансовой деятельности конкретизируются через четыре основных компонента, имеющих аналитическую значимость:

1. Финансовые процессы — воспроизводимые последовательности операций, обеспечивающие выполнение функций планирования, бюджетирования, учёта, анализа и контроля;

2. Финансовые потоки — движение денежных средств и обязательств, выражающее экономические отношения предприятия с внешней и внутренней средой;

3. Финансовые результаты — итоговые показатели эффективности использования ресурсов: прибыль, рентабельность, добавленная стоимость и др.;

4. Функции финансов — распределительная, контрольная, стимулирующая и регулирующая роли финансов в экономике предприятия [2].

Каждый из этих компонентов обладает свойствами наблюдаемости и измеримости, что делает возможным их теоретическое выделение и структурный анализ. Их содержание раскрывается далее.

Финансовые процессы охватывают все уровни управления: от стратегического планирования до оперативного исполнения. В их составе — процессы составления бюджета, прогнозирования потоков, ведения учёта, подготовки отчётности, проведения анализа и контроля исполнения финансовых планов. Эти процессы формализованы, повторяемы и служат инфраструктурой для реализации финансовой функции предприятия [1].

Финансовые потоки представляют собой систему входящих и исходящих движений денежных ресурсов. К входящим потокам относятся выручка, привлечённые инвестиции, кредиты; к исходящим — текущие издержки, выплаты по обязательствам, инвестиционные расходы. Потоки классифицируются по источникам и направлениям (операционные, инвестиционные, финансовые), что обеспечивает возможность их системного анализа и оптимизации [1].

Финансовые результаты фиксируют степень достижения предприятием поставленных целей. Они включают не только показатели прибыли и убытков, но и коэффициенты рентабельности, финансовой устойчивости, эффективности использования капитала. Динамика финансовых результатов служит индикатором эффективности функционирования предприятия и качества финансового управления [3].

Функции финансов, будучи элементами содержания финансовой деятельности, проявляются в распределении ресурсов, контроле за их использованием, формировании стимулов и соблюдении нормативных ограничений. Эти функции обеспечивают связность финансовых процессов с более широкими задачами экономического развития предприятия и отрасли [4].

Для систематизации связей между функциями деятельности и конкретными процессами, реализующими их, целесообразно представить обобщённую структуру соответствия. Она позволяет зафиксировать, каким образом функциональные направления финансовой деятельности распадаются на воспроизводимые процессы. Обобщённая структура соответствия представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Декомпозиция финансовой деятельности промышленного предприятия на финансовые процессы

Компонент финансовой деятельности	Содержание компонента (функциональная роль)	Включаемые финансовые процессы
Финансовое планирование и бюджетирование	Обеспечение стратегических, среднесрочных и оперативных ориентиров	– Разработка финансовой стратегии – Планирование потребности в ресурсах – Бюджетирование по ЦФО – Прогнозирование денежных потоков
Управление денежными средствами и потоками	Операционное обеспечение движения финансовых ресурсов	– Управление поступлением и расходованием ДС – Контроль платёжного календаря – Управление кассовыми разрывами
Учёт и отчётность	Формирование достоверной финансовой информации	– Финансовый и управленческий учёт – Подготовка регламентированной и внутренней отчётности
Финансовый анализ и контроль	Оценка состояния и результатов финансовой	– Анализ рентабельности и оборачиваемости – Диагностика ликвидности и

Компонент финансовой деятельности	Содержание компонента (функциональная роль)	Включаемые финансовые процессы
	деятельности	устойчивости – Финансовый контроль исполнения бюджета
Инвестиционная деятельность и привлечение капитала	Обеспечение воспроизводства и роста капиталобразующих ресурсов	– Оценка эффективности проектов – Формирование инвестиционного бюджета – Привлечение и обслуживание заимствований
Взаимодействие с внешними институтами	Участие в институциональной финансовой системе	– Расчёты с банками – Работа с инвесторами – Представление отчётности – Выполнение налоговых обязательств

Приведённая декомпозиция демонстрирует, что каждый компонент финансовой деятельности имеет процессное наполнение, поддающееся наблюдению, воспроизведению и экономическому анализу. Это подтверждает теоретическую обоснованность последующего перехода от объекта анализа — финансовой деятельности в целом — к его предметной области — финансовым процессам.

На основе функциональной классификации возможна группировка финансовых процессов по укрупнённым блокам. Такая группировка фиксирует назначение процессов и отражает их прикладную направленность в рамках деятельности предприятия. Такая группировка позволяет представить финансовую деятельность как структурированную совокупность взаимосвязанных процессов, обеспечивающих выполнение планово-прогнозных, операционных, аналитических, инвестиционных и внешнеориентированных задач. Структура этих процессов представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Структура процессов финансовой деятельности промышленного предприятия по функционально-целевым блокам

№	Функциональный блок	Назначение	Состав процессов
1.	Планово-прогнозные процессы	Формирование ориентиров и нормативов финансовой деятельности	– Составление финансовой стратегии – Финансовое планирование (долгосрочное, среднесрочное, оперативное) – Бюджетирование по центрам финансовой ответственности – Прогнозирование денежных потоков – Оценка потребности в капитале и определение источников финансирования
2.	Операционные финансовые процессы	Обеспечение текущей деятельности предприятия	– Управление поступлением и расходованием денежных средств – Организация расчётов с поставщиками, подрядчиками, покупателями – Управление дебиторской и кредиторской задолженностью – Управление оборотными активами и обязательствами – Контроль исполнения бюджетов и лимитов финансирования – Поддержание ликвидности и платёжеспособности
3.	Учётно-аналитические процессы	Формирование информационной базы для управления	– Финансовый учёт (бухгалтерский и управленческий) – Подготовка финансовой отчётности (регламентированной и внутренней) – Анализ финансовых результатов и рентабельности – Оценка финансовой устойчивости, ликвидности и деловой активности – Диагностика финансовых рисков – Внутренний финансовый аудит

№	Функциональный блок	Назначение	Состав процессов
4.	Инвестиционные-финансовые процессы	Обеспечение долгосрочного развития предприятия	– Разработка инвестиционных программ – Оценка эффективности инвестиционных проектов – Формирование инвестиционного бюджета – Финансирование капитальных вложений – Привлечение и размещение долгосрочного капитала – Управление стоимостью предприятия
5.	Внешние финансовые процессы	Обеспечение взаимодействия с внешними институтами	– Взаимодействие с банками (кредитование, расчётно-кассовое обслуживание) – Работа с инвесторами и акционерами – Взаимодействие с налоговыми органами и государственными фондами – Представление отчётности во внешние структуры – Получение государственных субсидий, грантов, компенсаций

Представленная классификация демонстрирует, что финансовая деятельность промышленного предприятия охватывает весь спектр управленческих и обеспечивающих функций, реализуемых через воспроизводимые и наблюдаемые процессы. Установленная структурная целостность и функциональная полнота объекта исследования формируют методологическую основу для дальнейшей фокусировки на его элементах — прежде всего на финансовых процессах, обладающих аналитической значимостью и пригодных для количественной оценки в условиях изменяющейся экономической среды.

Таким образом, структурная целостность и многокомпонентность финансовой деятельности позволяют рассматривать её как сложную экономическую систему, внутри которой процессы выполняют роль

элементарных единиц реализации. Именно на них целесообразно фокусировать исследовательское внимание: они обладают измеримыми параметрами, реагируют на внешние условия и допускают формализацию.

Список литературы:

1. Alassuli H., Zakaria M., Rahman R. et al. Digitalization, firm performance and financial management in the industrial sector // Journal of Financial Reporting and Accounting. — 2025. — Vol. 23, No. 1. — P. 67–84.
2. Bondarenko T.G., Takhumova O.V. Analysis of financial results as a basis for assessing the economic efficiency of the enterprise // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Digital Economy: Problems and Prospects”. — 2019. — P. 134–140
3. Афанасьева М.Ю. Финансовая устойчивость промышленных предприятий в условиях макроэкономической нестабильности // Региональная экономика: теория и практика. — 2024. — № 2. — С. 81–95).
4. Кулаков А.М. Финансовая стратегия промышленного предприятия: теория и практика. — М.: Дашков и К°, 2024. — 215 с.

С.Н. Шишонков, М.В. Якунина

Методика оценки эффективности благоустройства городской среды
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье рассмотрены отечественные и зарубежные методики оценки эффективности благоустройства городской среды.

Ключевые слова: городская среда, благоустройство, методы оценки.

S.N. Shishonkov, M.V. Yakunina

Methodology for assessing the effectiveness of urban environment improvement

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article discusses domestic and foreign methods for assessing the effectiveness of urban environment improvement.

Key words: urban environment, improvement, assessment methods

В современных условиях социально-экономического развития российских регионов особую важность приобретают проекты благоустройства городской среды. Задача улучшения качества (городской) среды стала особенно актуальной в последнее десятилетие. Связано это с принятием в 2017 г. проекта «Формирование комфортной городской среды». Проекты рассматриваются не только как элементы городской эстетики, но и как важные двигатели социально-экономического прогресса региона, влияющие на качество жизни, развитие предпринимательства, туристическую привлекательность территорий, инвестиционный климат и структуру городской экономики.

На примере Калужской области можно наблюдать существенную активизацию работ по созданию и модернизации общественных пространств — реконструируются набережные, площади, парки, музеи, создаются новые туристические маршруты и культурные зоны.

При этом становится важным не только реализовать проекты, но и оценить их экономическую результативность, то есть количественно и качественно оценить эффекты, возникающие в результате вложений в благоустройство.

Однако в российской практике отсутствует единая универсальная методика оценки экономического эффекта проектов благоустройства.

Существующие инструменты — преимущественно индексы и рейтинги городской среды — оценивают качество пространства, но не дают полного представления о его экономическом влиянии.

В зарубежной практике есть комплексные подходы, позволяющие измерять влияние благоустройства на экономику территорий благодаря использованию инструментов Анализ затрат и выгод (Cost-Benefit Analysis (CBA)), Социальный возврат на инвестиции (Social Return on Investment (SROI)), Input-Output анализов, моделей мультипликаторов и др.

России самые крупные и подробные системы оценки благоустройства городов созданы двумя организациями — Минстроя и Внешэкономбанком (ВЭБ). Обе работают с 2018 года. Индекс ВЭБ при этом изначально задумывался как инструмент для улучшения качества жизни горожан.

Оба индекса — комплексные, то есть складываются из множества показателей. Их появление стало ответом на задачи, которые были поставлены правительством: научиться на основе данных планировать развитие городов и повышать качество жизни людей.

Напрямую сравнивать эти два индекса между собой практически невозможно — они устроены по-разному. Но при этом они хорошо дополняют друг друга. Индекс Минстроя смотрит на город как на территорию: насколько качественно устроена городская среда. Индекс ВЭБ, наоборот, ставит в центр человека и оценивает, насколько комфортно людям живётся в городе.

Рассмотрим, как эта методика работает на практике, на примере города Калуга за 2024 год. Город набрал 241 балл из 360 возможных. Индикатор характеризуется зеленым цветом, что официально классифицирует среду как благоприятную, причем в г. Калуге внимание уделяется всем сферам жизни, а не только, например, дорогам или паркам.

Индекс ВЭБ.РФ – собирает более полную информацию о городах. По ключевому для данного исследования показателю «Благоустройство» Калуга набрала 63.13 балла. Это значение не просто находится на высоком уровне, но и заметно превышает среднее значение по кластеру, которое составляет 54.12 балла. Это свидетельствует о том, что меры по улучшению городской среды в регионе дают результат, превышающий среднестатистические показатели по аналогичным городам России.

Также стоит обратить внимание на показатель «Удовлетворенность», который является субъективной оценкой жителей. В Калуге он составляет 69.43 балла, что значительно выше среднего по кластеру (53.37). Такая корреляция между высоким баллом за благоустройство и высокой

удовлетворенностью жителей подтверждает тезис о прямом влиянии качества среды на социальное самочувствие населения.

Остальные экономические и социальные показатели, такие как «Доход и работа» (60.74) и «Безопасность» (61.21), также демонстрируют значения выше средних по группе, что позволяет говорить о комплексном позитивном эффекте развития территории.

Методика ВЭБ.РФ примечательна тем, что она комбинирует объективные статистические данные с субъективной оценкой самих горожан. С одной стороны, учитываются технические и градостроительные параметры, опирающиеся на данные местных властей и системы ЖКХ:

- Коэффициент разнообразия жилой застройки (анализ типов домов);
- Доля озелененных территорий общего пользования;
- Техническая оснащенность улиц (например, доля дорог с ливневой канализацией);
- Уровень внешнего оформления (наличие регламентов по вывескам, подсветка фасадов).

С другой стороны, значительный вес имеют социологические показатели (источник данных — «Опрос респондентов»). Система оценивает не просто физическое наличие парка или двора, а конечную удовлетворенность жителей их состоянием и оснащенностью. Особое внимание уделяется восприятию среды: измеряется доля жителей, считающих свой город «красивым и ухоженным», а также доля тех, кто видит положительную динамику в благоустройстве.

Такой подход позволяет измерить именно социальную эффективность вложений: даже если формальные показатели (например, площадь парков) высоки, но жители недовольны чистотой или качеством уборки, итоговый балл будет скорректирован вниз. Это подтверждает тезис о том, что Индекс ВЭБ ориентирован на человека и его ощущения от жизни в городе.

Зарубежная практика демонстрирует использование комплексных подходов, позволяющих оценивать экономическую, социальную и пространственную отдачу проектов благоустройства. Ниже представлены основные международные методы.

Cost–Benefit Analysis – сравнение затрат с прямыми и косвенными выгодами (доходы бизнеса, туризм, налоги).

Social Return on Investment – перевод социальных эффектов (здоровье, вовлечённость, снижение преступности) в денежный эквивалент.

Региональные мультипликаторы и Input–Output-анализ – оценка рабочих мест, влияния на смежные отрасли и ВРП.

Гедоническое ценообразование – измерение влияния благоустройства на цены недвижимости.

Таким образом, проведённый анализ показал, что существующие российские индексы (Минстрой, ВЭБ.РФ) хотя и фиксируют высокий уровень благоустройства и качества городской среды Калуги, не позволяют напрямую оценить экономическую результативность отдельных проектов. При этом статистика по региону (рост туристического потока, повышение удовлетворённости жителей, развитие общественных пространств) свидетельствует о заметном вкладе проектов благоустройства в экономику и социальную сферу области.

В этих условиях в рамках практических исследования целесообразно помимо использования индексов Минстроя и ВЭБ.РФ, как фоновых показателей качества среды и социального восприятия, применять адаптированные методы СВА, SROI и др., позволяющие оценить экономический эффект конкретных объектов. Сопоставлять результаты экономических расчётов с данными индексов, что позволит связать изменение показателей городской среды с реальными социальными и экономическими эффектами проектов благоустройства.

Список литературы:

1. Галкина А.Д. , Плюсин Ю.М. Благоустройство городской среды и методы его оценки// Вопросы государственного и муниципального управления, 2025 №3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/indeksnyy-podhod-k-otsenke-kachestva-gorodskoy-sredy-kak-instrument-povysheniya-effektivnosti-munitsipalnogo-upravleniya>
2. Ильина И.Н. Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 5 (164). С. 69–82. EDN: RTPZFB.
3. Крутиков В.К., Доможир В.В., Якунина М.В. и др. Местное самоуправление в единой системе публичной власти: процесс реформирования финансовых ресурсов. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского.- 2026-158с.
4. Ратьковская Т.Г. Индекс качества городской среды городов РФ: особенности индекса и положение территорий ДФО // Устойчивый Север: общество, экономика, экология, политика. 2021. С. 205–211. EDN: GQHFVN.

М.В. Якунина, Ю.Г. Малахова

Рынок банковских услуг в России в 2025 году

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

В статье представлен анализ состояния рынка банковских услуг, его структуры, тенденций и перспектив развития на основе актуальных аналитических материалов.

Ключевые слова: рынок банковских услуг, банки, банковские операции.

M.V. Yakunina, Yu.G. Malakhova

The banking services market in Russia in 2025

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

The article presents an analysis of the state of the banking services market, its structure, trends, and development prospects based on current analytical materials.

Key words: banking services market, banks, banking operations.

В 2025 году российский рынок банковских услуг оказался под влиянием жесткой денежно-кредитной политики, структурных изменений в экономике и активного развития цифровых технологий. Несмотря на внешние и внутренние вызовы, банковский сектор продемонстрировал устойчивость, сохранив положительную динамику по ключевым показателям.

Активы банковского сектора в 2025 году превысили 200 трлн рублей, что свидетельствует о продолжающемся росте даже в условиях макроэкономической нестабильности. Чистая прибыль за девять месяцев 2025 года составила 2,83 трлн рублей, а по итогам года ожидается на уровне 3,5–3,6 трлн рублей, что лишь немного уступает рекордному 2024 году. Концентрация рынка: доля десяти крупнейших банков достигла 79,8% к концу 2024 года и продолжает расти за счет сделок M&A и органического расширения. Крупнейшие игроки обладают значительным запасом капитала и лидируют по внедрению цифровых сервисов.

Рейтинги банков по ключевым критериям представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Рейтинги банков РФ по ключевым критериям (2025 год)

Критерий	Лидеры (2025)	Краткое описание/ значения
Активы (трлн руб.) <i>* на конец III квартала 2025 года.</i>	1. Сбербанк — 58,1 2. ВТБ — 33,1 3. Газпромбанк — 17,2 4. Альфа-Банк — 11,1 5. НКЦ — 9,3	Совокупные активы топ-25 банков: 166,6 трлн руб. Сбербанк занимает более трети рынка.
Чистая прибыль (трлн руб.)	1. Сбербанк 2. ВТБ 3. Газпромбанк	За 9 мес. 2025: Сбербанк и ВТБ сохраняют лидерство, прибыль сектора ~3,5–3,6 трлн руб.
Надежность (рейтинги Moody's/ S&P)	1. Сбербанк — A+/AA– 2. ВТБ — A/A+ 3. Газпромбанк — A/A 4. Альфа-Банк — Baa2/BBB 5. Тинькофф — Baa1/BBB+	CAR (достаточность капитала): Сбербанк — 18,2%, ВТБ — 16,7%, Газпромбанк — 17,5%
Цифровизация (инновации, финтех)	1. Тинькофф Банк 2. Яндекс Банк 3. ОЗОН Банк 4. Вайлдберриз Банк 5. Сбербанк	Быстрый рост экосистемных банков (+60–100% активов), лидерство по внедрению цифровых сервисов.

Рынок банковских услуг в 2025 году ознаменовался появлением большого количества банковских продуктов, что представлено в таблице 2.

Таблица 2 – Новые виды банковских продуктов в России (2025 год)

Название продукта	Целевая аудитория	Особенности и преимущества
Социальный вклад Вклад для льготных категорий граждан, открываемый по запросу через «Госуслуги». Максимальная сумма — 50 000 руб., срок — 1 год. Ставка — максимальная по вкладам до года в банке.	Получатели социальных выплат, малообеспеченные граждане	Бесплатное пополнение, снятие, перевод средств; ежемесячная выплата процентов; возможность продления при сохранении статуса льготника
Социальный счёт Счёт для льготников с процентной	Получатели социальных	Бесплатные операции, ежемесячное

Название продукта	Целевая аудитория	Особенности и преимущества
ставкой не менее половины ключевой ставки ЦБ. Открывается только один на человека.	выплат	начисление процентов, оформление через «Госуслуги»
Цифровой рубль Электронная форма национальной валюты, выпускаемая ЦБ РФ. Хранится на цифровых кошельках, доступен через приложения банков.	Все категории клиентов (физлица и юрлица)	Мгновенные расчёты, интеграция с СБП и QR-кодами, высокий уровень прозрачности и автоматизации
Смарт-депозиты с ИИ Депозиты с индивидуальными условиями, формируемыми на основе анализа поведения клиента с помощью искусственного интеллекта.	Розничные и корпоративные клиенты	Персонализированные ставки, гибкие условия пополнения и снятия, автоматическое продление
Блокчейн-вклады и ЦФА Вклады и инвестиционные продукты, связанные с цифровыми финансовыми активами (токенизированные облигации, цифровые займы).	Инвесторы, корпоративные клиенты	Прозрачность операций, автоматизация расчётов через смарт-контракты, новые инвестиционные возможности
IoT-банкинг (банкинг вещей) Автоматизация платежей и расчётов между устройствами (например, оплата коммунальных услуг или логистики напрямую через сенсоры).	Корпоративные клиенты, логистика, ЖКХ	Автоматизация расчётов, интеграция с ERP и IoT-устройствами, снижение издержек
Гиперперсонализированные продукты Банковские продукты (кредиты, вклады, инвестиции), условия которых формируются индивидуально под клиента на основе анализа больших данных.	Все категории клиентов	Индивидуальные ставки, сценарии обслуживания, интеграция с бизнес-процессами клиента
AR/VR-банкинг Виртуальные офисы, консультации	Корпоративные клиенты,	Виртуальные презентации, обучение

Название продукта	Целевая аудитория	Особенности и преимущества
и обучение через <i>AR/VR</i> -технологии.	<i>private banking</i>	сотрудников, консультации в <i>VR</i> -среде

К ключевым тенденциям рынка банковских продуктов в 2025 году можно отнести следующие:

1. Кредитование

Розничное кредитование:

– Прирост совокупного розничного кредитного портфеля за девять месяцев составил всего 2,8%.

– Ипотека сохранила положительную динамику (3,3%) благодаря льготным программам, но рыночный сегмент стагнировал из-за высоких ставок и ужесточения требований.

– Потребительские кредиты сократились на 6,6%, автокредиты выросли на 10,7%.

Корпоративное кредитование:

– Совокупный корпоративный портфель вырос на 6% за девять месяцев, в основном за счет финансирования застройщиков по льготным ставкам через эскроу-счета.

– Объем выдач кредитов МСП снизился более чем на 18%.

2. Депозиты и фондирование

Привлечённые средства населения выросли на 8,9%, а остатки на счетах эскроу — на 14,7%. Ресурсы юридических лиц сократились на 1,7% из-за уменьшения временно свободных остатков.

3. Цифровизация и финтех

Активно развиваются финтех-компании, их доля в активах выросла с 0,01% (2022) до 0,4% (2024). Крупные банки лидируют по уровню цифровизации, внедряя инновационные карточные продукты (например, карта «Прибыль» Уралсиба вошла в топ-5 лучших дебетовых карт 2025 года).

4. Проектное финансирование

Портфель проектного финансирования достиг 8,2 трлн рублей (9% корпоративного портфеля), 98% строящихся проектов используют эскроу-счета. Пятёрка крупнейших банков обеспечивает 92% финансирования.

К рискам и вызовам рынка можно отнести:

– Рост кредитного риска: Доля просроченных кредитов в ипотеке выросла до 1,7%, в потребительских кредитах — до 12,9%.

– Высокая долговая нагрузка населения и закредитованность сдерживают восстановление розничного кредитования.

– Регуляторные риски: Ужесточение требований к капиталу и концентрации рисков затрудняет органический рост небольших банков.

Прогнозные значения на 2026 год: ожидается плавное снижение ключевой ставки до 11–12% к концу 2026 года; восстановление розничного кредитования будет умеренным (7–8% в год), корпоративный портфель может вырасти на 10%; банковский сектор сохранит прибыльность (3,7–3,8 трлн руб.), но рост потерь по кредитному риску продолжится.

Таким образом, в 2025 году российский рынок банковских услуг продемонстрировал устойчивость и адаптивность к сложным макроэкономическим условиям. Ключевыми драйверами развития стали цифровизация, консолидация рынка и активное внедрение инновационных продуктов. В ближайшие годы ожидается постепенное восстановление кредитования, дальнейший рост доли крупнейших игроков и усиление роли цифровых сервисов в обслуживании клиентов

Список литературы:

1. Банковский сектор России: анализ 2025 года и прогноз на 2026 год // Коммерсантъ. — 2026. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8270555>.
2. Банковский сектор | Эксперт РА: аналитический обзор. — 2025. — URL: https://raexpert.ru/researches/bank_sector_2025/.
3. Банк России: аналитический обзор банковского сектора. 4 квартал 2025 год. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59730/analytical_review_bs-2025-4.pdf.
4. Как банки остались устойчивыми на фоне ухудшения финансового положения бизнеса — URL: <https://www.audit-it.ru/news/finance/1131508.html>
5. Рынок банковских услуг в России: итоги 2025 и прогнозы.- URL: <https://frankrg.com/research/rynok-bankovskih-uslug-v-rossii-itogi-2025-i-prognozy>.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
Калужского государственного
университета имени К.Э. Циолковского

Серия
Гуманитарные науки

2026